

КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КАРЕЛИИ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛЬСКОЙ АССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1958**

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КАРЕЛИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛЬСКОЙ АССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1958

*Печатается по постановлению
президиума Карельского филиала
Академии наук СССР*

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Я. А. БАЛАГУРОВ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
КАРЕЛИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Карельского филиала
Академии наук СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛЬСКОГО ФИЛАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР
1981

Г. А. ПАНКРУШЕВ

**НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ДРЕВНЕЙШЕЙ
ИСТОРИИ КАРЕЛИИ****(по материалам археологических работ, проведенных летом 1955 года)**

Отдельные данные по археологии Карелии известны со 2-й половины XIX века. Это — первые сведения о наскальных изображениях восточного побережья Онежского озера, коллекции археологических вещей, собранных на территории Карелии, и статьи с кратким описанием этих коллекций.

Однако по-настоящему археологическое изучение Карелии началось только в советский период, когда эту работу возглавили крупные государственные научные учреждения. В этот период в Карелии стали проводиться ежегодные планомерные археологические работы под руководством А. Я. Брюсова, В. И. Равдоникаса, А. М. Линевского, Н. Н. Гуриной и др. Появились крупные монографические исследования, в которых подведены итоги работы, проведенной здесь археологами, и дана научная разработка некоторых основных вопросов по древнейшей истории Карелии.

В результате археологических работ в Карелии открыт и исследован ряд памятников периода неолита и раннего металла. В том числе: Оленеостровский могильник, наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, стоянки неолита и раннего металла (Сунские, Соломенские, Машезерские, Сямозерские, Медвежьегорские и др.).

Но все же археологическая карта Карелии имеет еще много белых пятен и, чтобы заполнить их, нужен длительный труд; в частности, необходимо проведение ежегодных археологических работ, ибо только новые археологические данные, в сочетании с данными других смежных наук, дадут возможность разрешить неясные вопросы в области древнейшей истории Карелии.

Археологической разведкой, проведенной летом 1955 года на территории Карелии, открыто 22 древних поселения периода неолита и раннего металла и одно неолитическое захоронение (см. приложение 1). Из них: 1) в районе пос. Соломенное — 4 стоянки, 2) в Заонежском районе — 10 стоянок и неолитическое захоронение, 3) в Медвежьегорском районе — 4 стоянки, 4) в Пудожском районе — 4 стоянки. В ходе археологической разведки проводились небольшие раскопки как вновь открытых, так и ранее известных памятников.

Древние поселения наиболее полно исследованы в районе пос. Соломенное и в 9 км от с. Челмужи Медвежьегорского района. На Южном Оленьем острове в Онежском озере произведены раскопки неолитической мастерской по выделке каменных орудий. В Заонежском районе, близ д. Хашезеро Шуньгского сельсовета раскопано неолитическое захоронение.

Значительный научный интерес представляют стоянки периода неолита, открытые в Пудожском районе (в низовьях реки Водлы, близ деревень Семеново и Кашино) и в Медвежьегорском районе (на островах Иванцев и Пидостров и на полуострове Коч-наволок, близ с. Повенец).

Стоянки, найденные в Заонежском районе, разрушены пахотой, и культурный слой на них не сохранился.

При проведении археологических работ в районе пос. Соломенное был исследован небольшой оз¹ (около 1 км длиной), который, начинаясь у кирпичного завода (северо-западнее поселка), тянется вдоль западного берега оз. Логмозеро. Этот оз сложен из песка и мелкой гальки, с отдельными валунами. В настоящее время он перекопан большим количеством песчаных карьеров, из которых брали и берут песок для кирпичного завода.

Обследование оза археологической экспедицией 1955 года показало, что на всем его протяжении в песчаных карьерах встречаются древняя керамика и каменные орудия. Это свидетельствует о том, что часть стоянок на озе уничтожена.

Более тщательное исследование северо-западной оконечности оза привело к открытию 4 стоянок периода неолита и раннего металла (см. приложение 2), кроме ранее известной здесь стоянки Соломенное II; причем на одной из этих стоянок найден инвентарь двух разновременных поселений.

Всего в районе пос. Соломенное, с ранее открытыми здесь стоянками древнего человека, нам известно 9 древних поселений.

Материал, полученный при исследовании этих поселений, дает нам возможность проследить развитие материальной культуры родовых групп, населявших данную территорию с III тысячелетия до н. э. (см. приложения 3—7).

Основным материалом, способствующим датировке Соломенских стоянок, является керамика, хронология которой для карельских стоянок периода неолита и раннего металла довольно четко разработана в трудах А. Я. Брюсова и Н. Н. Гуриной.²

Согласно керамическим данным, наиболее древним из открытых здесь поселений является стоянка Соломенное V (нижний слой), которую приблизительно можно датировать 2-й половиной III тысячелетия до н. э., ближе к его середине. За ней следуют: стоянка Соломенное II и стоянка у лесопильного завода, относящиеся к последней четверти III тысячелетия до н. э.; стоянка Соломенное IV, которая датируется концом III тысячелетия до н. э.; стоянка Соломенное I, относимая к кон-

¹ Озы — возвышенности ледникового происхождения, вытянутые с юго-востока на северо-запад, достигающие нескольких десятков километров в длину, при ширине в десятки — сотни метров и высоте от 5—20 до 90 м. Линия гребня волнистая.

² А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940 и др.; Н. Н. Гурина. Поселение эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. «Материалы и исследования по археологии СССР», МИА № 20, М.—Л., 1951.

цу III — началу II тысячелетия до н. э.; стоянка Соломенное III, датируемая 1-й половиной II тысячелетия до н. э.; стоянка Соломенное V (верхний слой), относящаяся ко 2-й половине II тысячелетия до н. э., ближе к его середине; стоянка Соломенное IIIa, датируемая концом II или началом I тысячелетия до н. э. и, наконец, бронзо-литейная мастерская в устье р. Томицы, относимая открывшим ее А. Я. Брюсовым к 1-й половине I тысячелетия до н. э., ближе к его середине.

Географические и высотные данные Соломенских стоянок (в особенности их расположение на озовых хребтах на высоте 5—6 м над уровнем воды в озере) свидетельствуют о том, что в древности местность, занимаемая ими, представляла собой несколько иную, чем в настоящее время, картину.

На основе геологических данных¹ нам известно, что территория Фенно-Скандии после отступления ледника постепенно поднимается, причем поднятие это нарастает в направлении с юго-востока на северо-запад.

Учитывая эти обстоятельства, можно видеть, что оз. Логмозера с его низменными берегами в древности было широким заливом Онежского озера с сильно изрезанными берегами. Об изрезанности западного берега древнего Логмозера свидетельствуют, например, озы, подходящие в настоящее время вплотную к берегу, и болотистые низины между ними. Озы в древности были полуостровами, вдававшимися в озеро; низины были затоплены водами озера.

Размеры и изрезанность берегов древнего Логмозера, по-видимому, изобиловавшего рыбой в значительно большей степени, чем в настоящее время, способствовали тому, что здесь на островах и полуостровах озового происхождения селились древние рыболовы. Их поселения были небольшими стойбищами сезонного характера. Жили они здесь, по всей вероятности, только в летний период, что подтверждается небольшими размерами найденных стоянок, площади которых обычно не превышают 100—150 кв. м, незначительным количеством археологических находок на стоянках, малой мощностью культурного слоя², отсутствием следов долговременных жилищ и других хозяйственных комплексов, а также очагов, сложенных из камней, слабой (10—15 см) мощностью зольной прослойки в кострищах и, наконец, неудобством места расположения стоянок на озовых мысах, вдающихся в озеро и открытых всем ветрам.

Это предположение ни в коей мере не противоречит тому, что в данном районе были и постоянные долговременные поселения древних рыболовов. Одним из таких поселений являлась, вероятно, стоянка Соломенное I, довольно значительная по занимаемой ею площади (около 500 кв. м) и с мощностью культурного слоя, достигающей 50—60 см.

Жилищами для людей на сезонных стоянках служили, по всей вероятности, примитивные шалаши. Пища приготавливалась в глиняных сосудах на кострах.

Основным занятием древних обитателей Соломенских стоянок было рыболовство. Это предположение подтверждается как характером

¹ И. П. Герасимов и К. К. Марков. Четвертичная геология. М., 1930.

² Культурный слой — погребенный поздними наслоениями древний почвенный слой со следами древнего поселения: остатками жилых и хозяйственных построек, орудий труда и различной хозяйственной утвари, перегнившими пищевыми веществами и т. п.

самых стойбищ, расположенных в местах, удобных для рыбной ловли и неудобных для постоянного жительства, так и характером инвентаря. Так, например, наиболее частыми находками на открытых здесь стоянках являются грузила от рыболовных сетей. Сети изготовлялись, вероятно, из лыка, так как никакого другого волокна в то время на севере и, в частности в Карелии, не знали. Тогда как остатки сетей, сплетенных из лыка, вместе с поплавками из сосновой коры и каменными грузилами найдены при раскопках стоянок периода неолита на западном побережье Ладожского озера у Корпилахти близ Антреа¹, в Сиверце, недалеко от г. Нарвы² и в Сарнатском торфянике в западной части Латвийской ССР.³ Ловля рыбы сетями заставляет предполагать, что у древних рыболовов, обитавших в этом районе, были лодки. Это предположение не может вызывать особых возражений, так как о наличии лодок у насельников Карелии в этот период времени свидетельствуют их многочисленные изображения в петроглифах Онежского озера и Белого моря. Для чистки и разделки рыбы применялись, очевидно, каменные (обычно кремневые) ножи, скребки, скребла.⁴

Второе по значению место занимала, по всей вероятности, охота. Инвентарь стоянок дает очень слабое представление о способах охоты обитателей этого района. Встречаются только наконечники стрел, что свидетельствует о применении лука местными древними охотниками. Об иных приемах охоты мы можем судить только по данным других районов Карелии и в целом севера, а также по этнографическим данным. Значительную роль в эту эпоху играло, вероятно, и собирательство (сбор грибов, ягод, съедобных корней растений и т. п.).

Орудия труда и оружие изготовлялись обитателями стойбищ в свободное от основной работы время из камня, кости и дерева, позднее, кроме того, из бронзы и железа. В связи с неблагоприятными почвенными условиями орудия и утварь из кости и дерева не сохранились. Поэтому на стоянках найдены только каменные орудия из сланца, кремня и песчаника.

Из приемов изготовления и обработки орудий применялись: сколотая техника, отжимная ретушь, шлифование, пиление и сверление.

При раскопках стоянок в районе пос. Соломенное найдены следующие орудия: грузила от сетей, топоры, тесла, долота, заготовки рубящих орудий, наконечники стрел, скребки и скребла, отбойники и шлифовальные плиты (см. приложения 3—4).

По материалам этих стоянок хорошо прослеживается процесс изготовления грузил для рыболовных сетей и изготовление шлифованных рубящих орудий (топоры, тесла, долота, стамески). Грузила обычно делались из сланцевых или песчаниковых плиток произвольной формы; для некоторых из них утилизированы обломки песчаниковых шлифовальных плит. У края такой плитки острым твердым, вероятно, кремневым орудием пробивалось биконическое отверстие, которое затем подправлялось сверлением (сверла, по-видимому, аналогичны найденным

¹ P ä l s i. Ein Steinzeitlicher Moorfund bei Korpi-lahti.— SMyA, t. XXVIII, 1920.

² Indreko R. Kivioja võrgu jäänuste leid Narvas.— Eesti Kahva Muuseumi Aastaraamat VII, Tartu, 1932.

³ Л. В. Ланкина. О раскопках в Сарнате. Доклад на пленуме ИИМҚа 5 марта 1956 г. в Ленинграде.

⁴ Эти же орудия применялись, по-видимому, при разделке туш животных на охоте и при обработке шкур этих животных.

Н. Н. Гуриной¹ на стоянке Вой-наволок близ с. Повенец). Против отверстия на краю плитки делался небольшой выем для удобства призывания веревки.

Наибольшее количество грузил (26 штук) найдено на стоянке Соломенное III, причем большая часть из них (19 штук) найдена в специально сделанном для них хранилище — в небольшом углублении, выкопанном в земле, где наряду с готовыми грузилами найдены и необработанные плитки, положенные, по-видимому, в запас. Сверху хранилище было засыпано землей. Это было сделано для предохранения грузил от атмосферных влияний, от которых сланец расслаивался и орудия портились.

Производство шлифованных рубящих орудий хорошо прослеживается по материалу стоянки Соломенное IV (см. приложение 4), где найден небольшой склад орудий, в котором представлены рубящие орудия всех стадий обработки. Здесь имеются грубо обработанные сколами при помощи отбойников заготовки рубящих орудий, имеются такие же заготовки в различной стадии обработки шлифованием с помощью шлифовальных плит из мелкозернистого песчаника и, наконец, совершенно готовое, прекрасно отшлифованное долото, сходное по форме с топором русско-карельского типа.

Посуда изготовлялась обитателями Соломенских стоянок из глины и, вероятно, из дерева. Глиняные сосуды лепились от руки ленточным способом и обжигались на открытых кострах. Орнамент на сосудах менялся во времени, менялась до некоторой степени и примесь к глиняному тесту.

Для древнейших поселений данного района, относящихся ко 2-й половине III тысячелетия до н. э., характерны толстостенные остродонные сосуды грубой лепки, среднего обжига, с примесью дресвы или крупного песка к глиняному тесту, орнаментированные простейшим ямочно-зубчатым орнаментом, составленным из чередующихся горизонтальных рядов кругло-конических ямок и коротких вдавлений зубчатого штампа или зубчатых линий, с резким преобладанием кругло-конических ямок над зубчатыми отпечатками.

Позднее к этому типу керамики примешивается не менее древняя (во всяком случае для северо-восточного побережья Онежского озера) керамика типа «сперрингс», относящаяся в данном районе к концу III— началу II тысячелетия до н. э., орнаментированная, главным образом, грубыми веревочными отпечатками и прочерченными линиями, образующими на стенках сосудов своеобразное переплетение из треугольников и четырехугольников, похожее на корзиночную плетенку.

Еще позднее, в 1-й половине II тысячелетия до н. э., ближе к его середине, получает распространение керамика, орнаментированная сложными геометрическими узорами из круглоконических и ромбических ямок, вдавлений зубчатого штампа и зубчатых линий.

Вслед за тем, во 2-й половине II тысячелетия до н. э., распространяется тонкостенная керамика слабого обжига с примесью асбеста к глиняному тесту, первоначально орнаментированная сложными узорами, составленными из вдавлений зубчатого штампа, зубчатых линий и круглоконических ямок; позднее — однообразным «елочным» узором

¹ Н. Н. Гуриной. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА № 20, М., 1951.

из поверхностных вдавлений короткого зубчатого штампа. Наряду с этим распространяется неорнаментированная «асбестовая» керамика. Сосуды этого типа тонкостенны, средних размеров, сравнительно слабого обжига; на раннем этапе они остродонны или круглодонны, позднее — плоскодонны.

В I тысячелетии до н. э. появляется «сетчатая» (с отпечатками ткани на стенках сосудов) керамика, в основном, неорнаментированная, иногда с ямочно-зубчатым орнаментом. Наряду с нею стала распространяться керамика без орнамента двух типов: штриховая (как бы вытертая по сырому тесту пучком травы) и гладкая с примесью дресвы или крупного песка к глиняному тесту. Сосуды этих 2 типов тонкостенны, плоскодонны, малых размеров.

Сосуды «сетчатого» типа свидетельствуют о зарождении у древних насельников Карелии в этот период ткачества.

Это предположение подтверждается наличием отпечатков примитивной ткани на стенках поздних, так называемых «сетчатых» сосудов.

Орудия древних обитателей этого района тоже претерпевали эволюцию. Для наиболее древних стоянок характерны большие массивные, хорошо отшлифованные рубящие орудия (топоры, тесла, долота), в частности, большие массивные топоры с округлым лезвием и овальным поперечным сечением и топоры русско-карельского типа, а также большое количество кремневых орудий (наконечники стрел, скребки, скребла, скобели, ножи, резцы и др.). Для более поздних стоянок характерны небольшие уплощенные рубящие орудия, иногда с небрежной шлифовкой; кремнь встречается реже.

На стоянках с поздней «асбестовой» керамикой, относящихся к концу II тысячелетия до н. э. и, возможно, к началу I тысячелетия до н. э., каменные орудия встречаются редко, хотя керамика обильна. Вероятно, обитатели этих стоянок уже были знакомы с бронзой и железом. Во всяком случае, на ряде карельских стоянок с подобной керамикой найдены признаки обработки металла (шлаки, тигли, льячки, горн).

С появлением «сетчатой» керамики в Карелии и, в частности, в районе пос. Соломенное распространилось производство металлических изделий, о чем свидетельствует найденная А. Я. Брюсовым бронзо-литая мастерская в устье Томицы и стоянка на Сямозере у Чуй-наволока, открытая Н. Н. Гуриной.

Таким образом, изучение материала древних стоянок, открытых в районе пос. Соломенное, дало возможность проследить в некоторой степени развитие материальной культуры у древнего населения этого района в период от середины III тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия до н. э.

На основе этого еще сравнительно небольшого материала мы можем видеть медленный, но непрерывный прогресс в развитии материальной культуры первобытных насельников Карелии, обитавших в районе пос. Соломенное. Так, например, в производстве орудий развитие шло от больших массивных и довольно однообразных шлифованных каменных орудий к более удобным небольшим уплощенным дифференцированным каменным орудиям, а затем к металлическим орудиям. В рыбной ловле — от применения сетей из лыка к сетям из льна и конопля. Это предположение подтверждается наличием отпечатков примитивных тканей на стенках поздних глиняных сосудов. В произ-

водстве хозяйственной утвари — от огромных грубых толстостенных круглодонных и остродонных глиняных сосудов к разнообразным по величине и по форме хорошо обожженным тонкостенным плоскодонным глиняным сосудам. Плоскодонность сосудов свидетельствует о применении стола, хотя бы и примитивного.

При изучении материала стоянок удалось выявить некоторые стороны быта и хозяйственной деятельности древних обитателей этого района на отдельных этапах их исторического развития, о чем говорилось выше.

Небольшой материал Соломенских стоянок не дает возможности проследить более конкретные стороны жизни людей и развития древних родовых групп этого района и сделать более широкие исторические выводы.

Следует отметить, однако, что археологическое обследование района пос. Соломенное еще только начато. Разведка, произведенная летом 1955 года, показала, что здесь несомненно еще будут открыты многочисленные археологические памятники и в том числе, по всей вероятности, не сезонные, а постоянные поселения, по которым можно будет широко изучить условия жизни и занятия древних обитателей этого района.

Небольшие раскопки были произведены также на месте древнего поселения, открытого в 1953 году Н. Н. Гуриной, в непосредственной близости от широко известного Оленеостровского могильника. Раскопки показали, что здесь находилось не поселение, а, по-видимому, неолитическая мастерская по изготовлению каменных орудий, о чем свидетельствует как характер самого памятника, расположенного на небольшом скалистом островке и не имеющего следов постоянных жилищ и других хозяйственных комплексов, так и найденный здесь инвентарь — большое количество заготовок каменных орудий, камней с надпилами, обломков шлифовальных плит, осколков сланца, роговика, кварца, кремня и т. п. (см. приложение 5).

По целому ряду признаков можно предположить, что люди жили здесь только в летний период времени и то не постоянно, а временными наездами. Жилищами им служили, вероятно, легкие временные шалаши.

О многократности посещений мастерской людьми в течение десятков, а, возможно, и сотен лет и о кратковременности их пребывания на ее территории с каждым приездом свидетельствует обширная площадь (свыше 10 000 кв. м), занимаемая мастерской, при сравнительно слабой мощности ее культурного слоя, отсутствие остатков долговременных жилищ, отсутствие очагов, сложенных из камня, большое количество небольших по размерам кострищ со слабой зольной прослойкой, расположенных без определенного плана на очень близких друг от друга расстояниях.

Основным продуктом питания у обитателей мастерской была рыба, причем ловили ее сетями, о чем свидетельствует большое число грузил от сетей, найденных при раскопках мастерской. О значении рыбы, как основного продукта питания древних обитателей мастерской, можно судить по исключительно большой насыщенности зольных прослоек кострищ жжеными рыбьими костями, тогда как кости животных в кострищах встречаются очень редко, причем все они принадлежат мелким животным. По-видимому, охотой здесь занимались в значительно

меньшей степени, чем рыбной ловлей, а охотились главным образом на мелких животных и, возможно, на птиц с помощью примитивных силков и ловушек.

Это обстоятельство, на мой взгляд, объясняется тем, что основным занятием обитателей мастерской было изготовление каменных орудий, и поэтому заниматься охотой на крупных животных, требующей много сил и времени, они не имели возможности. К тому же на небольших островах, подобных Южному Оленьему, несмотря на их близость к материку, вряд ли часто бывали крупные животные. Охотой на крупных животных обитатели мастерской занимались, по всей вероятности, на соседнем Большом Климецком острове, где, по-видимому, находилось их постоянное поселение, к сожалению, до сих пор не найденное.

При раскопках найдены только каменные орудия, но у обитателей мастерской наряду с этим были костяные и деревянные изделия, которые не сохранились в силу неблагоприятных почвенных условий.¹ Однако они несомненно были. Так, например, о том, что были деревянные изделия, косвенно свидетельствуют рубящие орудия для работы по дереву, найденные в значительном количестве в раскопе мастерской.

Из технических приемов по изготовлению каменных орудий обитателям мастерской так же, как и обитателям Соломенских стоянок были известны: сколотая техника, отжимная ретушь, шлифование, пиление, сверление. Для изготовления орудий применялись сланец, роговик, кварц, кварцит, кремль и песчаник.

Из орудий в раскопе мастерской более всего найдено обломков шлифовальных плит и грузил от рыболовных сетей, а также найдены топоры, желобчатые долота, стамески, кирка, пилы, скребки, ножевидные пластинки (см. приложение 5).

По способу применения каменные орудия, найденные при раскопках мастерской, можно подразделить на следующие категории: 1) орудия для работы по дереву (топоры, долота, стамески), 2) орудия для работы по камню (шлифовальные плиты, пилы, сверла, отбойники), 3) скребущие и режущие орудия (скребки, ножи, скобели), 4) орудия для рыбной ловли (грузила от рыболовных сетей), 5) землекопные орудия (кирка).

В отличие от Соломенских стоянок, здесь грузила изготавливались не из плиток, а из галек, причем, значительно меньших размеров. Приемы обработки грузил ничем не отличаются от приемов, применявшихся обитателями Соломенских стоянок. Однако в отличие от того района, здесь значительно шире распространены более примитивные грузила без отверстия с боковыми выемами.

Наряду с обработкой камня в мастерской производилась, вероятно, и обработка дерева, о чем свидетельствует значительное количество орудий для работы по дереву (топоры, долота, стамески), которые составляют 30% от всего состава орудий в раскопанной части мастерской, при 47% орудий, применявшихся для обработки камня. Из дерева производились, вероятно, некоторые виды посуды и различная хозяйственная утварь, деревянные части орудий, древки копий и стрел и т. п. Кроме того, здесь, возможно, делали лодки, что подтверждается наличием в мастерской желобчатых долот со следами употребления. На основе этногра-

¹ При наличии костных останков рыб и животных в кострищах мастерской, костяные орудия все же не сохранились. Это объясняется тем, что жженая кость лучше сохраняется.

фических данных¹ нам известно, что такие долота применялись, в основном, при производстве лодок.

Керамики при раскопках мастерской не найдено. По-видимому, глиняной посуды обитатели мастерской в обиходе не имели, хотя с керамическим производством они, несомненно, были знакомы, что можно утверждать на основании позднего характера инвентаря мастерской. Этот факт, мне кажется, лишний раз доказывает, что люди здесь бывали многократно, но кратковременно. Поэтому они не брали с собой даже посуды, а пищу приготовляли каким-то примитивным способом, возможно, поджаривали на открытых кострах. Вероятно, этим же можно объяснить отсутствие костей крупных рыб в кострищах мастерской, хотя при ловле сетями крупная рыба, несомненно, попадалась. Можно предположить, что основной улов увозили на место постоянного поселения, расположенного где-то поблизости.

Следовательно, на Южном Оленьем острове была летняя мастерская, куда люди приезжали, главным образом, для производства каменных орудий.

Аналогичные сезонные мастерские по производству каменных орудий были открыты А. Я. Брюсовым на берегах озер Машезера и Лососинного², при изучении которых он пришел к выводу, что люди приезжали туда много раз на короткие сроки. Причем, основным их занятием была рыбная ловля, а в неблагоприятную для рыболовства погоду они делали каменные орудия.

Нечто подобное, по-видимому, происходило и на Оленьем острове. Возможно, что здесь, в отличие от Машезерских и Лососинских стоянок, основным занятием было производство каменных орудий и деревянных изделий, а рыбная ловля была второстепенным делом.

Датировать мастерскую можно только приблизительно: небольшие размеры рубящих орудий (топоров, тесел, долот), их уплощенные формы и небрежная шлифовка говорят о позднем характере стоянки. По этим данным ее можно отнести ко II тысячелетию до н. э., приблизительно к его середине.

Мастерская является более поздним памятником, чем открытый здесь ранее неолитический могильник. В ее инвентаре нет никаких аналогий с инвентарем могильника. По-видимому, ко времени появления здесь обитателей мастерской могильник уже давно не использовался по назначению и был по тем или иным причинам забыт создавшим его племенем, а обитатели возникшей позднее мастерской не знали о его существовании.

Дальнейшие работы производились в Медвежьегорском районе. Раскопки неолитической стоянки в 9 км от с. Челмужи дали новый оригинальный материал, раскрывающий некоторые своеобразные стороны жизни обитателей этого поселения. Стоянка близ с. Челмужи открыта Н. Н. Гуриной в 1939 году и впервые раскапывалась ею в 1953 году. Нашими раскопками в 1955 году вскрыто 30 кв. м площади стоянки.

В отличие от стоянок, найденных в районе пос. Соломенное, которые были временными стойбищами древних рыболовов, стоянка близ

¹ В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771 — 1772 гг.). М.—Л., 1947. Н. Н. Миклухо-Маклай. Дневник путешествий (1873—1887 гг.), собр. соч., т. II, М.—Л., 1950.

² Я. А. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940.

с. Челмужи была постоянным долговременным поселением, существовавшим, возможно, не одну сотню лет. В настоящее время во всю свою длину стоянка перерезана шоссеной дорогой, проложенной из с. Челмужи в с. Повенец. Этой дорогой уничтожена основная часть стоянки, размеры которой достигают $1\frac{1}{2}$ — 2 тысяч кв. м. Однако оставшаяся часть стоянки представляет для нас значительный интерес.

Из археологического инвентаря, найденного на стоянке, наиболее обильна древняя керамика, которая относится к двум основным типам — «ямочно-зубчатой» и «сперрингс» (см. приложения 6—7).

Большинство исследователей, занимавшихся археологией Карелии, на основе тщательного изучения соответствующего археологического материала, согласилось с гипотезой А. Я. Брюсова, что племена или скорее отдельные разрозненные родовые группы с «ямочно-зубчатой» керамикой пришли в Карелию из Волго-Окского междуречья и частично с территории современной Новгородской области и Прибалтики в III тысячелетии до н. э. Одновременно с ними среднюю часть Карелии и, в частности северо-восточное побережье Онежского озера, заселили менее многочисленные родовые группы с керамикой типа «сперрингс».

Исследования Н. Н. Гуриной показали, что преобладающими на северо-восточном побережье Онежского озера на раннем этапе заселения Карелии были родовые группы с керамикой типа «сперрингс». Однако, как это видно из материалов раскопок, на стоянке близ с. Челмужи уже в самый ранний период заселения Карелии, во всяком случае, начиная с последней четверти III тысячелетия до н. э., сюда стали проникать отдельные родовые группы с «ямочно-зубчатой» керамикой, которые будучи малочисленными и слабыми попадали под влияние местного населения и растворялись в его среде, то есть ассимилировались им. В некоторой степени этот процесс прослеживается по стратиграфическому залеганию керамического материала, при ознакомлении с которым мы видим, что в нижней части культурного слоя в большом количестве находится керамика обоих упомянутых типов, при некотором преобладании керамики типа «сперрингс», а в верхнем слое только керамика типа «сперрингс». По-видимому, на этом поселении в тесном контакте сосуществовало разнородное население при количественном преобладании выходцев с запада, которые постепенно ассимилировали выходцев с юга.

Но такое положение наблюдалось только на раннем этапе заселения Карелии. По многочисленным данным более поздних стоянок этого района нам известно, что впоследствии соотношение типов керамики резко изменилось в пользу «ямочно-зубчатой» керамики, а керамика типа «сперрингс» постепенно совсем исчезла. По-видимому, в связи с продвижением сюда все новых и новых групп поселенцев с ямочно-зубчатой керамикой, они получили большое количественное преобладание и постепенно полностью ассимилировали выходцев с запада.

Из других памятников, открытых за время экспедиционных работ 1955 года, интересно Хашезерское неолитическое захоронение, открытое в 7 км от с. Шуньга Заонежского района. Оно дает дополнительный материал о погребальном обряде периода неолита на территории Карелии. До сих пор этот обряд мы могли проследить только по материалу Оленеостровского могильника.

Много новых данных обещают также стоянки, открытые близ д. Семеново Пудожского района, стоянка на Коч-наволоке близ с. Повенец и стоянки на островах Пидостров и Иванцев Медвежьегорского

района. Так, например, шурфовка стоянки Семеново II показала, что культурный слой стоянки насыщен обильными находками, а мощность его достигает 70—80 см.

Таким образом, в ходе археологической разведки летом 1955 года открыт ряд новых исторических памятников, главным образом, древних стоянок человека, дальнейшие раскопки которых внесут много нового в изучение древнейшего периода истории Карелии.

Небольшие раскопки, проведенные на некоторых из этих стоянок и на ранее открытых стоянках, представили новые данные о жизни и деятельности древних насельников Карелии и о развитии их материальной культуры с III до I тысячелетия до н. э.

Я. А. БАЛАГУРОВ

РАССЛОЕНИЕ ОЛОНЕЦКИХ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII СТОЛЕТИЯ

Приписные крестьяне Олонецких горных заводов¹ в своем подавляющем большинстве проживали в Петрозаводском уезде, и только небольшая часть их находилась на территории Повенецкого, Олонецкого и Лодейнопольского уездов Олонецкой губернии.² Основным занятием приписных крестьян было земледелие, дававшее скудные урожаи и обеспечивавшее население приписной деревни хлебом только на 4—6 месяцев. Дополнением к земледелию были промыслы: рыболовство, охота, лесозаготовки и др. Большое развитие получило отходничество. В Петербург, Москву, Ригу, Новгород и др. города страны ежегодно уходило несколько тысяч плотников, столяров и каменотесов. На местных отхожих работах были заняты лесорубы, возчики, матросы и судостроители. Только отхожие промыслы спасали приписных крестьян и их семейства от голодной смерти, давая возможность купить хлеб и уплатить подати.

Во второй половине XVIII столетия в среде приписных крестьян имущественное неравенство проявлялось с большей силой, чем в предшествующие столетия. Развитие имущественного неравенства, являвшегося исходным пунктом социального расслоения деревни³, влекло за собой появление значительного количества обедневших крестьян и небольшой кучки богачей. Средние слои крестьянства постепенно сокращались.

В 1750—1770-х гг. деление крестьянских дворов на «мочных» и «маломочных» было характерным как для Олонецкого края, так и соседних с ним областей. Развитие товарно-денежных отношений было основной причиной этого явления. Именно наличие денег, запаса зерна и тягловой силы давало возможность богачу скупать лошадей, коров и земельные участки у своих земляков и захватывать казенные оброчные земли.

В олонецкой приписной деревне дальнейшее развитие получили продажа и отдача в заклад земельных участков (вопреки правительственным запрещениям), выделение подрядчиков и торгующих крестьян, пере-

¹ По 3-й ревизии (1762—1767 гг.) приписных крестьян насчитывалось 18 тыс. ревизских мужских душ.

² Все эти уезды были образованы в 1784 году в связи с учреждением Олонецкой губернии.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 142.

ход части сельского населения в города и применение наемного труда как в промышленности, так в некоторой степени и в сельском хозяйстве. Процесс этот протекал крайне медленно и неравномерно, но шаг за шагом подмывались основы старой патриархально-натуральной деревни.

Имущественное неравенство было таким очевидным явлением, что начальник Олонецких горных заводов А. С. Ярцов в 1770-х гг. считал необходимым разделить приписных крестьян на «прожиточных», «посредственных» и «скудных». В 1780-х гг. это уже было оформлено и в распоряжении Н. Я. Озерецковского находились данные о всей Олонецкой губернии.¹ Так, по Петрозаводскому уезду насчитывалось крестьянских дворов 4517, из которых «достаточных» было 381, «посредственных» 2071 и «бедных» 2065. Олонецкий губернатор Г. Р. Державин (1784—1785 гг.) подметил, что в губернии «малое количество зажиточных крестьян и есть причина, что более бедных. Они, нажив достаточек подрядом или каким другим образом, раздают оный в безбожный процент, кабелят долгами почти в вечную себе работу бедных заимщиков, а через то усиливаются и богатеют более, нежели где внутри России...»² Спустя 40 лет горнозаводские чиновники констатировали, что среди олонецких приписных крестьян «уравнительности в натуре нет» и они делятся не только на «прожиточных», «посредственных» и «бедных», но и на «отлично богатых» и «беднейших из бедных».³ Уже сама такая градация свидетельствует о больших сдвигах, происшедших в приписной деревне.

I

Богатые крестьяне брали от казны и частных лиц всевозможные подряды, получая от этих операций значительные доходы. Из архивных документов видно, что в 40-х гг. XVIII в. приписной крестьянин Шуйского погоста А. Мурашев поставлял в Петербург андомскую глину, высококачественную древесину для оружейного производства, а также брал подряд на поставку ржи, сена и т. д. В 60-х гг. крестьяне Остречинского погоста Ф. Попов и Сямозерской волости К. Силин выполняли большие подряды по доставке «морского дикого камня» на строительство набережной реки Невы. Подрядчики из среды олонецких приписных крестьян строили в Петербурге провиантские склады, дома и т. д.⁴

В 70—80-х гг. XVIII в. количество подрядчиков возросло. Богатые приписные крестьяне поставляли в Петербург бревна, дрова, смолу, рыбу и дичь, строили для этих перевозок галиоты и соймы, нанимали для этих работ десятки и сотни рабочих. Довольно значительными были перевозки тивдийского мрамора и шокшинского порфира для строительства столицы. В 90-х годах в Петербург и Москву поставляли некоторое количество кварца и полевого шпата из Поморья и Повенецкого уезда подрядчики братья Мартьяновы (из с. Тивдии).

¹ Н. Я. Озерецковский. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. СПб, 1792, стр. 200.

² Я. Грот. Жизнь Державина. СПб, 1880, стр. 395.

³ Я. А. Балагуров. Положение Олонецких приписных крестьян в первой четверти XIX столетия. «Известия Карело-Финской базы Академии наук СССР», № 1, 1948, стр. 118—119.

⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 680, лл. 412—413; кн. 1264, л. 354; кн. 1335, лл. 324, 327 и др.

Количество поставок и подрядов особенно возросло в связи с постройкой Александровского пушечного завода (1773—1774 гг.) в Петрозаводске. Подряды брали петрозаводские купцы и богачи из среды приписных крестьян. Выходец из приписных крестьян К. Межуев брал подряды на перевозку пушек и на изготовление от 100 до 500 тыс. штук кирпича на собственных заводах (около Соломенного), приписной крестьянин П. Коротяев выполнял подряды по перевозке на заводы до 300 тыс. пудов железной руды,¹ приписные крестьяне Толвуйского погоста Л. Орлов и Корельской трети К. Рудаков, являясь подрядчиками по строительству казенных домов, имели своих приказчиков, поставивших в Петрозаводск в 1789 г. 500 тыс. кирпичей для заводского строительства.²

Выполняя феодальные повинности, приписные крестьяне для Олонекских горных заводов рубили дрова, выжигали из них уголь, заготавливали железную руду и известь, а в зимние месяцы эти материалы перевозили на заводы. Все эти работы выполнялись по ничтожным расценкам в счет уплаты подушных и оброчных податей, взимаемых с других категорий крестьянства деньгами. В 1760—1770-х гг. приписные крестьяне Урала, Приуралья и Карелии неоднократно поднимались на борьбу за уничтожение системы крепостнических отработок, но потерпели поражение.

Однако упорная борьба крестьянства заставила царское правительство издать манифест от 21 мая 1779 года, по которому от части обязательных работ (выжиг угля и добыча руды) приписные крестьяне были освобождены.

Для олонекских приписных крестьян эта «льгота» носила формальный характер, так как и раньше большая часть такого рода работ выполнялась подрядным способом.³ Но все же в какой-то мере увеличивался объем подрядных работ. Этот же манифест ограничивал привлечение приписных крестьян на строительные работы, а поэтому на строительстве Александровского пушечного завода было значительное количество наемных рабочих. Все эти факты свидетельствовали о том, что в экономической жизни края происходили изменения.

Подряды на добычу и обжигание железной руды в 60—90-х гг. XVIII в. преимущественно брали приписные крестьяне, а также петрозаводские купцы. Работы эти подрядчики производили «своими рабочими людьми»,⁴ поставляя на заводы десятки и сотни тысяч пудов руды. К исправлению обязательств работников принуждала заводская полиция. Кроме найма, подрядчики нередко сдавали работы на мелкие суммы в подряд своим контрагентам из среды крестьян, выговаривая по договору неустойку за каждый недоставленный короб угля или пуд руды в 3—4 раза дороже, чем он сам платил контрагенту за поставленный материал. Такая система подрядов была выгодна крупным подрядчикам. Так, например, подрядчик Ф. Курмояев в 1779 году взял подряд на добычу и обжиг 22 тыс. пудов железной руды по 30 руб. за каждую тысячу

¹ ЦГА КАССР, ф. Олонекской казенной палаты (в дальнейшем ОКП), оп. 56, д. 2/8, л. 413; д. 5/21, лл. 45—59 и др.

² ЦГА КАССР, ф. ОКП, оп. 56, д. 4/17, л. 17 и др.

³ В 1772 г. следственная комиссия во главе с генералом Лыкошиным высказалась за добычу железной руды путем подряда и найма, т. к. при выполнении работ путем наряда приписных крестьян очень дорого обходился надзор за ними.

⁴ ЦГА КАССР, ф. Канцелярии Олонекских Петровских заводов (в дальнейшем КОПЗ), кн. 237, л. 63; кн. 235, л. 475; кн. 251, л. 531. и др.

пудов и, в свою очередь, подрядил крестьян Мунозерского конца к добыче и обжигу руды по 16—20 руб. за тысячу пудов.¹ И это только одна из многочисленных операций подрядчиков, случайно нашедшая отражение в архивных документах.

С увеличением заводских работ приписные крестьяне в 1780—1790-х гг. не были в состоянии выполнять все вспомогательные заводские работы путем натуральных отработок. Поэтому горнозаводское ведомство было вынуждено сдавать подрядчикам и приписным крестьянам не только добычу руды и выжиг древесного угля, но и частично, вывозку этих материалов на заводы. Кроме того, путем вольного найма приписные крестьяне заготавливали для заводов такие подсобные материалы, как известь, огнеупорную глину, горновой камень, лучину для угольных корзин и освещения заводских цехов, деготь для смазки механизмов и т. д. Все это заготавливалось на территории горнозаводского округа: известь добывалась на Оленьих островах, огнеупорная глина в районе Вытегры и Андомского погоста, горновой камень на Брусненском острове и т. д.²

Особенно увеличился объем работ по заготовке материалов после постройки Петербургского и Кронштадтского заводов (до 1827 года эти заводы были отделениями Александровского пушечного завода). В первой четверти XIX столетия заводские комиссионеры заготавливали на берегах реки Свири и доставляли водным путем в Петербург десятки тысяч четвертей древесного угля, тысячи бревен и т. д. Кроме того, для этих заводов, для Монетного двора и Ижорского завода доставлялась вытегорская огнеупорная глина.³

Выполнение всех этих подрядов брали купцы и приписные крестьяне из среды богачей. Некоторые семьи подрядчиков были представлены несколькими поколениями. Так, семья приписного крестьянина Курмоева (д. Кончезеро, Мунозерского конца), открывшая в 70—90-х гг. XVIII века лучшие пушечные железные руды (Унатозерский, Тумасозерский, Салозерский и др. рудники), длительное время поставляла десятки и сотни тысяч пудов железной руды на Александровский и Кончезерский заводы. В 70—80-х гг. XVIII века подряды брали Ф. и Н. Курмoeвы, а потом их сменяют К. и Ф. Курмoeвы. Объем заготовок с каждым десятилетием увеличивался и в 1829 году Ф. Курмoeв и И. Ющев заготовили 225 тыс. пудов руды, получив за это свыше 15 тыс. рублей.⁴ К этому времени часть семьи Курмoeвых уже длительное время числилась в составе купечества г. Петрозаводска.

Все усиливающийся процесс общественного разделения труда в стране вызывал переход населения из деревни в город. Городское население медленно, но неуклонно увеличивалось не только за счет естественного прироста, но и за счет сельского населения. Этот процесс протекал и в Олонецком крае, но с той особенностью, что значительная часть крестьян, записавшись в купечество, продолжала жить в своих селениях. Другой особенностью было то, что даже тот, кто из перешедших в купечество переселялся в город, как правило, уезжал за пределы Олонецкого края. Это приводило к тому, что население единственного

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2159, лл. 1637, 1711; кн. 1380, лл. 35—38 и др.

² ЦГА КАССР, ф. Олонецкого горного правления (в дальнейшем ОГП), оп. 5, д. 13/56, л. 256 и др.

³ ЦГИАЛ, ф. Горного департамента, оп. 13, д. 194, лл. 110—113.

⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2717, лл. 611—612; ЦГИАЛ, ф. Горного департамента, оп. 2, д. 105, лл. 11, 37—39 и др.

города Олонца увеличивалось крайне медленно. До 1770-х гг. совсем незначительным было население слободы Петровского завода.

Горнозаводские крепостнические повинности приводили к упадку сельского хозяйства, мешали развитию торговли и отходничества. Вот почему в последней четверти XVIII столетия отмечается большое количество приписных крестьян, желавших перейти в купечество и мещанство Петрозаводска, Петербурга и других городов. Вместе с богачами, старались записаться и неимущие. Это было не в одном Олонецком крае. В сенатском указе от 31 июля 1777 года отмечалось, что «поселяне записываются в купечество и мещанство в великом множестве, не имея к тому капитала...»

Указом от 30 июня 1777 года запрещалось принимать государственных крестьян в городские сословия без ведома начальства и сельского общества. Именным указом от 3 октября 1797 года этот порядок подтверждался и дополнялся в сторону дальнейшего ограничения этого перехода. Согласно указу, начальство, рассматривая ходатайства государственных крестьян о переходе в городское общество, должно было, в первую очередь, учитывать интересы казны.

При оформлении перехода приписного крестьянства в купечество требовалось увольнительное письмо сельского общества, ручательство купцов того города, в который оформлялся переход крестьянина, и разрешение горнозаводского ведомства.

В своих прошениях приписные крестьяне не только ходатайствовали о разрешении перейти в городское сословие, но и часто указывали цель этого мероприятия. Обычно такой крестьянин писал, что он занимается торговлей и «для свободности в оном торгу» желает записаться в купечество такого-то города. Лаконичная и четкая формулировка не вызывает никакого сомнения. Именно «свободности» и недоставало для торгующего крестьянина, стесненного феодальными порядками.

Получить увольнительное письмо от сельского схода для богатого крестьянина было довольно легко. Часть земляков находилась у него в кабале, а остальным он ставил несколько ведер водки. Получение поручительной записки от купцов города также не было трудным делом, так как обычно такие крестьяне имели деловые связи с купцами того города, в который они переходили. Так, в июле 1779 года купцы г. Петрозаводска свидетельствовали, что «входящий» в петрозаводское купечество Толвуйского общества крестьянин Иойла Алексеев «подлинно обращается в торговых случаях и человек капиталистый и купеческого звания достоин». ¹ В заключение купцы давали ручательство, что новый член их сословия будет исправно платить купеческие повинности и исправлять заводские работы.

Согласие Берг-коллегии на увольнение приписного крестьянина из горнозаводского ведомства было завершающим этапом в оформлении перехода из крестьянского в городское сословие.

В 1778 году в связи с открытием магистрата в г. Петрозаводске ² резко увеличилось число желающих записаться в купцы и мещане. Если к 1778 году насчитывалось 39 приписных крестьян (душ мужского пола), перешедших в купечество и мещанство городов Петербурга, Олонца,

¹ ЦГА КАССР, ф. Петрозаводского городского магистрата (в дальнейшем ПГМ), оп. 3, д. 24/214, лл. 14, 15 и др.

² В 1777 году Петровская слобода была переименована в город Петрозаводск.

Вытегры, Фридрихсгама, Кременчуга, Миргорода и других, то только в 1778 и в начале 1779 года записалось в купцы и мещане г. Петрозаводска 887 человек. Из Великогубской трети записалось 236 человек (15,2 процента всего мужского населения), из Остречинского погоста 154, из Шуйского погоста 128, Святозерской волости 101, Мунозерского конца 89 и т. д.¹

Большинство видных петрозаводских купцов, перешедших в городское сословие в 1778—1780 гг., были выходцами из приписных крестьян: Алексей Яишников из Шуйского погоста (деревня Ужесельга), Борис Драницын из Петрозаводского десятка, Степан Деревянцев из Деревянской волости, Емельян Баландин из Петрозаводского десятка, Ефим Бекренев из Остречинского погоста, Игнат и Иван Поповы из Сямозерской волости, Лука Савинов из деревни Эссоилы той же волости, владелец Заозерских кирпичных заводов Евтифей Межуев из Корельской трети, Иван Ефтифеев из деревни Уссуны Корельской трети, Максим Осипов из Шокшинской волости и т. д.

Богатый приписной крестьянин Лычноостровской волости Стафей Мартьянов осенью 1767 года имел имущества на 2—3 тысячи рублей. Он занимался торговлей и подрядами, а также ростовничеством и скупкой дичи и пушнины в Лопских погостах.² Мартьяновы, стараясь избавиться от феодальных горнозаводских повинностей, перешли в посадское сословие. В конце 70-х гг. XVIII века один из членов этого семейства, Иван Стахеевич Мартьянов, уже числился купцом г. Петрозаводска.³

ТАБЛИЦА
о происхождении купцов и мещан г. Петрозаводска
(май 1779 г.)⁴

Сословная принадлежность	Перечислено из Олонечкого магистрата	Из мещанства перешли в купцы	Из тихвинских купцов	Вновь из крестьян записано			Всего
				Приписных крестьян	Госуд. и экономич. крестьян из разных уездов	Из крепостных и дворовых	
а) купцы . . .	25	14	1	123	20	2	185
б) мещане . .	601	—	—	771	69	22	1463
Итого: .	626	14	1	894	89	24	1648

Из приведенной таблицы видно, что в числе крестьян, вновь записавшихся в городское сословие, приписных крестьян было свыше 90%. Кроме того, небольшое количество было из государственных и экономических крестьян Петрозаводского и соседних с ним уездов.⁵ В их числе

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2159, лл. 1412—1413.

² В 1778 году Стафей Мартьянов объезжал селения Ребольского погоста «за сбором прежних по письмам долгов». ЦГА КАССР, ф. ПГМ, оп. 3, д. 10/81, л. 44; Ленинградская публичная библиотека, рукоп. отд., собр. автографов, № 5381.

³ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 251, лл. 273—274.

⁴ ЦГА КАССР, ф. ПГМ, оп. 3, д. 3/25, лл. 183—184.

⁵ В 1779 году постоянными жителями Петрозаводска было купцов 71 и мещан 150. (Там же, лл. 184—185.)

значился государственный крестьянин Паданской округи Семчезерского погоста Святнаволоцкой волости Севастьян Вонифантьев, бывший в 1767 году депутатом в Комиссии по составлению нового «Уложения». При поступлении в петрозаводское купечество Вонифантьев объявил капитал 550 рублей. Вообще из Святнаволоцкой волости в последней четверти XVIII столетия в петрозаводское купечество и мещанство перешла значительная часть крестьян и даже одна из улиц Петрозаводска называлась Святнаволоцкой.

Среди купцов, упомянутых в ведомости 1770 года, значится В. Васильев, вышедший из крестьян Шелтозерской волости и занимавшийся в 1740—1750 гг. подрядами по перевозке заводских грузов. В 1770 году он числился купцом г. Фридрихсгама и постоянным жителем Петербурга. В это же время в столице проживали Ермил Козьмин из Кижского погоста, Петр Елисеев из Корельской трети и другие выходцы из приписных крестьян. В отношении некоторых из них в ведомости отмечено, что хотя они «и обращаются за купечеством в Петербурге, но при отчине своей имеют дома и наследников».¹

За исключением 1777—1779 гг., статистических данных о переходе олонечких приписных крестьян в купечество и мещанство нет, а поэтому автор вынужден ограничиться приведением частичных данных, характеризующих ту или другую сторону этого процесса. На примере многолетних настойчивых просьб крестьянина Ладвинской волости Петра Иванова можно видеть, что переход из приписного крестьянства в городские сословия был особенно затруднительным в 90-х годах XVIII века в связи с расширением деятельности Олонечких горных заводов. В 1797 году П. Иванов возбудил ходатайство о переводе его семейства в состав купечества города Петербурга, объявив собственный капитал в 500 рублей и приложив справку о найме за свое семейство рекрута, увольнительную записку от мирского общества, решение о согласии на прием его от петербургских купцов и письменное обязательство братьев выполнять за него обязательные заводские работы.²

Несмотря на полное оформление необходимых документов, в 1797 году Берг-коллегия не разрешила Иванову перейти в купечество. Спустя два года он снова возобновил ходатайство, но и на этот раз его просьба была отклонена. Только в начале XIX столетия Иванов добился перевода своего семейства в состав купечества Петербурга.³

В 1797—1799 гг. 38 приписных крестьян Кижской, Салменижской, Шуйской и Петропавловской вотчин просили разрешения на право переселения в г. Гатчину (в числе их были карелы Пабоев, Веденеев и др.), но Берг-коллегия приказала запретить этим крестьянам переход.⁴ Аналогичным примером является дело приписного крестьянина карела Андрея Артемьева (Вешкельская волость), который в 1797 году получил все необходимые документы на перевод в посад Петербурга. В августе 1799 года Берг-коллегия, рассматривая прошение Артемьева, сослалась на недостаток приписных крестьян Олонечких горных заводов и приказала оставить Артемьева в прежнем сословии.⁵

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1303, лл. 30—33.

² Там же, кн. 2217, лл. 49—52, 59, 60 и др.

³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2217, лл. 49—52, 59, 60 и др.

⁴ Там же, кн. 2247, лл. 499, 501, 504; ЦГА КАССР, ф. ОГП, оп. 5, д. 34/165, лл. 41—42. В Берг-коллегии сделали заключение, что это противоречит интересам Олонечких заводов.

⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2247, лл. 470—473.

Характерно, что в 1797—1798 гг. только 5 человек пытались записаться в посадские, а остальные 35 человек — в купечество.¹ Это обстоятельство указывает на то, что деревня в то время выделяла сезонных рабочих, а уход в постоянные кадры промышленности имел еще малое место. В ремесленные цехи выделялось тоже небольшое количество крестьян. Только в XIX столетии из десятилетия в десятилетие увеличивается удельный вес перешедших в ряды городских ремесленников и фабрично-заводских рабочих.

Часть подрядчиков и торговцев, накопивших значительные суммы денег, приобретала промышленные предприятия. Именно таким путем в середине XVIII столетия в Олонецком крае возникают частные лесопильные и железоделательные заводы.

Возникновение частных заводов с наемными рабочими свидетельствовало о появлении капиталистической мануфактуры, в формировании которой приняли участие и приписные крестьяне. Это участие выразилось не только в том, что крестьяне нанимались на работу на эти предприятия, но и в том, что из верхушки приписной деревни вышли владельцы некоторых лесопильных и железоделательных заводов. В этом отношении Олонецкий край не был исключением от остальных областей России. Именно в период мануфактуры зарождалась промышленная буржуазия, выросшая среди купцов и ростовщиков.

Первый небольшой железоделательный завод, основанный приписным крестьянином Корельской трети Ф. Терентьевым в 1731 году на реке Тивдии, уже имел свою историю. В одном из документов за 1729 год отмечено, что приписные крестьяне И. Антонов и Ф. Терентьев имели в конце XVII и начале XVIII вв. на реке Тивдии «малую молотовую, где ковали уклад и железо водяным молотом». Во время строительства Олонецких Петровских заводов деятельность молотовой была запрещена, но в конце 20-х гг. XVIII века заводская администрация считала вполне возможным разрешить возобновление этого завода.² Завод начал свою деятельность в 1731 году и работал только в зимние месяцы. В 30-х гг. на Тивдийском заводе ежегодно выковывалось около 200 пудов железа и уклада из криц, покупаемых у окрестных крестьян. Деятельность этого завода была непродолжительной, и в начале 40-х гг. он прекратил свое существование.³

Второй частный металлургический завод в Олонецком крае был построен приписными крестьянами С. Алексеевым и К. Мурашевым на реке Вохте в 1739 году.⁴ Этот завод производство железа основал на переработке криц, которые плавилась в своих 7 сыродутных домницах.⁵

Не только частные, но и казенные вододействующие металлургические заводы были тесно связаны с крестьянской железоделательной промышленностью. Известно, что в 30—40-х гг. XVIII века крестьяне поставляли кричный чугун на Кончезерский завод. Например, в 1732 году приписные крестьяне Мунозерского конца, Корельской трети, Сямозерской и других волостей поставили на Кончезерский завод 2 тыс. пудов сыродутного железа. Почти половина металла была продана

¹ Исключение составила запись крестьян в мещанство Петрозаводска в конце 70-х гг.

² О. И. Васильевская. Частная металлургия Карелии в середине XVIII в. Петрозаводск, 1954, стр. 25, 38.

³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 665, лл. 90, 143.

⁴ В 80 верстах от Петрозаводска.

⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 665, л. 91.

крестьянами Мунозерского конца, на территории которого и возник в 1739 году Вохтозерский завод. Основатель этого завода приписной крестьянин Сямозерской волости С. Алексеев только в 1732 году продал на Кончезерский завод свыше 100 пудов сыродутного железа.¹

Казенное горнозаводское ведомство было постоянным потребителем карельского уклада. В архивных документах 20—70-х гг. XVIII века встречаются многократные упоминания о покупке карельского уклада для сверления пушек, а также о покупке бурового железа на рудники и для мраморных разработок. В 1760 году заводская администрация отмечала, что уклад и железо, поставляемые крестьянами Шуезерского погоста, обладают высоким качеством. Здесь же отмечалось, что в прежние годы это железо употреблялось к поковке цренов, а из уклада изготовлялись буры для рудников Медвежьего острова.²

С 1761 по 1776 год в разных местах края было построено 6 заводов (Киворецкий, Вичко-Алексеевский и др.). Расширил свою деятельность и Вохтозерский завод, на котором в 60-х гг. XVIII века было до 50 вольнонаемных рабочих. Некоторые заводы имели доменные печи, и большинство железа выковывалось уже не из сыродутных криц, а из доменного чугуна. Большая часть рабочей силы Вохтозерского, Киворецкого и Тивдийского заводов состояла из приписных крестьян казенных заводов, работавших у частных предпринимателей «по вольному найму» на кабальных условиях.

Феодальные порядки, ставившие крестьян в бесправное положение, губительно отражались на развитии частной промышленности Олонецкого края. В результате судебных тяжб и нападок со стороны смотрителя Кончезерского завода Бланка был совершенно разорен основатель Вохтозерского завода Степан Алексеев и нанесен большой ущерб его компаньону А. Мурашеву.³

Второй причиной, тормозившей развитие предпринимательской деятельности зажиточных олонецких крестьян и купцов, было то обстоятельство, что владельцы заводов, не имея приписных и посессионных крестьян, все же пытались перенести крепостнические порядки на свои взаимоотношения как с заводскими наемными работниками, так и с крестьянами, заключавшими соглашения на поставку железной руды и древесного угля.

Если заводовладелец имел возможность «задобрить» горнозаводских чиновников, то они ему покровительствовали и принуждали работников к послушанию. С середины 70-х гг. XVIII века отношение заводской администрации к частной промышленности резко изменилось,⁴ так как в связи со строительством и расширением деятельности казенных заводов приписные крестьяне были заняты выполнением заводских работ.

Наконец, расширение в 70-х гг. деятельности казенных Олонецких заводов, имевших в своем распоряжении многотысячную армию приписных крестьян, и отсутствие среди владельцев частных заводов знатоков металлургического производства были не последними причинами, приведшими к тому, что частные заводы, не получив надлежащего раз-

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1054, лл. 296—297 и др.

² ЦГА КАССР, КОПЗ, кн. 2, л. 44; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1171, лл. 213—214 и др.

³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2073, лл. 900—901, 903—904 и др.

⁴ Были случаи, когда заводские власти отзывали приписных крестьян с частных заводов для выполнения повинностей.

вития, быстро захирели. В 60—70-х гг. выплавка чугуна была на них доведена до 20—22 тыс. пудов, а потом начала быстро сокращаться. К началу 80-х гг. частные металлургические заводы прекратили существование и по данным 1798 года видно, что во всем Петрозаводском уезде действовала только одна частная «молотовая фабрика для делания железа» при одной из мукомольных мельниц Линдозерского погоста.¹

Таким образом, во второй половине XVIII столетия мелкие железоделательные промыслы угасали, а частные чугунолитейные заводы оказались нежизнеспособными. Наиболее заметно свою жизнеспособность частный капитал проявил в лесопильной промышленности, которая не была связана с горнозаводским ведомством и до конца XVIII века не подвергалась ограничениям.

Если в первой половине XVIII века все лесопильное производство Олонецкого края было сосредоточено в Олонецком уезде (по административному делению конца XVIII в.), то во второй половине XVIII в. строительство новых заводов разворачивается в средней и даже северной части края.

В последней четверти XVIII века в Петрозаводском уезде и в г. Петрозаводске возникло 7 частных «пильных мельниц» на реках Лижме, Шокше, Ивине, Лососинке и Неглинке. Владельцами 2 «пильных мельниц» на реке Ивине был купец Яишников, на реке Шокше купец Варапайкин, на реке Неглинке купцы Драницын и Карманов.² Все они были выходцами из приписных крестьян. Владельцем Уницкой «пильной мельницы» был купец Корниил Мижуев, тоже вышедший из среды приписного крестьянства. Кроме того, приписной крестьянин Толвуйского погоста Захарьев стал в конце 90-х гг. совладельцем самой северной «пильной мельницы» Олонецкого края, возникшей в 1794 году на реке Кумсе в Повенецком уезде, а в устье реки Лососинки в 90-х гг. было намечено строительство пильной мельницы петрозаводского купца Герасима Гагаринаова.

В конце XVIII столетия горнозаводское начальство начало наступление против частных лесопильных заводов — («пильных мельниц»), мотивируя это заботой о сохранении казенных лесов. Обладая лесной дачей с площадью свыше 1 млн. десятин, Олонецкое горное правление не только в 90-х гг., но и спустя пятьдесят лет не имело точного плана лесной дачи и вело лесное хозяйство совершенно беспорядочно. Для лесопиления в горнозаводских дачах заготавливалось всего около 40 тыс. бревен и в тех местах, где не производилась рубка древесины для горнозаводского ведомства. Однако все это не помешало начальству горных заводов добиться запрещения действия ряда лесопильных заводов.

В начале XIX столетия все упомянутые выше предприятия (кроме Уницкой, Кумсинской и Лижемской «пильных мельниц») были закрыты.

II

Несмотря на возникновение частных заводов, а также развитие подрядов и связанных с ними судоходства и извоза, во второй половине XVIII века значительно возросло отходничество. Если в первой четверти

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2117, л. 618; кн. 2216, лл. 3, 253, 254.

² ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, д. 242, л. 94.

столетия заводская администрация крайне редко разрешала приписным крестьянам уходить на отхожие промыслы, то с 30-х гг. в связи с сокращением заводского производства канцелярия Олонецких Петровских заводов вполне легализовала отходничество приписных крестьян.

В 20-х гг. в стране была введена паспортная система, и для отлучки от дома дальше 30 верст требовался паспорт.¹ Паспорта приписные крестьяне получали в канцелярии заводов, куда являлись с «доношением» от своего старосты. В доношении староста сообщал, что данные крестьяне на рекрутской очереди не состоят, недоимок за ними нет, а заводские работы и другие повинности выполняют их родственники или другие поручатели. После этого, уплатив пошлину и взятку чиновнику, крестьяне с паспортами отправлялись на поиски заработка в Петербург, Ригу, Ревель, а также в Московскую, Новгородскую и другие губернии империи.

По сведениям канцелярии заводов видно, что в 30-х гг. ежегодно выдавалось около 850 паспортов,² а в 60-х гг. около 2 тыс. паспортов ежегодно. Один раз в полтора-два года паспортные бланки, изготовленные в Петербурге, доставлялись в канцелярию заводов в количестве 5 тыс. штук. Так, с мая 1761 по март 1765 года было получено 10 тыс. бланков и в остатке было всего 300 штук, и канцелярия сообщила, что паспортов «в год более двух тысяч в расход употребляется». Весной 1763 года и осенью 1771 года канцелярия за неимением печатных бланков была вынуждена выдавать письменные паспорта, жалуясь, что «крестьяне приходят за паспортами непрестанно».³

Фактически отходников было больше количества выданных паспортов, так как часть крестьян уходила совсем без паспортов, проживала в отходе с просроченными паспортами или получала новые в Петербурге.

Несмотря на строгие указы о соблюдении паспортного режима, приписные крестьяне могли обходиться и без паспорта, проживая долгие годы вдали от родных мест. В 1748 году выяснилось, что на Тульском заводе длительное время работают плотниками два беглых приписных крестьянина из Толвуйского погоста и один из Шуйского погоста. В 1754 году в канцелярии Олонецких Петровских заводов допрашиваемый «с пристрастием» беглый приписной крестьянин Кузарандской волости И. Федоров рассказал, что в 1741 году он пришел в Петербург с годичным паспортом и, проработав здесь год, направился в Москву, где работал «у разных обывателей» около года. Из Москвы он ушел в Зубцовский уезд и работал 3 года на железодельных заводах, где и «ревизию миновал». Потом в должности молотового подмастерья он пробыл 3 года в Перемышльском уезде на заводе И. Баташева. Наконец, «полтрети года» он был уже молотовым мастером на Серпийском заводе Гончарова. Все 12 лет Иван Федоров жил без паспорта, а в 1754 году явился добровольно в «отечество».⁴

Вышеупомянутые крестьяне не были исключением. Несмотря на строгости, из десятилетия в десятилетие росло число беспаспортных

¹ Полное собрание законов, т. VIII, № 5676.

² За каждый паспорт взималось по 2 коп., и с 1735 по 1738 год за 27 месяцев было выдано паспортов на 38 руб. 38 коп., то есть в среднем 852 паспорта в год (ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 783, л. 63).

³ С 1764 года за одногодичный паспорт взималось 10 коп. и за трехгодичный 1 рубль.

⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1418, лл. 342—343, 356; кн. 2054, лл. 137, 142.

отходников. В указе канцелярии Олонецких Петровских заводов от 27 апреля 1772 года отмечено, что «в разные города и уезды без паспортов и с просроченными паспортами разошлось весьма немалое число».

По именному реестру, представленному в августе 1772 года в полицейскую канцелярию Петербурга, видно, что, даже по неполным данным, таких беспаспортных только в Петербурге числилось свыше 70 человек, в том числе из Кондопожской волости 12, Вырозерской 9, Толвуйского погоста 12, Кижской трети 6 человек и т. д.

Из документов 1774 года видно, что беспаспортных отходников по одной Сязозерской волости числилось 66 человек, которые жили по деревням около Олонца, работали на «пильных мельницах», у ломки камня и т. д. В то же время 24 беспаспортных отходника Шокшинско-Шелтозерской волости находилось в Петербурге. На многократные запросы горнозаводских властей столичная полиция отвечала, что олонецкие приписные крестьяне «в сыску и в жительстве не оказались». Спустя два года, в 1776 году Берг-коллегия снова отмечала, что «многие приписные к Олонецким Петровским заводам государственные крестьяне, отбыв из своих жилищ без получения от команды паспортов, находятся в отлучке немалое время».¹ Высылка из столицы беспаспортных приписных крестьян наблюдалась и в первой половине XIX века.

В конце 1760 года канцелярия заводов отмечала, что «в одном году с пашпортами годовыми, не включая временных, в отпуску тысяч до трёх бывает, и затем уповательно и без пашпортов однакож годные в работы шатаются в разных местах».² Канцелярия Олонецких Петровских заводов неоднократно указывала и причину этого явления: «Здесь приписные крестьяне никаких к пропитанию себе промыслов не имеют, а по большей части за недородом хлеба отлучаются в другие города и тем как подушные деньги, так равно и всякие государственные подати уплачивают».³

Рост отхода в конце 60-х гг. XVIII века принимает угрожающие размеры для выполнения принудительных горнозаводских вспомогательных работ. Заводская администрация насильственно задерживала на месте жительства систематически голодающих крестьян, что еще более обостряло противоречия между феодалами и приписными крестьянами. В июле 1769 года Берг-коллегия отказала в выдаче очередных 5 тысяч паспортных бланков в канцелярию заводов, так как на Петровском и Кончезерском заводах было предложено начать литье пушек. Выдача паспортов была снова возобновлена с осени 1771 года. В апреле 1772 года, в связи с предполагаемым строительством Александровского завода и наличием большого числа приписных крестьян в отлучке без паспортов, М. Ф. Соймонов приказал на 1772 год паспорта олонецким приписным крестьянам выдавать только в случае крайней нужды, да и то не более, чем на 2—3 месяца.⁴

Выдача паспортов была возобновлена с середины 70-х гг. XVIII в. и в 20-х гг. XIX в. ежегодная выдача их колебалась от 2700 до 3400 штук. На первом месте стояла Рыборецкая вотчина, в которую входили

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1326, лл. 484—485, 508—513; кн. 1358, л. 76 и др.

² Там же, ф. 1 депарг. Прав. сената, д. 29/3892, л. 185; ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 250, л. 111.

³ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 235, л. 92; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1224, л. 510.

⁴ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 262, л. 398.

Шелтозерская, Шокшинская и другие волости с развитым отхожим промыслом.

Из общей массы отходников на первом месте стояли плотники, которых поставляли преимущественно приписные погосты Заонежья. Олонецкие плотники работали на петербургских верфях, на строительстве царских дворцов в Петербурге, Москве и Царском Селе, на Тульском оружейном заводе, на ремонте шпиля Петропавловского собора, на строительстве дома графа Разумовского в Киевской губернии и т. д.¹ В 1772 году артель олонецких плотников была в Астрахани «ради построения, за выгорением того города». Когда часть из них, оказавшихся беглыми и с просроченными паспортами, заводская администрация потребовала выслать, то астраханские губернские власти ходатайствовали о выдаче этим отходникам новых паспортов, так как «в таковых знающих плотническое и столярное мастерство людях настоят крайняя надобность». Причем, олончане были в Астрахани не впервые. Осенью 1768 года астраханский губернатор Бекетов просил канцелярию Олонецких заводов прсдлить до зимнего пути паспорта 11 приписным крестьянам, которых в январе того года подрядили в Москве на плотницкие и столярные работы. В обоих случаях это были приписные крестьяне Кузарандской волости.²

Немало олонецких приписных крестьян плавало матросами, шкиперами и лоцманами на галиотах, соймах и др. судах по Онежскому и Ладожскому озерам, по рекам Свири и Неве, а иногда по Балтийскому морю.³

В XVIII и даже в начале XIX столетия олонецкие приписные крестьяне плавали из Онежского озера в Финский залив на рыбные промыслы. Эти далекие и небезопасные переходы были вызваны хорошим спросом на рыбу со стороны рыборотворговцев столицы.

Еще в 80-х годах XVIII века Державин писал о жителях Кижского погоста, что хлебопашество их «в небрежении» по причине каменистой почвы и отходничества в города. Главный промысел кижан,— писал Державин,— «состоит в ловле в Верейском море воротницами сигов. Многие ходят из них в Петербург и питаются столярным ремеслом, в коем весьма искусны...»⁴

Академик Озерецковский, путешествовавший по Олонецкому краю в 80-х гг. XVIII столетия, записал, что жители села Щелейки первого «жительства от свирской вершины к Петрозаводску» каждую весну ездили на лодках с воротницами (разновидность невода) для рыбной ловли в устье реки Невы, где и жили 5—6 недель, то есть до полевых работ на родине.⁵

Небольшая группа приписных крестьян Выгозерского погоста в XVIII веке ежегодно уезжала на океанские рыбные и зверобойные

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 197, л. 192; кн. 1418, лл. 342—343; ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 190, л. 27; кн. 265, л. 217 и др.

² ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 246, лл. 1—2; кн. 263, л. 564; кн. 264, л. 464.

³ Там же, кн. 191, л. 32. Один беглый приписной крестьянин из Великогубской трети около 11 лет работал у корабельного строения в г. Архангельске, а потом 2 года по найму был на морских рыбных и звериных промыслах.

⁴ Г. Р. Державин. Поденные записки. Архив Института русской литературы. Ленинград, лл. 10—11.

⁵ Н. Озерецковский. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. СПб, 1812, стр. 174—175. Продав местным жителям лодки и воротницы, рыбаки пешком возвращались на родину.

промыслы. Снаряжаемые Выгорецким общежитием промысловые суда достигали не только Новой Земли, но и далекого Груманта (Шпицбергена).¹

Почти все специальности олонецких отходников состояли из первоначальных навыков, приобретенных ими еще на родине. Так, шелтозерцы и шокшинцы с давних времен производили каменотесные работы на Брусненском острове, заонежане ловили рыбу в Онежском озере, а выгоречане ходили промыслять на Белое море и т. д., а все они вместе дома и плотничали, и столярничали.

Однако наряду с выполнением «черных», домашних, плотницких, каменотесных и тому подобных работ часть отходников в городе приобретает новые специальности. Мы уже видели, как отходник стал молотовым мастером. В другом случае приписной крестьянин длительное время был «мастером серебряного художества» и т. д.

Большая часть отходников с паспортами и без паспортов уходила в Петербург и Петербургскую губернию.² На первом месте по числу отходников были погосты Заонежья (Кижский, Великогубский, Толвуйский и др.) и Остречинский погост,³ так как они ближе всего лежали к водному пути Онежское озеро — река Свирь — Ладожское озеро — река Нева. Это характерно как для XVIII, так и для XIX и начала XX вв. Конечно, это положение не было исключением только для отходников Олонецкого края. Огромный город с его обширным строительством, — Петербург привлекал из разных районов массу отходников и беглых крестьян.

Олонецкие приписные крестьяне работали в Астрахани, Туле, Москве, Киевской губернии, Архангельске, на промыслах в Северном Ледовитом океане и в Финском заливе. В Москве олончане бывали довольно часто. Выше уже упоминалось, что астраханский губернатор в Москве нанимал олонецких плотников. Уже в 30—40 гг. XVIII века несколько олонецких приписных крестьян было занято на «черной работе», плотничали на строительстве дворца и т. д.⁴ В 1765—1771 гг. крестьянин Толвуйского погоста Филат Федоров плотничал в Москве и в Тамбовском уезде, а в 1771 году при следовании на барке в Киев был схвачен как беспаспортный. В 1771 г. в Москве был арестован кижанин Яков Кудров, так как при подряде на строительство дома он предъявил паспорт, «составленный воровски». Оказалось, что Кудров свыше 7 лет назад приехал в Москву с паспортом и занимался плотницким и столярным делом, а после того он в «Зарядье под горой в питейном доме купил у старика паспорт за 3 рубля». В 1776 году из Москвы на Петровские заводы был выслан беспаспортный приписной крестьянин Вырозерской волости Василий Насонов, показавший, что много лет тому назад он ушел в Москву с годовым паспортом и работал в разных работах; в ревизию 1764 года не был записан, так как к тому времени

¹ Н. Озерецковский. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. СПб, 1812, стр. 321.

² Из архивных документов видно, что приписные крестьяне работали в Петербурге, Кронштадте, Ладоге, Царском Селе, Сестрорецке и т. д.

³ В конце 90-х гг. XVIII века часть территории Остречинского погоста была включена в состав вновь образованной Рыборецкой вотчины.

⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1419, лл. 17, 18 и др.

уже не имел паспорта. Как видно, Насонов жил в Москве 25—30 лет.¹ В 1774 году в отношении 10 беспаспортных отходников земская изба Шокшинско-Шелтозерской волости сообщала, что «они больше хлебоедами, нежели хлебопашцами почитаться должны, каковые от них пашни остаются втуне и разрастаются лесной порослью».²

По архивным делам, в которых отложилась случайная переписка, возникшая по поводу просрочки паспортов, выполнения рекрутской повинности и т. п., видно, что олонецкие приписные крестьяне работали в Риге, Малоярославце, Ревеле, Новгородской губернии и т. д. Одни отходники бродили по большим дорогам в поисках случайных работ, а другие, в силу каких-либо обстоятельств выбитые из колеи, даже просили милостыню.³

Несмотря на препоны со стороны заводского ведомства, число отходников росло из года в год. Отходничество явилось одним из главных факторов, разрушающих натуральный и полунатуральный строй олонецкой приписной деревни и способствующих развитию товарно-денежных отношений.

III

Наемная работа плотников, связанная с отходом, имела место еще в XVII веке, но в первой четверти XVIII века она была парализована массовыми наборами на строительство Олонецких Петровских заводов. Дальнейшее развитие этот отхожий промысел получил во второй четверти XVIII столетия, после сокращения обязательных работ. Наемные рабочие работали на «пильных мельницах», у подрядчиков на лесозаготовках, на галиотах и соймах судовладельцев. Кроме того, богачи из приписных селений применяли наемную рабочую силу при выполнении подрядов по заготовке железной руды, извести, горнового камня и т. д.⁴ Значительное количество строительных рабочих уходило в отход из приписных деревень Присвирья и Заонежья.

Выполнение подрядов по строительству каменных набережных петербургских рек: Фонтанки, Невы и Мойки, укреплению Кронштадта, строительству каменных домов в Петербурге и Москве приписные крестьяне начали производить еще в первой половине XVIII столетия. Кроме того, приписные крестьяне заготавливали и доставляли в Петербург тивдийский и сердобольский мрамор, шокшинский порфир и другие виды строительного и облицовочного камня.

Уже в 40-х гг. XVIII века в Берг-коллегию являлись крестьяне Шелтозерской волости и просили продлить паспорта, указывая, что они находятся «при казенной каменной работе» в Кронштадте.⁵ В 1764 году приписные крестьяне в числе 41 человека, работавшие «у строения каменных по Неве реке берегов», просили новые паспорта на 2 года вперед,

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 985, л. 201; кн. 1359, лл. 367—368; ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 265, лл. 441—442; кн. 254, л. 91; кн. 190, л. 27 и др.

² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1326, л. 491.

³ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 238, л. 123; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1054, лл. 397—398 и др.

⁴ В 40—50-х гг. XVIII века некоторые из богатых приписных крестьян Кижской и Корельской третей привлекались к ответственности за то, что нанимали в работники беглых крепостных крестьян.

⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 237, л. 163.

так как старым паспортам истек срок.¹ За крестьян ходатайствовала контора строения, которая, как правило, имела дело с подрядчиками, а не с отдельными крестьянами. Подрядчиками же являлись наиболее зажиточные приписные крестьяне.

В 60-х гг. XVIII века богатые крестьяне Шелтозерской (например, Варапайкин) и других волостей выполняли подряды по строительству набережной Екатерининского канала в Петербурге, по доставке и обработке «дикого морского камня» и т. п. Все эти подрядчики нанимали работников в Шелтозерской, Шокшинской и Муромской волостях. Только один богатый крестьянин Остречинского погоста Ф. Попов в 1767 году взял подряд на 3600 руб. и нанял 60 работников.² В 70-х гг. XVIII века купцы и богачи из среды приписных крестьян выполняли «каменные работы» в Петербурге и на Ладожском канале, нанимая на работу приписных крестьян из этих волостей. Канцелярия Олонецких горных заводов, неоднократно ссылаясь на камер-коллежский регламент (п. 22), по которому «крестьян ни в откупа, ни в подряды... допускать не велено», но все же систематически давала разрешения на вербовку работников и оказывала содействие подрядчикам в розыске беглых.³

В 1781—1783 гг. только один купец Ефим Бекренев (вышел из приписных крестьян Остречинской вотчины) на строительство набережной реки Фонтанки и на собственные галиоты и соймы нанимал сотни приписных крестьян Остречинского, Шуйского и других погостов и волостей. В январе 1781 года Бекренев нанял около 100 работников на разные работы.⁴

В XIX веке шокшинских и шелтозерских «каменотесцев» можно было видеть на строительстве укреплений Кронштадта, каменных мостов и набережных в Петербурге и т. д. Приписанные к Олонецким горным заводам в начале столетия, крестьяне Рыборецкой волости тоже занимались каменотесным промыслом. В своей челобитной крестьяне просили их к заводам не приписывать, а оставить «в прежнем каменнообдельном состоянии».⁵

Из приписных деревень Заонежья в XVIII и первой половине XIX века уходило много плотников и столяров. Подавляющее большинство плотников и значительная часть столяров были наемными рабочими.

В начале 70-х гг. XVIII века на строительстве Александровского пушечного завода работало по «вольному найму» значительное число приписных крестьян. Эти наемные рабочие, с одной стороны, нанимались канцелярией заводов, а с другой стороны — подрядчиками. Так, подрядчик Копалин (крестьянин Корельской трети) в 1772 году при строительстве ряда зданий имел 20 работников, а в 1773 году при постройке 10 казенных домов у него было свыше 30 наемных работников. В договоре с канцелярией заводов Копалин давал обязательство «быть

¹ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 237, л. 163.

² Там же, кн. 246, л. 49, 206; кн. 258, л. 68.

³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1329, л. 429; кн. 1335, лл. 329—333; кн. 2159, лл. 483—485 и др.

⁴ ЦГА КАССР, ф. ПГМ, оп. 3, д. 33/288, лл. 1—10, 32—37, 107; д. 33/289, лл. 97, 120; д. 71/586, лл. 1—69 и др.

⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии. В. 29, папка 7, кн. 121, лл. 4—6. В начале XIX века олонецкие приписные крестьяне работали в Петербурге на строительстве Обводного канала.

в послушании и работников к тому принуждать». ¹ В 1772—1773 гг. приписные крестьяне по найму работали на строительстве заводских плотин, на распиловке теса, выполняли земельные работы и т. д. ²

В конце 80 и в 90-х гг. XVIII века во время перестройки и постройки ряда цехов Александровского завода из приписных селений нанималось от 100 до 250 плотников, столяров, пильщиков, кузнецов и чернорабочих. ³ В летнее время в рабочей силе ощущался недостаток. Так, в июле 1788 года в рапорте заводского пристава упоминается «о великом недостатке работников» и содержится просьба выслать из Остречинской вотчины недоимщиков. ⁴

Наем приписных крестьян на строительные работы на Александровском заводе в 70—90-х гг. XVIII века носил временный характер. В первой половине и середине XVIII века, а также в XIX веке основная масса плотников и столяров из Заонежья работала по найму в Петербурге и др. крупных городах России. Часть столяров работала в столярных мастерских.

Кроме плотников, столяров и каменотесов, к дальнему отхожему промыслу можно также отнести судоходство. Этот старинный промысел получает значительное развитие с середины XVIII столетия.

Выше уже было сказано, что во второй половине XVIII века увеличилось количество подрядов, сдаваемых заводской администрацией подрядчикам из среды приписных крестьян и купечества. Если еще в 20—40-х гг. XVIII века при заключении подрядных контрактов предусматривалась «нагрузка и погрузка казенным коштом», «для погрузки судов нарядить 20 приписных крестьян» и т. п., то, начиная с 50—60-х гг. такие оговорки становятся все более редкими и применение наемного труда при выполнении подрядов становится обычным явлением (подряды выполняются «своими работными людьми»). ⁵ Все это вело к постепенному развитию капиталистических отношений.

Применение наемного труда на вспомогательных заводских работах особенно увеличилось после издания манифеста от 21 мая 1779 года. На примере этих работ можно проследить взаимосвязь вытеснения крепостного труда в горной промышленности с ростом классовой борьбы приписного крестьянства против феодальных порядков. Именно борьба приписных крестьян в 60—70-х гг. привела к изданию манифеста 1779 года и к сокращению перечня обязательных заводских работ. Все работы по добыче железной руды и выжигу древесного угля стали производиться через подрядчиков наемными работниками.

Подряды на добычу железной руды брали богатые приписные крестьяне и петрозаводские купцы. В 70-х гг. XVIII века — 30-х гг. XIX века большие партии железной руды (до 200 тыс. пудов) добывали приписные крестьяне Мунозерского конца Курмоевы, Линдозерского погоста Трухпоевы и другие, нанимая десятки и сотни работников.

Подрядчики при найме крестьян к выполнению взятых в подряд заводских работ закабалили их выдачей задатков. Например, при найме

¹ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 264, лл. 55—56; кн. 266, л. 827. Суммы подрядов Копалина доходили до 1500 руб.

² Там же, кн. 266, л. 1134; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2181, л. 383 и др.

³ ЦГА КАССР, ф. ОКП, оп. 51, д. 325, 273; д. 3/8, лл. 47—48; д. 4/10, л. 199.

⁴ Там же, д. 2/4, лл. 331—332.

⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 197, л. 290; кн. 78, л. 19; кн. 1290, л. 14—42; кн. 2195, лл. 310—311; кн. 2149, л. 404 и др.

крестьян для добычи железной руды из озер подрядчики выдавали в виде задатков муку, цены на которую они так повышали, что «крестьяне для отработки долга, будучи отвлекаемы на сию работу в летнее время, за всем тем еще оставались в недоимке...»¹

Тесно связанные с подрядчиками заводские чиновники высылали должников «с такой строгостью, что пока крестьянин не заработает долга рудопромышленнику и не представит о том письменных справок»,² то его не отпускали домой.

Если заготовка железной руды для Олонекких казенных заводов производилась через подрядчиков, то такой способ заготовки древесного угля, имевший место в XVIII веке (в 80-х гг. подрядчик Анцыферов нанимал до 400—500 работников),³ к началу XIX века был постепенно заменен непосредственным наймом углежогов («по договорам»).

Углежоги были самой обездоленной категорией из работников, работавших на вспомогательных заводских работах. Подрядчики и заводские чиновники в зимние и весенние голодные месяцы закабалили бедняков, заставляя их за гроши выполнять тяжелую работу. В 80—90-х гг. XVIII века закабаленные углежоги получали за выжиг кучи 15—20 руб., тогда как уже в декабре 1791 года крестьяне, не имевшие кабальных обязательств, заявляли, что меньше 40 руб. за кучу они не возьмут. Ничтожная плата часто становилась еще более мизерной, так как закабаленные работники были опутаны круговой порукой. Так, в 1791 году с 4 крестьян Кондопожской волости, выполнивших свои обязательства, заводская администрация взыскивала 15 руб., которые были выданы их товарищу, умершему в самом начале работы.⁴ Со многих углежогов взыскивался штраф ввиду того, что во время сильных зимних ветров нередко из кучи выходило вместо положенного минимума 65 коробов угля, 20—30 коробов.⁵

Закабаленные углежоги оказывали пассивное сопротивление. В 1787—1788 гг. было особенно много побегов. Осенью 1791 года заводская администрация предписывала полиции, чтобы она «без всякого послабления» высылала углежогов в курени. В сентябре—ноябре в распоряжениях часто повторяются выражения: «из селений высылать неослабно»; в дровосеках (курнях) за углежогами «наикрепчайшее иметь смотрение»; «к работе принуждать неослабно» и т. д.

Так выглядел вольнонаемный труд на работах по заготовке древесного угля. На этих работах в 80—90-х гг. XVIII века ежегодно в течение 2—3 месяцев было занято от 500 до 800 работников.

Под влиянием развивающихся товарно-денежных отношений и роста денежных повинностей приписные крестьяне все больше отвлекались на отхожие промыслы и были вынуждены сдавать обязательные заводские работы подрядчикам из среды богатых приписных крестьян и купцов, находившихся под покровительством заводских чиновников. Вместо отработок крестьяне платили деньги. Происходил процесс

¹ ЦГА КАССР, ф. ОГП, оп. 8, д. 53/534, л. 1696 и др.

² Там же.

³ Там же, ф. ОКП, оп. 51, д. 1/2, лл. 20—21, 339—342; д. 2/4, лл. 10—14 и др.; в 1787 г. у Анцыферова числилось до 270 работников, покинувших работу в знак протеста против приказа Гаскойна о выжиге угля отдельно из березовых, еловых и сосновых дров. Вскоре это «новшество» было отменено.

⁴ ЦГА КАССР, ф. ОКП, оп. 51, д. 5/15, л. 247; д. 2/5, л. 248; д. 6/17, л. 25 и др.

⁵ В короб вмещалось 20 пудов древесного угля.

перехода от отработочной к денежной феодальной ренте. Наиболее беднейшая часть крестьян закабалялась подрядчиками и была вынуждена поступать к ним в сезонные рабочие для рубки куренных дров и к возке угля и железной руды на заводы. Таких рабочих в первой половине XIX века ежегодно насчитывалось от 2 до 3 тыс. пеших и конных.¹

В 50—70-х гг. XVIII века некоторое количество приписных крестьян работало по найму на частных металлургических заводах, выполняя основные и вспомогательные работы. В 60—70-х гг. на Вохтозерский и другие заводы нанимались крестьяне из Сямозерской, Салменижской и др. волостей. В основе найма были кабальные договоры на 3—6 месяцев или на заготовку определенного количества древесного угля и железной руды. В отдельных случаях контракты заключались и на более продолжительные сроки. Так в 1770 г. несколько крестьян Оштинского погоста обязались контрактом работать пять лет на частном заводе.² В ответ на закабаление, обман и насилие крестьяне отказывались от работы и совершали побег.³

На частных металлургических заводах работало ограниченное количество приписных крестьян. В 80-х гг. XVIII века эти заводы прекратили свое существование. Такой же эпизодической была работа и на частных кирпичных заводах.⁴

Во второй половине XVIII столетия увеличилось количество рабочей силы на лесопильных заводах и на заготовке и сплаве леса как для заводов, так и для вывозки в Петербург.⁵ В маклерских книгах Петрозаводского магистрата за 1789—1791 гг. записан ряд договоров владельца Лижемского лесопильного завода о найме приписных крестьян на заводские работы, заготовку бревен и к перевозке теса в Кронштадт. В 70—90-х гг. в бассейне реки Шуи заготавливали лес петрозаводские купцы для судостроения, строительства домов и отправки в Петербург.⁶ В качестве лесорубов и сплавщиков леса нанимались крестьяне Шуйского погоста, а также Пряжинской, Сямозерской и др. волостей.⁷ Среди занятий населения этих волостей заготовки и сплав леса занимали первое место.

Большой спрос на пиломатериалы в Петербурге лесопильные заводы («пильные мельницы») не могли полностью удовлетворить, и поэтому в 80—90-х гг. на берегах реки Свири производилась заготовка теса, выпиливаемого ручными пилами.

В середине и во второй половине XVIII столетия наблюдались случаи найма богатыми приписными крестьянами работников для сельскохозяйственных работ. Так, например, в 1771 году крестьянин Кижской трети Г. Степанов, за неимением деревенского участка, нанимался «в разные крестьянские работы». В другом случае упоминается, что

¹ Из расчета, что от 5000 до 6000 «уроков» выполнялось подрядным способом. Один же рабочий за сезон выполнял не более 2—2,5 урока.

² ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 251, лл. 14—15; ф. 445, оп. 1, д. 300, л. 270; д. 308, л. 354.

³ О. И. Васильевская. Указ. произв., стр. 69—74.

⁴ В 70—90-х гг. в летние сезоны (в районе г. Петрозаводска) на кирпичных заводах работало около 100 человек.

⁵ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 254, л. 65 и др.

⁶ В 1789 году в бассейне реки Шуи заготовлено петрозаводскими подрядчиками свыше 10 тыс. бревен.

⁷ ЦГА КАССР, ф. ПГМ, Маклерская книга за 1789 г., л. 32, 227, 239 и др.

сулажгорский богатый крестьянин П. Назаров имел работников и т. д.¹ Однако наем сельскохозяйственных рабочих не мог найти широкого распространения. В одном официальном документе уже за 1872 год указано, что в хозяйстве олонечкого крестьянина «спрос на сельскохозяйственный труд весьма незначителен и полевые работы только отчасти служат подспорьем беднейшим крестьянам, нанимающимся к более зажиточным...»²

Для олонечкой приписной деревни как в XVIII, так и в XIX веках было характерно постепенное развитие дальнего отходничества. Большое количество приписных крестьян нанималось также на лесопильные заводы, на лесозаготовительные, сплавные и другие работы.

Недостаток пашенной земли, скудные урожаи и процесс имущественного расслоения способствовали появлению избыточной рабочей силы в приписной деревне. В 1770 году канцелярия Олонечких Петровских заводов констатировала, что от неимущих приписных крестьян есть жалобы на то, что они «принуждены искать пропитание мирским подаванием или к ним, богачам, наниматься за маленькую цену и быть в работе со утеснением».³

Многочисленные записи в маклерских книгах петрозаводского городского магистрата и архивные документы за 1760—1790 гг. довольно ясно вскрывают характер сделок между нанимающимися работниками, с одной стороны, и подрядчиками, судовладельцами и предпринимателями — с другой стороны.

Во второй половине XVIII столетия уже можно заметить начавшийся процесс разложения феодально-крепостнических порядков в системе горнозаводского производства. Вольнонаемный труд начал противопоставляться принудительному и медленно, но неуклонно развиваться.

Это видно не только на примере роста товарно-денежных отношений и успехов горнозаводской промышленности Урала, но самое главное — на примере того, что рабочая сила в это время начинает превращаться в товар. Основоположники марксизма-ленинизма считали основным признаком капитализма такой уровень развития товарного производства, когда рабочая сила превращается в товар.

Не только торговля товарами, но и наем работника имели место на Руси и до XVIII века, но наем работников был тогда редким явлением. В XVIII веке применение наемного труда становится систематическим. Во второй половине столетия в России получила развитие текстильная промышленность, в которой господствовал вольнонаемный труд.

Большинство рабочих Олонечкого края было занято на крепостных мануфактурах — Олонечких горных заводах, но на «пильных мельницах», галиотах, соймах и т. д. были вольнонаемные работники. Формирование этих кадров происходило в 1750—1800 гг., когда лесопильная промышленность Олонечкого края переживала период бурного развития, вызвавшего в свою очередь усиление судоходства. Рабочая сила лесопильной промышленности состояла из местных крестьян. Здесь были и приписные крестьяне, занимавшиеся отходничеством.

Освещая вопрос о значении крестьянских промыслов в развитии промышленного капитализма в России, В. И. Ленин указывал, что если на

¹ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 249, л. 241; ф. ОГП, оп. 5; д. 62/356, лл. 1—2.

² Там же, ф. 27, оп. 2, д. 8/105, л. 14.

³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1359, лл. 107—108.

одном полюсе деревни обогащалось зажиточное меньшинство, то на другом полюсе крестьянская беднота разорялась и превращалась в наемных рабочих. В Олонецкой приписной деревне в 1760—1790 гг. в качестве эксплуататоров наемных рабочих выступали такие богачи, как русские Бекренев и Захарьев, карелы Курмиев и Ющев, вепсы Варапайкин и позднее Пименов. В то же время тысячи разорившихся крестьян из русских, карельских и вепсских селений нещадно эксплуатировались как феодальным государством, так и нарождающейся буржуазией в лице владельцев предприятий, подрядчиков, судовладельцев, купцов и ростовщиков.

Г. Н. БОГДАНОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИМУЩЕСТВЕННОМ И СОЦИАЛЬНОМ РАССЛОЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА КАРЕЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА¹

Исследование вопроса о социальном расслоении крестьянства как совокупности экономических противоречий в крестьянстве, является одной из важных проблем генезиса капитализма в России, ибо социальное расслоение крестьян лежало в основе развития капиталистических отношений в деревне, появления и развития капиталистической мануфактуры, образования рынка вольнонаемной рабочей силы. Зачатки социального расслоения крестьянства, как указывал В. И. Ленин, появились задолго до утверждения капиталистического производства «еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян».²

Для решения вопроса о зарождении и развитии капиталистических производственных отношений в недрах феодального общества необходимо всесторонне изучить процесс имущественного и социального расслоения крестьянства России во второй половине XVIII века, ибо в этот период началось значительное углубление социально-экономических противоречий в крестьянстве.

О расслоении крестьянства во второй половине XVIII века имеется ряд статей и кандидатских диссертаций советских историков.³ Однако вопрос о расслоении крестьянства во второй половине XVIII века не получил еще должного освещения в советской исторической литературе. О расслоении крестьян Карелии специальных работ нет. В некоторой

¹ В данной статье рассматривается имущественное и социальное расслоение государственных крестьян Олонецкого, Пудожского, Повенецкого и Кемского уездов, позднее вошедших в состав Карельской АССР.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 143.

³ Е. И. Дракохруст. Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVIII в. «Исторические записки АН СССР», № 4, 1938; Г. Н. Бибииков. Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в. «Исторические записки АН СССР», № 4, 1938; К. В. Сивков. К вопросу об имущественном расслоении крестьянства в XVIII в. «Исторические записки АН СССР», № 11, 1941; А. М. Разгон. К истории разложения крестьянства во второй половине XVIII в. «Вопросы истории», № 9, 1955; Г. Т. Рябков. Развитие капиталистических отношений в крепостном хозяйстве в конце XVIII и в первой половине XIX в. (диссертация).

степени этого вопроса коснулись в своих работах Я. А. Балагуров и О. И. Васильевская.¹

Основную массу населения Карелии во второй половине XVIII в. составляли государственные крестьяне. В состав государственных крестьян входили черносошные, экономические (бывшие монастырские) и приписные к Олонецким Петровским заводам. Численность черносошных и экономических крестьян на территории Карелии (кроме Сердобольского уезда) по 4-й ревизии (1782—1783 гг.) составляла более 35 тыс. душ мужского пола (25 033 душ мужского пола черносошных и 10 071 душ мужского пола экономических²). Государственные крестьяне находились в феодальной зависимости от самого крупного феодального собственника земли — государства. За пользование землей крестьяне платили государству отработочную и денежную ренту.

Преобладала денежная рента. Крестьяне, приписанные к Олонецким Петровским заводам, несли отработочную ренту. В счет подушной и оброчной подати они выполняли тяжелые заводские работы.³

Основным занятием крестьян большинства районов Карелии являлось сельское хозяйство. Однако продукция сельского хозяйства как в промышленных, так и в земледельческих районах не обеспечивала основных потребностей крестьянской семьи. Хлеба своего не хватало. Крестьяне нуждались в привозном хлебе. Деньги для его покупки они добывали от неземледельческих заработков — промыслов: рыболовных, железоделательных, лесных, отхожих и др. Особое значение получили морские рыболовные промыслы в Поморье, являвшиеся здесь основным занятием населения.

Развитие местных промыслов и отходничества нарушало замкнутость натурального крестьянского хозяйства, способствовало дальнейшему развитию товарно-денежных отношений. В этот период происходит расширение и укрепление связей крестьян с рынком, что способствовало расширению внутреннего рынка, укреплению экономических связей между различными районами, а также между городом и деревней. Особенно большая роль в расширении экономических связей принадлежала местным ярмаркам. В 80-е годы XVIII века, кроме существовавших Шунгской ярмарки и ярмарок при Александро-Свирском монастыре, Кижском и Шуйском погостах, были открыты новые в Петрозаводске и уездных центрах Олонецкой губернии. Вырос товарный оборот ярмарок. Большую роль в развитии торговли карельских крестьян играл Петербург. В Петербург крестьяне сбывали товары местного производства: лен, железо, пиломатериалы, рыбу, дичь и пр. Крестьянство становилось не только участником торговли, но и опасным конкурентом купечества.

На характер крестьянского хозяйства большое влияние оказывало развитие казенной и частной промышленности (железодельательной, лесопильной, судостроительной, стекольной). Развивающаяся промышленность отрывала крестьянское население на некоторый период от сельского хозяйства, создавала условия для неземледельческих заработков. Крестья-

¹ Я. А. Балагуров. Кижское восстание 1769—1771 гг. Петрозаводск, 1951; Положение Олонецких приписных крестьян в первой четверти XIX столетия. «Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР», № 1, 1948; О. И. Васильевская. Частная металлургия Карелии в середине XVIII в. Петрозаводск, 1954.

² ЦГИАЛ, ф. 558, оп. 2, д. 157, лл. 1, 19; оп. 4, д. 158, лл. 27—30.

³ Заводских приписных крестьян автор статьи касаться не будет.

яне поставляли, на частные железоделательные заводы руду, уголь, дрова, на Шальские стеклянные заводы золу и дрова; брали подряды по перевозке местной промышленной продукции в Петербург и другие города страны.

Развитие промышленности в крае и рост товарно-денежных отношений влияли на переход натурального крестьянского хозяйства в мелко-товарное, создавали условия для имущественного и социального расслоения крестьянства.

Во второй половине XVIII века в Карелии продолжалось углубление процесса имущественного расслоения крестьянства. За неимением в нашем распоряжении статистических данных для полного и всестороннего изучения вопроса о расслоении крестьянства приходится основываться на косвенных показателях. При отсутствии подворной переписи по Олонецкой губернии у нас нет статистических сведений о числе малоземельных и многоземельных крестьян, о количестве земли и скота в каждом крестьянском хозяйстве. Имеются лишь общие данные о наличии у одних крестьян большого количества земельных угодий и отсутствии земли у других.

О неравномерности крестьянского землепользования в Карелии свидетельствуют «Наказы» от крестьян Олонецкого уезда в Комиссию 1767 года. В «Наказах» крестьяне пишут: «Олонецкого погоста разных волостей государственные крестьяне [живут] при глухих и лесистых местах, на пашенных тяглых деревенских участках, а прочие от неимения тяглой питомство имеют от малопосянного в те лесные места хлеба, а прочие от запашки и разных крестьянских промыслов и черною работою».¹

Из этих строк мы видим, что одни крестьяне имеют «тяглые» земли, другие не имеют «тяглых» земель, а живут за счет «малопосянного» хлеба на расчистках, третьи совсем не имеют земли и обеспечивают себя доходами от промыслов или «черною работою», т. е. работой по найму.

Неравенство в землепользовании подтверждается также сообщениями чиновников Иванова и Грудницкого, обследовавших положение крестьянских хозяйств в Повенецком уезде в 1785 году. Иванов, посетивший Семчезерский, Селецкий и Паданский погосты, сообщал, что у тех крестьян «которые более имеют землю, есть еще и не обмолоченный [хлеб]. — Прочие же или покупают [хлеб] — за наличные деньги, или, нанимаясь в разные работы, вместо денег забирают хлебом».² Чиновник Грудницкий представил данные о количестве семенного хлеба, засеянных и незасеянных полей в Панозерском погосте. Рассмотрев эти данные, можно прийти к выводу, что в деревнях Панозерского погоста существовало неравномерное распределение пашенных участков между крестьянскими дворами. Так, в дер. Сапосалма из 20 крестьянских дворов 6 имели пашни на одного члена семьи от 3 до 3,3 четверика, 11 от 2 до 2,7 четверика и 3 от 1,2 до 1,6 четверика.³

В первой группе дворов имелись семена на посев земли. В средней группе крестьянских дворов почти половина не имела семян. Следовательно, эта группа в период голода разорялась. К наиболее малоземельной группе относились крестьяне, имевшие пахотных земель от 1,2 до 1,6 четверика. Такая же картина неравенства в землепользовании

¹ Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО), т. 115, XXXIV, стр. 15.

² ЦГА КАССР, ф. 2, оп. 61, д. 4/73, л. 88.

³ Там же, д. 4/73, лл. 64, 65.

наблюдается по другим деревням Панозерского погоста. Так, в деревне Юшкозеро из 50 крестьянских дворов 9 имели пашенной земли на одну душу населения от 3 до 6,6 четверика, 14 от 2 до 2,6 четверика, 16 от 0,6 до 1,2 четверика и один двор был безземельным.¹

Приведенные данные свидетельствуют также об общем малоземелье, характерном для всех групп крестьянских хозяйств. При переводе на десятины в хозяйствах состоятельных крестьян приходилось на один двор от 2 до 3 десятин пашни. В этих условиях происходила острая борьба за землю между бедной и богатой деревенской верхушкой. Особенно она проявлялась в южных и юго-восточных районах Карелии, где сельское хозяйство играло первостепенную роль в жизни населения.

Богатые крестьяне стремились сконцентрировать в своих руках наибольшее количество наилучшей земли. Беднота боролась против этого. Так, в 1787 году крестьянин Кондушской волости Вытегорского уезда Рогозин купил участок земли «4 полосы на 6 четвериков» (около половины десятины) у мещанина Архипова. Как только крестьянин Рогозин подготовил купленный участок для посева, то «находящиеся в той деревне поселяне Аким Степанов со товарищи к посеву его самовластно не допустили и притом еще работников его, пришедших хлеб сеять, били, а, наконец, от той земли его, Рогозина, и отказали, и по отказе сами те полосы... сильным образом засеяли»,² — писал мещанин Архипов в челобитной на имя императрицы в 1787 году.

Особенно острая борьба между крестьянами за землю происходила в Пудожском, Петрозаводском и Вытегорском уездах в период первого передела земель в Олонецкой губернии в 1784—1785 гг. По отношению к переделу вся масса крестьянского населения разделилась на две группы: зажиточная часть крестьянства, сосредоточившая в своих руках большую часть земельных участков, была против передела, а группа малоземельных и безземельных крестьян — за предел.

Богатые крестьяне расширяли свои земельные участки путем аренды оброчных казенных земель, покупки земли у купцов и мещан и расчистки новых участков.

После указов от 20 марта 1782 года и 16 мая 1785 года «О продаже земель купцами и мещанами» большая часть купеческих и мещанских земель была раскуплена зажиточными крестьянами (беднота за неимением денег не в состоянии была покупать земли). Так, крестьянин Петрозаводского уезда Великогубской волости Герасим Ерофеев купил у пудожского купца Баканина в 1787 году землю и сенокосы, находящиеся в Великогубской волости при деревнях Кузьминская и Антоновская за 450 руб. На купленной «безо всякого от прочих крестьян спору» земле с согласия общины он расчистил и разработал «своими трудами и наемкою» пашни «в одну перемену до 500 суслонов, а в двух по тому ж, сеного покосу до 150 заколей»³ (в переводе на десятины примерно до 75 десятин пашни и до 30 десятин покоса).

¹ ЦГА КАССР, ф. 2, оп. 61, д. 4/73, лл. 65, 66. Семена на посев имели только 15 дворов.

² Там же, д. 19/268, л. 1об.

³ Там же, ф. 656, оп. 1, д. 33/607, л. 1. Из 500 суслонов получалось 50 четвертей хлеба (в архивных материалах встречаются данные о получении из 300 суслонов 300 четвертей хлеба (50 четвертями хлеба можно засеять 50 четвертей земли, в переводе на десятины — 25 десятин, то есть по данным Черепнина 1 четверть земли равна 0,5 десятины). А. В. Черепнин. Русская метрология. М., 1940 (всего в 3 полях — 1500 суслонов или 75 десятин).

Об имущественном неравенстве крестьян Карелии говорят также некоторые данные о животноводстве. Так, обследование Повенецкого уезда в 1785 году показало, что одни крестьянские дворы имели по одной корове, другие от 3 до 5 коров, а «прожиточные» до 10 коров, одни крестьянские хозяйства были безлошадными, другие имели до 3 лошадей¹.

Дополнительным источником, а в некоторых районах (Лопских погостах и Карельском Поморье) основным для накопления капиталов являлись крестьянские промыслы и торговля. Богатые крестьяне — владельцы основных средств производства, необходимых для промысла, как-то: укладных горнов, орудий рыболовных промыслов и др. накапливали материальные ценности путем непомерной эксплуатации своих разорившихся односельчан. Некоторые из богатых торгующих крестьян становились скупщиками и опасными конкурентами купечества. В 1785 году купцы Петрозаводского уезда писали в Петрозаводский городской магистрат о том, что «есть в крестьянах такие капиталистые люди, что и лучший купец столько промыслу не имеет, сколько оне имеют и как таковые капиталистые озадачивают соседних свою братью крестьян во всякой такой продукт, о коем выше написано наперед, то настоящий купец принужден уже те продукты не у крестьян покупать, но у него с большею передачею».² Богатые крестьяне — владельцы значительных капиталов путем выдачи задатка скупали товары местного производства: хлеб, продукты животноводства, лен; продукцию промыслов: холст, смолу, деготь, рыбу, икру, птицу, уклад и т. п. у своих односельчан и продавали их купцам в несколько раз дороже.

Некоторые крестьяне обогащались за счет выполнения всевозможных подрядов — по поставке сырья: дров, руды, золы на казенные и частные заводы, по перевозке продукции Александровского завода в Петербург, по заготовке смолы, постройке судов и зданий для купцов и т. д. Так, в 1800 году государственный крестьянин Селецкого погоста Петрозаводского уезда³ договорился с администрацией Александровского пушечного завода о перевозке на боте «Св. Иван» в Кронштадт на литейный завод и в Петербург, в дом Гаскойна, чугуна и чугунных припасов 7119 пудов 4 фунта, при условии получения за перевозку 8 коп. за пуд⁴. Или в мае 1793 года экономический крестьянин деревни Марь-Наволоч, Уносской волости Шальского погоста Федор Падорин заключил договор с приказчиком Шальской стеклянной фабрики И. Дроздовым о поставке в конце 1793 — в начале 1794 годов 1000 сажень дров и 1000 мер золы при условии получения на каждую сажень дров 52 коп. и меру золы 12 коп.⁵

В феврале 1788 года экономический крестьянин Пудожской волости Челмужского погоста Г. Романов заключил договор с Петрозаводским купцом Мижеевым о заготовке и подвозке в Петрозаводск в месячный срок «своими работными людьми» 500 бревен.⁶

¹ ЦГА КАССР, ф. 2, оп. 61, д. 4/73, л. 92 об.

² Институт русской литературы в Ленинграде (Пушкинский дом), ф. 96, архив Державина, оп. 3, д. 5, л. 359.

³ По административному делению 80-х гг. XVIII века Селецкий погост входил в состав Повенецкого уезда.

⁴ ЦГА КАССР, ф. 63, оп. 4, д. 8/35, л. 4.

⁵ Там же, ф. 648, оп. 1, д. 6/111, л. 13/6 об.

⁶ Там же, ф. 63, оп. 3, д. 66/510, л. 48.

В январе 1799 года государственный крестьянин Паданского погоста Ермолин договорился с петрозаводским купцом Селиверстовым о поставке последнему 2500 пудов смолы, при условии получения за каждый пуд по 70 коп. При заключении договора подрядчик получил 400 руб. Остальная сумма выплачивалась после доставки смолы на Вознесенскую пристань и в Петербург.¹

Средством наживы для некоторых крестьян являлись также подряды по выполнению крестьянских повинностей. Так, по договору с крестьянами староста Важенского погоста Лодейнопольского уезда Петр Никитин, кроме исполнения обязанностей старосты, содержал земскую избу и ям (почтовую станцию) в Важенском погосте, получая от каждого крестьянина по 12 коп.² В 1798 году крестьянин Ругозерского погоста Повенецкого уезда Федор Якушев договорился с крестьянами этого же погоста поставлять за них (117 человек) в течение 1799 года лошадей на Вознесенскую станцию и на станции, расположенные на тракте от Олонца до Повенца, при условии получения по 50 коп. с каждого крестьянина.³

Все эти подряды приносили огромные доходы крестьянам-подрядчикам. Так, крестьянин Шальского погоста Федор Падорин за свой подряд получил 640 рублей,⁴ что по тому времени представляло значительную сумму. Взятые на себя обязательства подрядчики выполняли с помощью наемной рабочей силы, которая вербовалась, главным образом, из крестьян своих или соседних волостей и погостов.

Верхушка деревни увеличивала свое богатство путем ростовщических операций. Богачи-крестьяне предоставляли своим односельчанам хлеб и деньги:

а) Под высокие проценты. В 1763 году, например, крестьянин Селецкого погоста Акимов в своей челобитной на имя императрицы просил, чтобы ему заплатили деньги **по векселям с процентами** (подчеркнуто мною.— Г. Б.) в размере 67 руб. 75 коп. крестьянин Варфоломеев и др. (всего 4 человека).⁵

б) Под поставку продукции сельского хозяйства и промыслов (хлеба, смолы, дегтя и др.). В 1792 году экономический крестьянин деревни Шадровской Фоймогубской волости Петрозаводского уезда Филипп Федоров обязался за взятые в долг у крестьянина Повенецкого уезда Пудожгорской волости Ивана Калинина хлеб и деньги (всего на 47 руб. 50 коп.) поставить смолу и деготь.⁶

в) Под залог имущества и пашенных участков. Например: государственный крестьянин Шустрочской волости Оштинского погоста Никулин в 1792 году дал заемные письма Кузьмину и Якимову в том, что занял у них «в свою необходимую нужду и на платежах казенных податей денег 35 рублей до 1802 г.». За полученные в долг деньги заложил он поляну, разработанную своим отцом в урочище на Крутом Ручье, «пашенную землю и сенной покос — все без остатку».⁷

Если должник не мог уплатить долга, то лишался заложенного имущества. Так, в «заемном письме» крестьянина Т. Григорьева, заложив-

¹ ЦГА КАССР, ф. 63, оп. 3, д. 110/755, л. 17.

² Там же, ф. 644, оп. 1, д. 22/156, л. 9.

³ Там же, ф. 63, оп. 3, д. 110/755, л. 50об.

⁴ См. предыдущее изложение, стр. 39.

⁵ ЦГА КАССР, ф. 192, оп. 2, д. 1/18, л. 1.

⁶ Там же, ф. 63, оп. 3, д. 620, л. 39.

⁷ Там же, л. 10б.

шего за взятые в долг деньги у пономаря все имущество и пашенный участок, указывалось, что в случае неуплаты им долга в назначенный срок все заложенное имущество остается за кредитором.¹

Во второй половине XVIII века богатые крестьяне обладали значительными капиталами. О наличии капиталов у ряда первостатейных крестьян говорят факты перехода их в купеческое сословие. В «Наказах» в Законодательную Комиссию 1767 года крестьяне Олонецкого уезда писали, что в некоторых погостах «самые лучшие и прожиточные» с целью избавиться от повинности по несению казенных служб «записались с богатством своим в олонецкое купечество».² Крестьяне, переходившие в купеческое сословие, должны были иметь капитала не менее 300 рублей. У некоторых капиталы превышали 1000 рублей. Так, в 1763 году в Олонецкой воеводской канцелярии рассматривалась просьба крестьянина Олонецкого уезда Кондушской волости П. Мокрушина о зачислении его и трех малолетних сыновей «по объявлению капитала до 1200 рублей» в олонецкое купечество.³ Имеющиеся данные показывают, что процесс образования купечества из среды более состоятельных крестьян происходил активно. В 1762 году только в одном Олонецком погосте записалось в купечество 46 крестьян.⁴ В 1785 году в пудожское купечество записалось 69 крестьян.⁵

Об имущественном неравенстве среди крестьян говорят духовные завещания, челобитные о разделе имущества умерших родственников, описи имущества крестьян, совершивших преступления, и сообщения чиновников. Так, на основе челобитной крестьянина Пянтюкова о разделе имущества умершего крестьянина Андомского погоста Тимофея Шошина между оставшимися родственниками мы видим, что движимое и недвижимое имение умершего оценивалось в 4000 рублей. В состав имения входили жилой дом, скотные дворы, большое количество хлеба (в амбарах до 320 четвертей), 12 лошадей, 31 голова крупного рогатого скота и 20 овец. В амбарах на пристани имелось 600 кулей муки, 200 четвертей овса, 10 пудов масла, 30 кулей муки овсяной и толокна, галиот, мельница, на 365 рублей векселей, на 100 четвертей хлебных писем, 5000 штук беличьих шкур и 650 рублей.⁶

Из всего этого видно, что владелец их принадлежал к зажиточной группе крестьянства, был одним из крупных владельцев земли, скота, ростовщиком, торговцем и скупщиком. Исходя из изложенного, можно утверждать, что хозяйство крестьянина Шошина было товарным, так как предметы сельскохозяйственного производства—хлеб, масло и др.—поступали на рынок (об этом свидетельствует наличие амбаров с хлебом на пристани и судна для перевозки грузов). Некоторая часть хлеба для продажи, по-видимому, перекупалась Шошиным у местных крестьян. Необходимо отметить, что в его хозяйстве, несомненно, применялась наемная рабочая сила, ибо такое сравнительно большое хозяйство не могло держаться без применения некоторого количества наемных рабочих.

Из перечисленных примеров мы видим, что внутри деревни про-

¹ ЦГА КАССР, ф. 652, оп. 2, д. 2, л. 1об.

² Сб. РИО, т. 115, стр. 139.

³ ЦГАДА, ф. 547, оп. 2, д. 1827, л. 287.

⁴ ЦГА КАССР, ф. 656, оп. 1, д. 31, лл. 465, 466; д. 6/40, лл. 324, 325.

⁵ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 4/70, лл. 6—7.

⁶ ЦГАДА, ф. 547, оп. 1, д. 623, лл. 10—12.

исходило выделение группы «первостатейных» крестьян, концентрирующих в своих руках землю, скот, орудия промыслов, денежные капиталы и прочее.

Наряду с образованием группы «первостатейных» шло разорение другой части крестьян. Сравним с хозяйством Шошина хозяйства наиболее разорившихся и обедневших крестьян. Так, крестьянин Чикозерской волости Винницкого погоста И. Лукин имел избу стоимостью в 10 рублей, лошадь — 7 рублей, деревенский участок: 3 поля с посевом 3 четверика (приблизительно около одной четверти десятины), пожню с выкосом в 4 воза.¹ А имущество крестьянина Ильинского погоста Васильева состояло из избы с двумя хлевами — «в избе иконы и двери на железных крюках, а другого пожитка при доме том ничего не имеется, никакого скота нету... деревенского участка [земли] нет...»² Из перечня имущества в хозяйствах крестьян Лукина и Васильева мы видим, что оба крестьянина относились к группе разорившихся крестьян. Если крестьянин Лукин был еще связан с землей, имел небольшой участок, то крестьянин Васильев был совершенно лишен основных средств производства, не имел ни земли, ни скота и должен был наниматься в работники.

О неприглядной картине запустения и бедности отдельных крестьянских хозяйств свидетельствуют показания чиновника Иванова, обследовавшего в 1785 году Повенецкий уезд. Так, в деревне Машозеро Шуезерского погоста «крестьяне Иван Афанасьев с женою и тремя малолетними детьми и Василий Савин с женою и четырьмя детьми малолетними найдены [им] в сущей бедности, хлеба имеют не более как недели на две или на три, да и то смешанного с соломою и сосною корою. Одежания ж на женах и детях нет никакого, кроме нижнего, а у последнего малолетние двое дети нагие, скота имеют по одной только корове, а более нет никакой скотины... По неурожаю в прошедшие 4 года в запасе хлеба никакого не имели».³

Глубокие экономические противоречия внутри крестьянства Карелии во второй половине XVIII века прослеживаются по данным таблицы о количестве прожиточных, посредственных и бедных крестьянских дворов в Олонецкой губернии, приведенной в работе Озерецковского «Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя». Как видно из таблицы, 15 613 крестьянских дворов на территории Петрозаводского, Олонецкого, Повенецкого, Пудожского и Кемского уездов Олонецкой губернии было «достаточных» (богатых) — 10,3% или 1591 двор, «посредственных» (средних) — 46,2% или 7223 двора и бедных — 43,5% или 6799 дворов.⁴

В отдельности по каждому уезду эти данные распределяются следующим образом (см. табл. на стр. 43).⁵

Таблица показывает, что более глубоким процесс дифференциации был в Кемском, Олонецком и Петрозаводском уездах. Особенно выделяется Кемский уезд, в котором резко выражены крайние группы. Средняя прослойка составляла всего пятую часть крестьян Кемского уезда.

¹ ЦГАДА, ф. 547, оп. 1, д. 481, лл. 70, 70 об.

² Там же, д. 330, л. 1.

³ ЦГА КАССР, ф. 2, оп. 61, д. 73, л. 40.

⁴ Н. Озерецковский. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому, и вокруг Ильменя. СПб, 1792, стр. 200.

⁵ Там же, стр. 200.

	„Доста- точных“	%	„Посред- ствен- ных“	%	Бедных	%	Итого всех дворов
Петрозаводский	381	8,4	2071	45,9	2065	45,7	4517
Олонецкий . .	437	12,7	1307	37,9	1703	49,4	3447
Повенецкий	234	5,6	2221	53,2	1718	41,1	4173
Пудожский . .	485	16,6	1508	51,8	917	31,5	2910
Кемский . . .	54	9,5	116	20,5	396	70	566

Такое явление можно объяснить тем, что все эти уезды были наиболее развитыми в промышленном отношении районами Карелии. Основным занятием населения Кемского уезда служили морские рыболовные промыслы (в 1785 году 85% крестьянских дворов в г. Кеми были заняты морскими промыслами).¹ В Петрозаводском и Олонецком уездах во второй половине XVIII века широкое развитие получили казенная и частная металлургия и лесопильная промышленность. К этому периоду относится строительство крупного казенного пушечного и снарядолитейного Александровского завода, частных металлургических заводов: Тивдийского, Туломозерского, Топозерского и др., новых лесопильных заводов в Олонецком уезде.

Хотя данные таблицы о количестве «достаточных», «посредственных» и бедных крестьянских дворов не могут быть приняты как абсолютно достоверные для определения количественного соотношения указанных групп, ибо нам неизвестно, что бралось за основу при характеристике крестьянских хозяйств, но тем не менее они свидетельствуют об имущественном неравенстве среди крестьянства Карелии, о делении крестьян по экономическому положению на три группы.

Если взять эти данные за основу, то можно сказать, что процесс дифференциации глубоко проник в карельскую деревню. Около половины (43%) крестьянских дворов были маломощными, а средняя прослойка, за счет которой пополнялись крайние группы крестьян, в этот период уже составляла менее половины (46%).

Углубление экономических противоречий вело к социальному расслоению крестьянства, к образованию классов капиталистического общества.

В. И. Ленин, исследуя вопрос об имущественном и социальном расслоении крестьянства, вскрыл несостоятельность попыток народнической и буржуазной историографии свести этот процесс к одному имущественному неравенству. Он показал, что имущественное неравенство является лишь предпосылкой социального неравенства. «Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения,— типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством».²

¹ Архангельская губерния по статическому описанию 1785 года. Архангельск, 1916; ЦГА КАССР, ф. 253, оп. 1, д. 8/414, лл. 3, 4; Там же, оп. 1, д. 12/477, лл. 1—2.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 142.

Наряду с имущественным расслоением крестьянства в карельской деревне появились зачатки социального расслоения.

С одной стороны, состоятельные крестьяне вкладывали свои капиталы в постройку железоделательных, лесопильных и кожевенных предприятий, в судостроение. Так, владельцы Вичковского и Туборецкого железоделательных заводов купцы Ольхины были в прошлом крестьянами Вытегорского погоста.¹ В 1763 году один крестьянин Выгорецкого жительство предпринимал строительство лесопильного завода о двух рамах при устье реки Ижмицы, впадающей в Оров-губу Онежского озера.² В 1792 году экономический крестьянин Сумского острога Повенецкого уезда Василий Гаврилов договорился с купцом Петрозаводского уезда Фатеем Германовым построить на общий капитал в городе Петрозаводске кожевенный завод.³

С другой стороны, крестьяне, лишившиеся частично или полностью основных средств производства (земли и орудий промыслов), вынуждены были в силу экономической необходимости продавать свою рабочую силу: наниматься в работники к местным купцам и состоятельным крестьянам. В книгах Петрозаводского магистрата за последнюю четверть XVIII столетия зафиксированы десятки договоров о найме крестьян для работы на заводах, мореходных судах, строительстве купеческих зданий, судов и т. д. За первые три месяца 1788 года имеется 75 случаев найма крестьян к петрозаводским купцам.⁴ В книге договорных записей 1790 года за первые четыре месяца зафиксировано более 30 договоров крестьян из Повенецкого, Пудожского и других уездов о найме их матросами на купеческие суда.⁵

Во второй половине XVIII в. более часто, чем в первой половине столетия между владельцем предприятия и непосредственным производителем выступают подрядчики. Для выполнения различного рода казенных работ: заготовки и доставки сырья (дров, руды и др.) на Александровский завод и частные металлургические заводы, перевозки продукции заводов и тивдийского мрамора в Петербург крестьяне в большинстве случаев нанимаются к подрядчикам.

Так, в сентябре 1787 г. экономический крестьянин Сермакской волости Лодейнопольского уезда Иконников заключил договор с подрядчиком Александровского завода купцом Анциферовым о перевозке на своем судне в течение осени (до закрытия навигации) из Петрозаводска в Петербург 5 тыс. пудов снарядов (ядер, книпелей) и медного купороса при условии получения за перевозку 300 руб. (по 6 коп. за пуд). При подписании договора крестьянин Иконников получил задаток от купца в размере 150 руб. В договоре указывалось на привлечение крестьянином Иконниковым во время прохождения судна по водной магистрали из Петрозаводска в Петербург дополнительной наемной рабочей силы и лоцманов для проведения судов через Свирские пороги.⁶

¹ О. И. Васильевская. Частная металлургия Карелии в середине XVIII в. Петрозаводск, 1954, стр. 75.

² ЦГАДА, ф. 547, д. 1827, л. 292.

³ ЦГА КАССР, ф. 63, оп. 3, д. 620, л. 79.

⁴ Там же, д. 66/560, лл. 1—100.

⁵ Там же, д. 72/596, лл. 1—23, 38 об.; 39, 40.

⁶ Там же, д. 61/542, лл. 2—3.

В январе 1788 года 8 экономических крестьян Ялгубской волости Шуйского погоста Петрозаводского уезда договорились с экономическим крестьянином Шуйского погоста С. Федоровым «в силу данного им договора в горную экспедицию» о поставке 80 сажен «трехаршинных» березовых дров. Причитающийся заработок получили при заключении договора. В случае невыполнения взятого на себя обязательства крестьяне должны были уплатить подрядчику Федорову более высокую сумму.¹

В мае 1788 года крестьянин Ф. Козьмин взял подряд на проведение всех плотничных работ в казенных, каменных домах г. Петрозаводска (Круглая площадь) и нанимал плотников из крестьян Андомского погоста. Наем производился через крестьян В. Бусарина и Г. Пальцова, которые при заключении договора получали от подрядчика 300 руб. и после выполнения работ 550 рублей.

В обоих случаях крестьяне Иконников, Басарин и Пальцов, заключая договора с подрядчиками, в свою очередь, тоже являлись подрядчиками, так как для выполнения работ нанимали работников из среды бедных крестьян. Часто в договорах даже указывалось, сколько требуется нанять рабочих («содержать... не более 20 человек» и т. д.).²

Во всех вышеприведенных договорах о найме мы видим, что крестьяне получали от подрядчика вперед часть причитающегося заработка в виде задатка, который являлся своего рода приманкой для привлечения наемной рабочей силы. Путем задатка подрядчик закабаллял крестьянина, ставил его в личную зависимость. Все эти подрядчики выступали в роли капиталистических предпринимателей, эксплуатировавших значительную массу крестьянства.

Богатые крестьяне в целях расширения своего хозяйства прибегали к эксплуатации труда разорившихся односельчан. Они использовали бедноту при расчистке новых земель, производстве уклада в укладных мастерских, на строительстве судов, при выполнении всевозможных подрядов. Так, в челобитной в Олонецкую воеводскую канцелярию государственный крестьянин Олонецкого погоста Е. Ламбасов сообщал о захвате крестьянами расчищенного им «с работными людьми всего 8 человек» «в летнее время» 1753—1754 гг. участка из «дикого лесу».³

В 1785 году чиновник Иванов сообщал в Олонецкое наместническое правление о том, что в Панозерском, Паданском, Ругозерском, Ребольском, Шуезерском погостах «могущие работать [крестьяне] нанимаются у имеющих ручные печи, в коих обрабатывают уклад, получая за готовым хозяйским хлебом по 30 коп. в неделю, и сия работа большею частью производится по домам».⁴ В этом случае владельцы укладных мастерских («ручных печей») выступали в роли эксплуататоров своих соседей.

В договорных книгах Петрозаводского городского магистрата имеется ряд соглашений между беднотой и состоятельными крестьянами о найме первых на работу к последним. Так, в марте 1792 года государственный крестьянин Вытегорского уезда, Мегорского погоста Евсеев договорился с крестьянином того же погоста об отдаче «во услужение»

¹ ЦГА КАССР, ф. 63, оп. 3, д. 66/560, лл. 16—17.

² Там же, д. 66/561, лл. 80—81.

³ ЦГАДА, ф. 547, оп. 1, д. 789, л. 1.

⁴ ЦГА КАССР, ф. 2, оп. 61, д. 73, л. 98.

последнему сына своего Спиридона на 6 лет при условии получения в каждый год по 20 рублей. Из этого договора мы видим, что разоряющийся крестьянин для поддержания своего хозяйства и уплаты податей отдает члена своей семьи (сына) в батраки к деревенскому богачу. Характер работ в договоре не указан. Отдача крестьянина «во услужение» означала выполнение им всякого рода работ, какие потребует хозяин. Оплата труда крестьянина производилась деньгами и натурой (во время пребывания в работниках хозяин обеспечивал «харчами» и одеждой).

В условиях найма крестьян к купцам и богатым крестьянам господствовала кабальная система, ставившая нанимавшегося в личную кабальную зависимость от нанимателя. Средством закабаления крестьянина являлись задатки (часть заработка или полностью причитающийся заработок), полученные при заключении договора, и долговые обязательства. В качестве примера проиллюстрируем встретившийся в договорных книгах расчет (счет) крестьян Ивенской волости — Г. Стрельцова с детьми — петрозаводским купцом Бекреневым, подрядчиком по постройке гранитных набережных в Петербурге и Кронштадте. В расчете подрядчик отметил, что при заключении договора выдано в задаток 550 рублей, после этого выдано по 18 февраля 1792 года «на платеж казенных податей и прочей надобности» до 910 руб. 26 коп., а всего выдано 1460 руб. 26 коп. «В том числе заработано: Артемий и Корнил вступили в 1784 году в марте в первых числах и находились по то же число 1792 года» всего 8 лет — «по договору платы обоим по 40 руб. в год, а всего заработали — 320 руб. Петр вступил в 1787 году по 1792 год [проработал] — 5 годов — по 30 руб. [в год] — всего [заработал] 150 руб. деньгами. Стрельцовы внесли 100 руб., а всего заработали и внесли 570 руб. и остались Бекреневу должны 890 руб. 26 коп».¹

Приведенный расчет показывает исключительно кабальные условия найма. Здесь мы видим: во-первых, закабаление крестьян подрядчиком путем выдачи задатка при заключении договора; во-вторых, нищенский годовой заработок (20—30 руб.), которого крестьянину не хватало не только для уплаты податей и долга подрядчику, но даже на свое содержание, и, в-третьих, в результате низкой заработной платы крестьяне при расчете оставались должниками подрядчику и попадали к нему в кабалу. Крестьянская беднота попадала в кабальную зависимость к зажиточным крестьянам и купцам в результате долговых обязательств. Так, в 1786 году экономический крестьянин Шунгского погоста Базанов за взятые в долг 20 руб. отдал в «услужение» своего сына на время с 1 марта по 1 октября 1788 года. В случае возвращения сына из «услужения» раньше указанного срока крестьянин должен был возвратить взятые деньги обратно.² Таким образом, сын крестьянина Базанова был отдан в работники к состоятельному крестьянину в качестве заложника за полученный долг.

В 1792 году крестьянин Повенецкого уезда Семчезерского погоста Лазарев занял у Петрозаводского купца Сысоева 15 руб. «на платеж подушных податей». За эти деньги он отдал в работники своего сына Макария и дочь Марью с апреля 1792 года по апрель 1794 года.³

¹ ЦГА КАССР, ф. 63, оп. 3, д. 620, лл. 85—86.

² Там же, д. 66/560, лл. 32об., 33.

³ Там же, д. 620, лл. 41об., 42.

Эти примеры долговой кабалы говорят об исключительно грубой крепостнической форме эксплуатации, характерной для таких условий, когда «капитал,— как указывал В. И. Ленин,— не будучи еще в состоянии прямо подчинить себе рабочего простой покупкой его рабочей силы по ее стоимости, опутывает трудящегося целой сетью ростовщических прижимок, привязывает его к себе кулаческими приемами, и в результате грабит у него не только сверхстоимость, а и громадные части заработной платы».¹

Некоторые разорившиеся крестьяне занимались к крестьянам-богачам для выполнения за них рекрутской повинности. Так, в декабре 1787 года крестьянин Вокнаволоцкой волости П. Степанов нанялся в рекруты за семейство крестьянина той же волости Ф. Миронова за 250 руб., полученные им при заключении договора. Материальное положение Степанова видно из того, что наниматель обязался уплатить за его семейство пятилетнюю недоимку и впредь платить подати до новой ревизии (то есть до исключения Степанова из податных списков).²

В том же году и на таких же условиях крестьянин Ребольского погоста В. Могучий поступил в рекруты за семейство крестьянина того же погоста Г. Власова, получив за это 400 руб. денег при заключении договора и 100 руб. после зачисления в солдаты.³ За такую же сумму крестьянин Шунгского погоста П. Григорьев в 1790 году нанял крестьянина Паданского погоста Иванова в рекруты за свое семейство. При заключении договора Иванов получил задаток в размере 260 руб.⁴ Эти примеры показывают, что богатые крестьяне располагали огромными суммами и освобождали себя от долготлетней воинской повинности.

Значительная часть малоимущих крестьян уходила на отхожие промыслы в города: Петербург, Москву, Архангельск, Ригу и др. в качестве плотников, каменщиков, рыболовов и других наемных рабочих.

Так, в октябре 1782 года 88 плотников из Олонецкого, Вытегорского и других уездов заключили договор с Петербургской казенной палатой о найме на строительство казенных судов в Херсоне.⁵

Уход крестьян на отхожие промыслы был ограничен паспортной системой. Строгая паспортная система преследовала полицейскую и фискальную цели. Прикрепляя крестьян к селениям, она помогала осуществлять надзор за их поведением и вести учет плательщиков. При получении паспорта крестьянин должен был найти для себя поручателей перед миром в исправной уплате им податей и в выполнении натуральных повинностей. Паспорта выдавались сроком от 1 до 3 лет. Человек без паспорта преследовался как бродяга и беглый.

Однако, несмотря на ограничения, отходничество во 2-й половине XVIII века получает широкое развитие. В «Наказах» в комиссию 1767 года крестьяне Олонецкого уезда писали, что «для работы в разные города и уезды отлучиться куда по данным из Олонецкой канцелярии пашпортам, **не в пример прошлых лет** (подчеркнуто мною. — Г. Б.) отошло крестьянства число немалое. А прочие для хлебной скудности разбрелись в разные уезды, где кто себя пропитать может».⁶

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 200.

² ЦГА КАССР, ф. 63, оп. 3, д. 61/541, лл. 15 об., 16.

³ Там же, д. 61/540, лл. 1 об., 2.

⁴ Там же, оп. 5, д. 3/8, л. 123.

⁵ Там же, оп. 3, д. 33/288, л. 247.

⁶ Сб. РИО, т. 115, стр. 128, 134.

В 1753 году крестьянам Олонецкого уезда было выдано около 1300 паспортов,¹ в 1755 году около 1750 паспортов.² В 1770 году по требованию Олонецкой воеводской канцелярии было прислано для раздачи отпускаемым на работу крестьянам 5000 паспортов.³ Многие крестьяне, не нашедшие для себя поручателей, уходили на промыслы без паспортов или с фальшивыми паспортами.⁴

Многие крестьяне, уходившие на отхожие промыслы, заключали у себя на родине договора с подрядчиками. Так, в ноябре 1782 года крестьянин Андомского погоста И. Титов заключил договор с советником С.-Петербургской казенной палаты Ярцовым о представлении на строительство казенных судов в Херсоне 60 плотников. В договоре оговаривалось, что задатки плотникам раздаст сам Титов «по своему реестру».⁵

Из этого договора мы видим, что крестьянин Титов являлся подрядчиком. Ему устанавливалась большая заработная плата в месяц, чем остальным рабочим. Выдача задатков нанимающимся «по своему реестру», то есть по своему усмотрению, создавала условия для присвоения подрядчиком некоторой части заработной платы рабочих.

В январе 1788 года нанялось к подрядчику Бекреневу — петрозаводскому купцу — на строительство набережной реки Фонтанки в Петербурге 58 крестьян из Олонецкого, Лодейнопольского, Повенецкого и других уездов. Каждому из нанимающихся крестьян выдавался задаток в пределах половины заработной платы.⁶

В октябре 1789 года 6 крестьян Пидемской волости, Важенского погоста, Олонецкого уезда заключили контракт с подрядчиками-откупщиками по строительству военных судов в Кронштадте петрозаводским купцом Бекреневым и петербургским купцом Дубровиным о выполнении плотничных и других работ на постройке военных судов-фрегатов в течение 6 месяцев, начиная с октября 1789 года. При подписании договора крестьяне получили задаток.⁷

Эти примеры показывают, что многие крестьяне-отходники эксплуатировались местными купцами и зажиточными крестьянами, выступавшими в роли подрядчиков.

Отходничество в условиях феодально-крепостного строя играло значительную роль в развитии капиталистических отношений в деревне. Оно отрывало крестьянское население от земледелия и способствовало созданию рынка вольнонаемной рабочей силы.

Более значительным социальное расслоение крестьянства было в Карельском Поморье. Большинство крестьян было лишено основных орудий производства, необходимых для промысла (судов и орудий лова), и нанимались к богатым землякам-судовладельцам и рыбопромышленникам. Так, согласно сообщению Кемского земского исправника Афанасьева олонецкому наместнику Чирикову в 1790 году в Шуерецкой волости Кемского уезда было 15 крестьян-судо-

¹ ЦГАДА, ф. 547, оп. 1, д. 1360, лл. 1—100.

² Там же, д. 1454, лл. 1—118.

³ Там же, д. 483, л. 357.

⁴ Архангельский обл. арх., ф. 1307, д. 1522, 1786, лл. 3, 4; Там же, ф. 1, д. 10 435, лл. 177—178; ЦГАДА, ф. 547, оп. 2, д. 1307, л. 9.

⁵ ЦГА КАССР, ф. 63, оп. 3, д. 33/288, лл. 13, 14.

⁶ Там же, д. 33/293, лл. 1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 12, 13 и др.

⁷ Там же, оп. 7, д. 1/1, л. 78.

владельцев, у которых работало по найму на промысле 120 крестьян той же волости и 60 крестьян из Онежского уезда Архангельской губернии.¹

Основная масса крестьянства уходила на промыслы ранней весной, совершая тяжелый путь через Кольский полуостров на Мурманское побережье, где находились рыбацкие становища. Рядовые рыбаки нанимались к рыбопромышленникам на условиях покрута, то есть их труд оплачивался определенной долей от промысла. Экипаж судна (шняки), состоящий из 4 человек, получал за труд только одну треть, или одну четвертую часть промыслового дохода, а на одного рыбака приходилась $\frac{1}{12}$ или $\frac{1}{16}$ часть всего дохода от промысла. И только кормщик находился на особом положении. Кроме причитающейся доли, хозяин платил ему так называемый «свершенок» в размере от 3 до 5 рублей.

Такие условия найма не могли обеспечить самые минимальные потребности рыбацкой семьи и вынуждали рыбака идти в долговую кабалу к рыбопромышленнику. Долговые обязательства ставили рыбака-покрученника в личную кабальную зависимость от хозяина-рыбопромышленника почти на всю жизнь.

Рассмотренный нами материал позволяет прийти к выводу, что во второй половине XVIII века в карельской деревне происходило углубление экономических противоречий. Продолжался процесс имущественного расслоения крестьянства и возникали зачатки социального неравенства. На одном полюсе деревни в руках одной группы крестьян происходила концентрация основных средств производства (земли, орудий промыслов и др.). В отличие от центральных губерний страны основным источником накопления капиталов первостатейными крестьянами в большинстве районов Карелии являлась не земля, а промыслы, торговля, ростовщические операции.

Другая группа крестьян отрывалась от основных средств производства и вынуждена была продавать свою рабочую силу, как товар, владельцам средств производства.

Таким образом, в деревне происходило разложение старых феодальных отношений и зарождение новых капиталистических. Однако процесс социального расслоения крестьянства протекал медленно. Зарождавшиеся новые типы сельского населения не могли окончательно превратиться в классы капиталистического общества, так как этому препятствовал феодально-крепостнический строй, а в связи с ним сословная замкнутость крестьянской общины, круговая порука, строгая паспортная система и другие ограничения. Сохранению старого способа производства способствовало также широкое распространение кабалы и ростовщичества.

¹ ЦГА КАССР, ф. 396, 1790, оп. 5, д. 1/3, л. 38.

В. И. ПЛОТНИКОВ

ПЕРВЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ХУДОЖНИКИ —
УРОЖЕНЦЫ КАРЕЛИИ

(К истории изобразительного искусства Карелии)

История изобразительного искусства народов СССР пока еще остается малоисследованной областью в советском искусствознании. По искусству отдельных республик, в том числе и Карельской АССР, еще далеко недостаточно выявлены сохранившиеся произведения, архивные материалы, не изучена конкретно-историческая культурная среда, как известно, играющая большую роль в развитии профессионального творчества. Это в первую очередь относится к изобразительному наследию XIX и начала XX века, то есть тому периоду, когда в отдельных национальных художественных школах появились тенденции критического реализма. Ряд национальных художников создал яркие по мысли и мастерству картины из жизни своего народа.

Однако не везде имелись одинаково благоприятные условия для зарождения профессионального искусства. Одним из примеров может служить Карелия, культурная жизнь которой в XIX и в начале XX века находилась на сравнительно низком уровне. Несмотря на то, что ее древние фольклорные традиции имели крупное значение для искусства и литературы России и Финляндии, в самой Карелии в силу ряда причин (на которых мы остановимся ниже) не сложилось собственной художественной школы.

Но неверно было бы считать, что в период подъема русского искусства, в Карелии, издавна тесно связанной с общественной жизнью русского народа, не проявилось тяги к профессиональному образованию. Утверждение искусствоведа В. Макаревича, что «трудно назвать хотя бы одного профессионального художника того (дореволюционного.— В. П.) времени»,¹ ошибочно. Нами обнаружены неизвестные архивные документы,² а также некоторые графические и живописные работы, относящиеся ко второй половине XIX века и первым десятилетиям XX века,

¹ В. Макаревич. Художники Карело-Финской ССР. «Искусство», 1952, № 1.

² ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 2, дд. 16, 42; оп. 13, дд. 85, 114; оп. 14, дд. 13 «п», 77 «п»; ЦГА КАССР, ф. 2, оп. 1, д. 77/1082, лл. 24, 34, 92.

которые позволяют назвать несколько имен художников — уроженцев Карелии.

Предлагаемая статья об учениках Академии художеств В. С. Пармакове, Д. Ф. Панезерове, А. Я. Андриянове и К. В. Аккуратове написана главным образом по неопубликованным материалам. Хотя эти художники не сыграли заметной роли в русском искусстве и только один из них (Андриянов) способствовал становлению профессионального искусства на родине, скромные творческие достижения первых профессиональных художников Карелии, нам кажется, заслуживают особого внимания. Но значение их может быть понято и оценено лишь на фоне исторически-своеобразного развития изобразительного искусства Карелии.

* * *

Историческая жизнь Карелии с древнейших времен находилась в тесной связи с формированием Русского государства. Добрососедские отношения карельского населения и новгородских переселенцев, естественно, не могли не отразиться на сложении культуры Карелии и, в частности, на ее традициях изобразительного искусства.

Археологические находки на территории Карелии свидетельствуют, что в XI—XIII вв. у карел существовало прикладное искусство. Оно продолжало развиваться и позднее. Живопись получила распространение только со времени проникновения христианства и была принесена новгородцами. Связанная с традициями древнерусского искусства, она, однако, выделилась в особую школу, отличавшуюся местными стилистическими признаками. Но на протяжении своего развития иконопись Карелии так и не получила национальных карельских черт, вероятно, потому, что писанием икон занималось главным образом русское население.

В иконописи Карелии своеобразно отразилась сложная социальная жизнь средневековой Карелии, где классовая борьба особо тесно переплелась с народными религиозными движениями. Но близкая народному искусству иконопись развивалась сравнительно медленно. Она достигла своего расцвета во второй половине XVII, первой половине XVIII века.¹ К тому времени, когда русские художники преодолели условности религиозной догматики и полностью перешли к изображению светских тем, в иконописи Карелии наблюдаются лишь слабые попытки передачи местного пейзажа, бытовых предметов, образа Петра I и, в редких случаях, карельского этнического типа.²

Однако исследователь не выделила или вовсе не отметила еще некоторых проявлений реалистических тенденций в живописи Карелии. В первую очередь, надо подчеркнуть своеобразное отражение бурного в исторической жизни Карелии периода XVII — начала XVIII веков. В «житийных» иконах этого времени неоднократно реалистические изображения деревянных культовых построек.³

¹ См. Историю Карелии с древнейших времен до середины XVIII в., макет под редакцией А. Я. Брюсова, Петрозаводск, 1952. Разделы по истории изобразительного искусства написаны В. Г. Брюсовой.

² Там же, стр. 280. Впервые отмечено В. Г. Брюсовой.

³ Например, иконы: «Антоний Римлянин» — XVII в., Государственный историко-краеведческий музей (ГИКМ) в Петрозаводске, № 243 и «Артемий Веркольский» — XVIII в., с. Ковда Мурманской области (обнаружена автором данной статьи).

В XVIII веке появляются и настоящие архитектурные пейзажи-картины, вероятно, генетически связанные с архитектурными фонами икон. На них этнографически точно изображены раскольничьи скиты Карелии: несохранившиеся архитектурные ансамбли Данилова и Лексы. Не случаен и тот факт, что в иконописи некоторые святые приобретают не присущие им функции зодчих.¹ Как известно, многочисленное строительство было характерно для общественной жизни Карелии XVII—XVIII веков. В нем нашли художественное выражение патриотические идеи борьбы со шведскими захватчиками. Они получили, по нашему мнению, опосредованный отклик и в иконописи.²

С XVIII века в Карелии появляются изображения конкретных лиц, хотя круг их был ограничен. Эти своеобразные портреты — «парсуны» писались в старообрядческих иконописных школах Карелии. Для таких «парсун» характерна реалистическая трактовка головы, каноническая условность фигуры и одежды. Но они имеют и местные признаки: в некоторых «парсунах» изображен интерьер деревянной избы и своеобразная мебель.³

Однако реалистические элементы в иконописи Карелии последующего периода не накапливались. Примерно с середины XVIII века иконопись Карелии начала клониться к упадку. Падению ее способствовали, мне кажется, и консервативные догматы старообрядческого учения. Они все более уводили живопись в морально-нравоучительную аллегория и символику. Поэтому в поздних иконах реалистические элементы наблюдаются в основном в виде растительных форм, украшающих одежды святых. Они близки мотивам росписей крестьянских бытовых предметов.

В XIX веке художественные традиции Карелии продолжали развиваться главным образом в народном изобразительном творчестве: в зодчестве и прикладных искусствах. В крестьянском строительстве, переживавшем (в отличие от культового) расцвет, получила распространение богатая архитектурная резьба и полихромная раскраска. Здесь несомненно отразились изменения в общественной жизни Карелии, которые происходили в конце XVII и начале XVIII веков и, в частности, новые экономические и культурные связи с русской столицей — Петербургом.⁴ Однако предпосылки для развития прикладных видов искусства Карелии были заложены, вероятно, еще в предыдущий период.

Карельские плотники в XVII веке, как известно, участвовали в строительстве ряда городов Московского государства, где знакомились с русским архитектурным искусством. Исследователи отмечают также, что в XVI—XVII вв. в северо-русской (и карельской) вышивке появилась новая техника,⁵ дающая возможность передачи сложных криволи-

¹ Отмечено впервые В. Г. Брюсовой. ГКИМ, рукопись № 373, стр. 12. Икона «Флор и Лавр»; в одном из клейм эти святые рубят церковь.

² Это наблюдается и в прикладных искусствах. Например, резной рельеф, изображающий шатровую церковь, обнаруженный в Средн. Карелии (с. Ушково) В. Орфинским и Г. Меховой.

³ Типичным примером является портрет Семена Денисовича — одного из «поморских» расколотчиков. Гравюра с портрета приведена в «Историческом вестнике», 1886, апрель.

⁴ К. К. Романов. Заонежье в историко-бытовом и художественном отношении. «Искусство Севера», Л., 1927, стр. 16.

⁵ Л. Динцес, К. Большова. Народные художественные ремесла Ленинградской области. «Сов. этнография», II, 1939, стр. 117.

нейных узоров. Поэтому «барочные» формы городской архитектурной резьбы XVIII века были легко восприняты и переработаны в духе народных традиций. Большое значение имели непрекращающиеся связи поколений карельских мастеров с Петербургом.

Богатый и разнообразный материал представляют «Олонецкие» (карельские и русские) вышивки XIX века, которые наряду с поздними, сохранили и наиболее древние орнаментальные мотивы и приемы техники.

Если для сохранения и развития народного творчества общественные условия Карелии (экономическая отсталость и относительная замкнутость даже в пореформенный период) сыграли положительное значение, то они же, по-видимому, мешали рождению профессионального станкового искусства. Культурная среда Карелии к периоду подъема русского искусства оказалась неблагоприятной для создания местной художественной школы.

Петрозаводск — маленький губернский городок не мог играть заметной роли в культурной жизни края: новая столица, с момента своего возникновения, постоянно притягивала лучших карельских ремесленников, плотников, столяров, каменщиков. Многие надолго оставались жить в Петербурге.¹ Можно предположить, что кадры знаменитых «охтинских» резчиков пополнялись и мастерами из Карелии.

В дореволюционный период Петрозаводск жил глухой провинциальной жизнью. Культурных учреждений было очень мало. Здесь лишь в 1838 году начала издаваться одна газета и в последней трети века организовался краеведческий музей. В городе не было профессионального театра. Изредка «любители» ставили свои спектакли. Декорации писались местным художником М. Богдановым,² вероятно, тоже не профессионалом. Известны и художники — ученики Академии художеств Г. Иванов и А. Розенблюм, но их художественная деятельность ограничивалась преподаванием рисования. Правда, Розенблюм устроила в 1905 году первую в Карелии выставку картин, написанных ею в Петрозаводске.³ Что они изображали, неизвестно.

В 70—80-х гг. XIX века знаменитые водопады «Кивач» и «Порпорог» написал местный художник-любитель К. Смоликов. В эти же годы другим любителем Соболевым был написан один из первых городских пейзажей Карелии «Вид пристани в Петрозаводске»⁴. Такие любительские попытки изображать пейзажи родного края знакомы и по культурному наследию других республик. Они в известной мере также характеризуют развивавшиеся реалистические тенденции.

Даже беглый обзор изобразительного наследия Карелии приводит к выводу, что в дореволюционный период непрерывно развивались лишь художественные традиции народного искусства. Незначительный, робкий шаг к реалистическому светскому искусству сделала живопись, что проявлялось в сравнительно редких попытках создания портрета и этнографического архитектурного пейзажа. Однако общественно-эко-

¹ К. Бергштрессер. Опыт описания Олонецкой губернии. СПб, 1838, стр. 120.

² Я. Балагуров. Петрозаводский театр в XIX веке. «На рубеже», 1948, 8, стр. 72.

³ См. «Олонецкие губернские ведомости», 1905, № 54.

⁴ См. «Олонецкие губернские ведомости», 1872, № 1; О высочайших посещениях Олонецкой губернии августейшими особами в XIX столетии, СПб, 1884, в. VII, стр. 46.

номические условия в XIX веке не создали необходимой культурной среды, которая бы способствовала зарождению в Карелии своей школы профессионального изобразительного искусства.

* * *

В дореволюционной этнографической литературе мы встречаем немногие упоминания о профессиональных художниках Карелии. Так, например, известно, что на тивдийских мраморных ломках с 40-х гг. XIX века работал местный скульптор из мастеровых, обучавшийся некоторое время в Петербурге, в школе при гофинтендантской конторе. «Под его руководством исполнялись заказы на мраморные изделия по самым сложным и изящным рисункам с резными рельефными изображениями, с отчетливой художественностью».¹ Это были вещи прикладного назначения; они продавались в магазине при гофинтендантской конторе и, частично, скульптором Модерни. Живописный портрет работы художника-крестьянина, учившегося, по словам родственников, в Академии художеств, но потом ушедшего в монастырь, этнограф В. Харузина видела в старообрядческой деревне Шелтопорог. Об этом она пишет в своих увлекательных путевых воспоминаниях.²

Более полные сведения о нескольких других карельских художниках, воспитанниках Академии художеств, дают неопубликованные до сих пор архивные документы.

В 1851 году среди учеников профессора Академии художеств А. Т. Маркова находился Василий Степанович Пармаков — бывший унтер-шихмейстер Олонецких горных заводов. Профессор Марков, ходатайствуя перед правлением академии о пособии для своего ученика, отмечал, что «...Василий Пармаков, занимающийся с большим старанием, по способностям своим и усердию подает надежды на успех в рисовании и живописи...»³ Как неумиющий ученик академии, Пармаков впоследствии находился под покровительством Общества поощрения художеств, от которого получал денежную помощь. В отчетах общества упоминаются также две картины художника. Одна из них изображала «Вид Соломенской пустыни в окрестностях г. Петрозаводска». В 1857 году Пармакову «...во внимание к хорошим показаниям его в живописи перспективной, которые доказаны написанным им с натуры видом Поцелуева моста в г. Петербурге» присуждается звание свободного художника.⁴ Где находятся и сохранились ли названные картины художника, нам неизвестно. В фондах музеев Ленинграда они не обнаружены.

Имя художника Пармакова было известно в Карелии. Вероятно, он, живя в Петербурге (умер в 1873 г.), бывал там и по окончании академии, так как в одной заметке «Олонецкого сборника» упоминается «живописная копия, снятая с картины местного художника Пармакова г. Девилем».⁵ Она изображала водопад «Кивач» и находилась в краеведческом музее Петрозаводска.

¹ Памятная книжка Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1858, стр. 238.

² В. Харузина. На севере. М., 1890, стр. 149.

³ ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 2, д. 42, л. 8.

⁴ Там же, оп. 14, д. 77 «п», л. 3.

⁵ Олонецкий сборник, в. II, Петрозаводск, 1886, стр. 32.

Другой художник, Дмитрий Федорович Панезеров, был родом из государственных крестьян Пудожского уезда. Он поступил в Академию художеств сначала вольнослушателем, а через год, в 1869 году, выдержал экзамены и попал в число действительных учеников II курса по гравированию. Занимался он успешно, получая хорошие отметки за рисунки и эскизы, а за офорт с картины известного художника-передвижника Г. Г. Мясоедова «Бегство Дмитрия Самозванца из корчмы на литовской границе» награжден второй серебряной медалью.¹ Материальная необеспеченность, однако, помешала ему окончить полный академический курс: за непосещение лекций он был переведен снова в вольнослушатели. С 1874 года Панезеров вовсе перестал посещать классы, но гравюрой заниматься не бросил. В 1877 г. в прошении совету академии о выдаче свидетельства на право преподавания, Панезеров писал: «...изучением же этого искусства (гравирования.— В. П.) занимаюсь и по настоящее время при практике частных занятий, что и служит мне материальным источником к существованию».²

Уйдя из академии, Панезеров работал в мастерской К. К. Каstellи — малозначительного художника, имевшего в Петербурге в те годы собственную печатню. Здесь он, по утверждению известного исследователя гравюры Д. А. Ровинского, награвировал в офорте большую часть портретов-миниатюр для труда старшего хранителя нумизматического отделения Эрмитажа Ю. Б. Иверсена «Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц» (1878—1883 гг.), которые обычно приписывались Каstellи, так как подписаны последним.

Только в настоящее время обнаружены гравюры Панезерова, из которых большинство хранится в Русском музее.³ Наименее интересны из них поздние, портреты-миниатюры, выполненные у Каstellи. Они однообразны по композиции и сделаны, по-видимому, с фотографии, но отличаются чистотой техники.

Лучшие работы были награвированы Панезеровым в академические годы. В своей практике он выступал в то время как популяризатор картин художников-передвижников. В 1871 году он принимал участие в альбоме «Русские картины», для которого награвировал две литографии — репродукции с картин Г. Г. Мясоедова «Поздравление молодых» и П. Н. Грузинского «Деревенские свадебные поезжане».⁴ Известен еще отдельный эстамп с рисунка художника М. А. Микешина «Жница». Панезеров рисовал на крупнозернистом камне, поэтому его литографская манера отличается некоторой нечеткостью рисунка.

Как гравер-офортист Панезеров был более умелым, подающим надежды художником. В первую очередь следует выделить его самый ранний офорт «Крестьянка прощается с сыном» (1870 г.), из собрания Е. Н. Тевяшева, который, по-видимому, выполнен по собственному эскизу.⁵ В нем удачно передана трогательная сцена расставания, подмечена мужская сдержанность крестьянского парня к горю матери. Офорт очень светлый и «деликатный»; штрих иглы уверенный, но нежный и живописный. В ином плане решен офорт, за который он получил

¹ Гравюра воспроизведена в журн. «Нива», 1872, № 97.

² ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 14, д. 13 «п», л. 21.

³ ГРМ, гравюры № 27 362, 27 360, 13 810, 27 365.

⁴ «Русские картины», вып. 1, СПб, 1871.

⁵ Е. Н. Тевяшев. Описание нескольких гравюр и литографий. СПб, 1903, стр. 156.

в 1871 году медаль. В нем гравер полностью следует светотеневой характеристике оригинала, его подчеркнутой экспрессии. Тон эстампа глубок, штрих энергичен. Близок этому эстампу по использованию тона последний известный офорт художника с картины И. А. Пелевина «Крестьянка с ребенком на коленях» (1872 г.).¹

Кроме того, что Панезеров вполне профессионально владел техникой гравюры, нужно отметить самостоятельность его в самом выборе техники. Как известно, офорт получил распространение в академии позднее, когда граверный класс вел В. В. Матэ, то есть в конце XIX века. До этого в академии обучали традиционной классической гравюре, и только отдельные русские художники самостоятельно занимались новым видом гравюры — офортом. Уместно предположение — не имели Панезеров связи с Обществом русских аквафортистов? Гравер был, вероятно, передовым студентом. Его имя, как инициатора создания кассы взаимопомощи в академии, упоминает Репин.²

Год смерти Панезерова не выяснен. Н. П. Собко в своем «Словаре русских художников» ставит под сомнение указанный Д. А. Ровинским 1879 год.

В начале XX века в реорганизованной Академии художеств почти одновременно учились два уроженца Карелии — А. Я. Андриянов и К. В. Аккуратов. Имена их упомянуты в популярной брошюре В. Агапова о народном художнике Карелии В. Н. Попове.³ Следует отметить, что в этой брошюре допущены фактические ошибки: автор считает Андриянова учеником Константина Маковского, который, как известно, никогда не преподавал в академии. Совершенно неверно также утверждение, что Аккуратов окончил Академию художеств, тогда как он поступил в академию по окончании училища Штигилица, дошел здесь лишь до этюдного класса.

Из работ петрозаводчанина Константина Аккуратова сохранился только классный академический рисунок натурщика.⁴ Аккуратов мало работал как живописец-станковист. Известно, что им выполнены офорт, который был на выставке в Париже, а также рисунок-портрет писателя Куприна. Известно, что в первые годы Советской власти он был художником-декоратором театра драмы в Петрозаводске и преподавал в местной художественной школе, организованной при его деятельном участии.

Об Александре Яковлевиче Андриянове мы знаем больше. Сохранилось несколько его работ, которые дают возможность выяснить место этого художника в изобразительном искусстве республики.

Родился Андриянов в с. Толвуя (Заонежье) в 1888 году. Одиннадцати лет он был отвезен в Петербург и отдан в иконную лавочку «мальчиком». Постоянное общение с мастерами-иконописцами и художниками помогло ему определить будущую профессию. Первые шаги его в искусстве начались с копирования. «На третьем году учения в лавке я стал заниматься рисованием, срисовывая с иллюстрированного приложения к «Петербуржскому листку», который хозяин покупал в редких

¹ См. Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских граверов. СПб, 1895, II, стр. 755.

² И. Е. Репин. Далекое и близкое. М., 1953, стр. 229—230.

³ В. Агапов. Народный художник Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1951.

⁴ Музей Академии художеств. Ленинград, № 2844.

случаях».¹ Вероятно Андриянов сделал заметные успехи, так как ему посоветовали серьезно учиться искусству. Андриянов начал посещать рисовальную школу Общества поощрения художеств, обрабатывая эти часы хозяину вечерами. Вскоре он, как один из лучших учеников школы (работы его часто отмечались советом преподавателей), получил право на бесплатное посещение классов. Это было кстати, так как ему приходилось жить на скудные средства за исполнение икон.

По окончании школы Андриянов выдержал экзамены в Высшее художественное училище и поступил вторым учеником, но как не имеющий общеобразовательного ценза был зачислен вольнослушателем.

В первые годы Андриянов терпел нужду; для заработка занимался иконописью, декоративной живописью, ездил с академиком Н. Я. Марром на раскопки г. Ани в Закавказье. Учился, однако, хорошо; получал необходимые разряды и переходил с курса на курс.

По названиям работ, которыми он ежегодно участвовал на отчетных выставках, можно предполагать, что уже в училище проявлялся особый интерес художника к портрету. Один из таких ранних портретов-этюдов находится в семье художника. Это портрет старика-отца с сетью, написанный в один из каникулярных приездов на родину. В нем еще много ученически незрелого: заученный коричневатый колорит и поза академического натурщика.²

Андриянов окончил академию в 1915 году по мастерской известного «передвижника» Владимира Маковского. Конкурсная картина «Утро Венеры» написана им на сюжет из античной мифологии. Картина Андриянова заслуженно получила отрицательную оценку в столичной прессе³, где, однако, не было подчеркнута существенного ее недостатка: отвлеченности и нежизненности сюжета. В выборе тем сказались не столько личные склонности автора, сколько общее направление академической школы предреволюционных лет, тяготевшей к модернистской эклектике.

Но, конечно, нельзя отрицать, что академическая школа дала художнику профессиональные знания. Многому он научился, копируя картины старых мастеров в Эрмитаже.

После окончания академии Андриянов экспонировал на весенней выставке 1916 года картину «У зеркала».

Во время Великой Октябрьской революции Андриянов — работник культурно-просветительной комиссии в Семеновском полку, где он проходил срок военной службы. Здесь художник заведовал клубом и оформлял театральные постановки.

Уехав вскоре в Карелию, Андриянов продолжал принимать участие в художественных мероприятиях Советской власти: писал декорации для сельских театров, оформлял революционные празднества. Совместно с В. Н. Поповым он выполнил роспись для Дворца труда в Петрозаводске (1922 год). К 1924 году относится его попытка написать композиционный портрет В. И. Ленина.

¹ Архив семьи художника. Краткое биографическое объяснение преподавателя художественно-ремесленной школы по кл. ссу рисования и живописи Александра Яковлевича Андриянова. (Копия.) Петрозаводск.

² Архив семьи художника и портрет старика-отца находятся в г. Петрозаводске.

³ «Петроградская газета», 5 ноября 1915 г.

В Петрозаводске продолжается и педагогическая деятельность Андриянова, начатая еще в школе живописи общества художников в Петербурге. Вениамин Николаевич Попов, ценя Андриянова как художника, пригласил его вести рисунок и живопись в художественной школе и отстаивал от попыток перевода его на другую работу. В этой первой художественной школе Карелии Андриянов преподавал вплоть до ее закрытия. Умер художник в 1934 году.

Творческих работ Андриянова сохранилось мало, ибо большинство их сгорело в период Великой Отечественной войны. В историко-краеведческом музее г. Петрозаводска имеется несколько этюдов художника. Это — портрет беленькой светлоглазой деревенской девочки в красной кофте и два небольших пейзажа. Один из них — поле со снопами ржи и россыпью полевых цветов в жнивье, — типичен для пейзажных мотивов Заонежья, родины художника. Этюд очень скромный, небогат по краскам, но тонально выдержан.

Два хороших портрета находятся в семье художника (портрет старушки-тещи и небольшой профильный — жены) и дают возможность судить о таланте Андриянова-портретиста. То, что художник композицию портрета и живописные средства подчиняет раскрытию индивидуального образа портретируемого, умея выбрать в пластических данных модели характерное, психологически оправданное, несомненно говорит о способностях его в портретном жанре.

Портрет жены художника решен в профиль. Именно этот ракурс и останавливает внимание на выразительных, крупных, чем-то притягивающих чертах художавого женского лица с чуть заметным нервным румянцем щек. Пластично очерченный рисунок небольшой головы, строгой по красочной гамме, бледных тонов лица и шеи, темно-русых пышных волос, создает отчетливую характеристику образа. За внешним спокойствием угадывается сложная, впечатлительная натура молодой женщины, внутренне собранная и решительная.

Иную цель преследовал художник в портрете тещи: не столько передать ее особый индивидуальный мир, сколько типичную для глубокой старости потерю интереса к окружающему. Вот так и смотрит она, сидя в покойном старомодном кресле в комнате с обязательным фикусом. Погасли когда-то живые, теперь тусклые, остановившиеся глаза, плотно поджаты тонкие бескровные губы, а время, кажется, выбелило кожу ее лица, сухую в мелкой сетке бесчисленных морщин. Отдыхают усталые старушечьи руки. Глянцевый фикус вносит в композицию портрета ноту невозмутимой тишины и размеренности провинциальной жизни.

Оба сохранившиеся, близкие по времени, женские портреты совершенно различны и по манере письма.

Андриянов не был колористом, но как портретист-психолог он не уступает В. Н. Попову — народному художнику Карелии. Только, вероятно, из-за прямого и резкого «по-мужицки» (как он сам выражался) характера к его творчеству не было в свое время проявлено заслуженного внимания. Поэтому необходимы настоятельные поиски произведений талантливого художника. Думается, что работы Андриянова могут быть обнаружены и в Петрозаводске, например, портрет одного из революционных деятелей Карелии П. Ф. Анохина.

* * *

Приведенные данные о художниках — уроженцах Карелии и их произведениях дают возможность сделать некоторые выводы.

Во-первых, обнаруженные материалы свидетельствуют о зарождающейся и в Карелии, в период подъема русской культуры и искусства, тенденции к профессиональному художественному образованию. Она проявлялась среди демократических слоев населения Карелии и, преимущественно, среди крестьян. Все вышеупомянутые художники, за исключением Пармакова, были крестьянами по социальному положению.

Во-вторых, факты особо тесной связи художников с Петербургом, где они, как и их земляки-ремесленники, обычно оставались на жительство, говорят об отсутствии необходимых условий для развития профессионального искусства на родине. Однако родные края интересовали художников. Первая картина Пармакова была написана с натуры в Карелии. Можно предположить, что этнографический подход в ней был главным. Об этом свидетельствует название картины. Все свои каникулы проводил в Заонежье Андриянов. Только Панезеров был связан с Петербургом целиком, что в значительной мере объясняется его специальностью гравера. Способный, подававший надежды офортист, он проявил себя лишь как популяризатор картин русских художников.

Особое значение для изобразительного искусства республики имеет наиболее талантливый из учеников академии художник Андриянов, портреты которого представляют несомненный интерес. Ему принадлежит также известная роль в подготовке художественных кадров в первой профессиональной школе Карелии, руководимой В. Н. Поповым. Некоторые их ученики (например, А. Кацеблин, учившийся затем в Академии художеств) создали в 1930-х годах интересные картины и рисунки из жизни дореволюционной Карелии и на темы гражданской войны.

А. С. ЖЕРБИН

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАРЕЛ НА РУССКИЕ ЗЕМЛИ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Переселение карел на русские земли из временно захваченного шведскими интервентами в начале XVII века Корельского (Кексгольмского) уезда явилось важным событием в истории карельского народа. Оно еще раз показало нерушимую дружественную связь карельского народа с русским, вместе рука об руку боровшимся против иноземных захватчиков.

Данная статья ставит своей целью ознакомить читателя с теми небольшими результатами, которые были достигнуты в исторической литературе к настоящему времени в деле изучения вопроса о переселении в XVII веке карел на русские земли.¹

Дворянско-буржуазная историография, отрицавшая активную роль нерусских народов в историческом процессе, не занималась изучением истории национальных «окраин», в частности, изучением истории Карелии. Поэтому она не только не могла правильно решить вопрос о переселении карел на русские земли, но и не ставила задачи специального его изучения. Русские дореволюционные ученые к вопросу переселения обращались только в связи с исследованием русско-шведских отношений, затрагивая при этом лишь сам факт переселения и мало вникая в сущность проблемы. Русские буржуазные исследователи использовали немногие источники, опубликованные в некоторых изданиях XIX века (в «Актах археографической экспедиции», «Актах исторических», «Дополнениях к актам историческим» и т. д.) и не стремились найти новые материалы, относящиеся к вопросу о так называемых «корельских выходцах» или «свейских перебежчиках». При этом буржуазными авторами почти совсем не были использованы шведские источники, дающие возможность охарактеризовать положение Корельского уезда под властью Шведского государства и политику шведского правительства по отношению к населению оккупированного Корельского (Кексгольмского) уезда.

Большинство буржуазных историков основную причину переселения карел видело в религиозных расхождениях карельского православного населения и завоевателей — шведских феодалов-лютеран, а также в единстве веры карел и русских, принадлежавших к одному, православному вероисповеданию. Весь вопрос по их мнению сводился

¹ Статья написана до выхода в свет очерка автора — «Переселение карел в Россию в XVII веке», Петрозаводск, 1956.

к тому, что население в завоеванных шведами русских землях не хотело изменить своей вере и перейти в лютеранство (которое шведские власти стали усиленно насаждать сразу же после Столбовского мира 1617 года), а потому и предприняло уход в пределы Русского государства, тем более, что московское правительство всеми мерами поддерживало православную веру в этих областях и содействовало переселению.

Такое объяснение причины переселения карел мы находим, в частности, у известного русского историка С. М. Соловьева. По этому поводу в «Истории России» С. М. Соловьев говорит следующее: «Между Московским государством и областями, уступленными Швеции, существовала твердая связь — единоверие, и правительство Московское стремилось поддерживать ее». Характеризуя политику русского правительства по отношению к переселенцам, он пишет: «...в продолжение нескольких десятков лет из уступленных Швеции русских областей перебежало в Московские пределы множество народу. Шведское правительство требовало их выдачи; исполнить это требование в глазах Московского правительства значило отдать православных христиан в лютеранскую веру, благочестивый царь никак не мог решиться взять на свою душу грех, и поэтому положено было выкупить перебежчиков».¹

Итак, у С. М. Соловьева весь вопрос о причине переселения сводится к «единоверию» карел и русских, а политика правительства по отношению к переселенцам объясняется лишь боязнью русского царя принять «на свою душу грех».

Мнения С. М. Соловьева о том, что религиозный вопрос являлся основной причиной переселения карел на русские земли, придерживались почти все буржуазные историки, начиная от известных ученых и кончая краеведами. Чтобы не быть голословными, приведем несколько выдержек из трудов разных авторов.

В. Крохин в своем труде по истории карел пишет, что «православные карелы, конечно, сильнее всего испытывали на себе гнет (Шведского государства.— А. Ж.)... именно как православные, тяготевшие к своим единоверцам — русским».² С. М. Середонин в своей «Исторической географии» указывает, имея в виду религиозный вопрос, что «когда в 1617 году Московское государство должно было отказаться от так называемой Ингрии, то православные карелы не захотели переходить в шведское подданство и были поселены в Тверской, Новгородской и Ярославской губерниях».³ Специально и очень подробно останавливается на вопросе о положении православной церкви в завоеванных шведами русских областях в своем труде И. Чистович, также считавший религиозные расхождения главной причиной переселения карел.⁴

Лишь отдельные дореволюционные буржуазные исследователи, например, М. П. Майков,⁵ попытались искать причину переселения карел не только в религиозных притеснениях со стороны шведского духовенства, но и в угнетении населения со стороны шведского феодального государства и отдельных феодалов. Необходимо, однако, отметить, что

¹ С. М. Соловьев. История России, кн. II, СПб, 1894, стр. 1166.

² В. Крохин. История карел. «Русская старина», июнь, 1908, стр. 593.

³ С. М. Середонин. Историческая география, т. II, СПб, 1916, стр. 199.

⁴ И. Чистович. История православной церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санктпетербургской епархии. СПб, 1856.

⁵ М. П. Майков. Финляндия. История и культура. СПб, 1911, изд. 2.

эти работы не представляют большого интереса ввиду того, что их авторы пользовались уже известными фактами.

Особое место среди историков буржуазного времени занимают К. Якубов¹ и Н. Н. Бантыш-Каменский.² Их заслуги в изучении вопроса о переселении карел заключаются не столько в трактовке вопроса, сколько в сборе и описании источников, относящихся к русско-шведским отношениям в первой половине XVII века. Обоими авторами описан, а частично и опубликован ряд ценных архивных документов, относящихся не только вообще к русско-шведским отношениям, но и к интересующему нас вопросу. Между прочим, следует указать на тот факт, что этими материалами почти никто из историков не пользовался.

Известный русский историк Ю. В. Готье в своем труде «Замосковский край в XVII веке», не касаясь причин переселения карел на русские земли, впервые на основе изучения архивных источников более подробно останавливается на вопросе заселения в середине XVII века центральных областей России карельскими выходцами.

Дело в том, что Россия после польско-шведской интервенции начала XVII века была опустошена и разорена. Население центральных областей страны, сильно пострадав от интервенции и стихийных бедствий, или погибло, или вынуждено было покинуть свои насиженные места и уйти на юг и на восток. Вследствие этого русское правительство было заинтересовано в заселении опустевших земель и поощряло переселение «зарубежных выходцев» — карел на русские земли. «При обнаружившемся всеобщем стремлении русского тяглого населения к югу, — пишет Ю. В. Готье, — эти пустые земли (имеются в виду местности, лежащие к северу от Москвы, уезды Тверской, Бежецкий Углицкий. — А. Ж.) было трудно рассчитывать заселить крестьянами из соседних местностей Замосковья, способных выделить из себя известное количество населения. Быть может, именно этим объясняется появление в некоторых областях Московского государства, а в частности, для изучаемого края в уездах, граничивших с Новгородским и Белозерским краем, выходцев из-за шведского рубежа — карел».³

Таким образом, вопрос о причинах переселения карел на русские земли в XVII веке в дореволюционной историографии не был решен.

Только советская историческая наука, вооруженная марксистской методологией, вплотную подошла к изучению истории братских народов Советского Союза, в том числе и истории карельского народа. К настоящему времени издано несколько небольших работ, посвященных изучению шведской интервенции начала XVII века, русско-шведских отношений в XVII веке и истории Карелии, в которых авторы попутно касаются вопроса о переселении карел.

Прежде всего мы остановимся на одной из первых работ советского периода, являющейся специальным исследованием истории карел, переселившихся на русские земли, а именно, на работе А. Н. Вершинского «Очерки истории верхне-волжских карел в XVI—XIX вв.».⁴ Эта работа представляет собой попытку выйти из рамок буржуазной

¹ К. Якубов. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897.

² Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних отношений России, т. IV, М., 1902.

³ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке. СПб, 1906, стр. 299.

⁴ «Исторический сборник», в. 4, М.—Л., 1935.

историографии в смысле привлечения новых источников и критики некоторых старых взглядов по этому вопросу. Автор не ограничился использованием уже известных источников, а привлекает большое количество новых архивных данных для характеристики процесса переселения и устройства карел на новых местах. Автор дает также историю верхне-волжских карел до конца XIX века. Благодаря этому работа А. Н. Вершинского приобретает характер более полного исследования, но она не свободна, на наш взгляд, от некоторых ошибок буржуазной историографии.

Автор вышеупомянутой работы, справедливо критикуя одностороннее мнение старой историографии о том, что религиозный вопрос явился основной причиной переселения карел, лишь изредка говорит о тяжелом экономическом положении населения под властью Швеции, что отчасти было причиной массового ухода карел в пределы Русского государства. Переселение карел А. Н. Вершинским связывается с заинтересованностью русского правительства в заселении опустевших русских земель.

Начало переселения карел А. Н. Вершинский относит к концу XVI века, к 1580—1590 годам, когда шла, как он говорит, «напряженная военная борьба за балтийские торговые пути» между Россией и Швецией, признавая, правда, что переселение тогда не было интенсивным, а протекало «в качестве спорадического явления, именно в виде увода пленных из шведской части Карелии или приема беженцев из прифронтной полосы».¹

Другой более интенсивный период переселения карел на русские земли автор относит уже ко времени после заключения Столбовского мирного договора 1617 года.

Отбрасывая мнение ряда исследователей о том, что переселение протекало отдельными волнами, А. Н. Вершинский на основе архивных материалов приходит к заключению, что «бегство из «пленных вотчин» Приладжья после установления власти Швеции было явлением обычным». В 20—40-х гг. XVII в. «карельская колонизация шла стихийно, в одиночку, не регулируемая Московским правительством».²

По мнению исследователя, вопрос о карелах был поставлен правительством более определенно «в 50—70-е годы XVII века и находился в тесной связи с войной 1656—1661 гг.» Сам акт переселения карел связывается не только с добровольным уходом населения в Россию, но и с насильственными действиями со стороны русского правительства, с выводом «карел как пленников в Московскую Русь».³

У нас нет причин отрицать факты единичных переселений карел на русские земли уже в конце XVI века, в период первой шведской интервенции, но это было случайным явлением и, как показывают новые материалы, не было связано с насильственным уводом населения. Как видно из архивных источников, переселение карел на русские земли было подготовлено самим ходом исторических событий и совершалось по инициативе самих масс, не желавших порвать дружественных связей с Россией. Русское правительство с самого начала с большим вниманием и интересом относилось к карельскому переселению, хотя и осторожно по соображениям дипломатического характера. Переселение же

¹ «Исторический сборник», в. 4, М.—Л., 1935, стр. 76—77.

² Там же, стр. 79.

³ Там же.

кончилось в основном в начале 60-х годов XVII века, сразу после заключения между Россией и Швецией Кардисского мира, так как основная масса карельского населения Корельского (Кексгольмского) уезда переселилась в Россию во время русско-шведской войны 1656—1658 годов в качестве союзников, мужественно сражавшихся вместе со своими освободителями, русскими войсками, против поработителей — шведских феодалов.¹

Следовательно, работа А. Н. Вершинского внесла в понимание вопроса о переселении карел на русские земли много нового на основе неиспользованных до этого архивных источников, но тем не менее она не свободна от ошибок, приводивших к неправильному истолкованию причин и хода переселения карел.

Более ценными работами для понимания сущности переселения карел являются статьи С. С. Гадзяцкого — «Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества»² и «Карелия и южное Приладожье в русско-шведской войне 1656—1658 гг.»³

Первая из них касается Ижорской земли и о переселении жителей из завоеванных шведами русских провинций. Здесь автор не разграничивает переселения по провинциям в отдельности.

Как видно из самого названия второй статьи, эта работа С. С. Гадзяцкого посвящена войне России со Швецией, а не вопросу переселения карел, но, тем не менее, автор уделяет много внимания вопросам внутреннего положения Кексгольмского уезда под властью шведов, отношению карельского населения к войне и т. д. Иначе, конечно, не могло и быть, если он имел стремление правильно осмыслить и охарактеризовать сам ход и последствия войны. Проанализировав внутреннее положение Кексгольмского уезда под властью шведского феодального государства и старые экономические и культурные связи русского и карельского народов, автору удалось в значительной мере прийти к правильным выводам при характеристике переселения карел на русские земли. Очень ценно, что С. С. Гадзяцкий использовал новые архивные материалы, до того времени не привлекаемые другими историками.

О причине переселения карел на русские земли С. С. Гадзяцкий говорит следующее: «Тяжелое положение населения Корельского уезда во время шведского господства, старинные хозяйственные связи с русскими, культурная близость с последними — все это создало условия, побуждавшие карел к переселению в Московское государство».⁴

Таким образом, в качестве причины переселения карел на русские земли в начале XVII века С. С. Гадзяцкий выдвигает не отдельные обстоятельства (религиозные различия карельского населения и завоевателей — шведов или тяжелое положение его под властью последних), как это делали до него другие историки, а весь комплекс создавшихся обстоятельств.

Признавая старинные дружественные отношения между русскими и карелами, автор не мог не отмечать, что русское население дружелюбно принимало карельских переселенцев, что Московское правительство по экономическим соображениям благосклонно относилось к карельским

¹ Подробнее об этом будет сказано ниже.

² «Исторические записки», т. 16, 1945.

³ Там же, т. 11, 1941.

⁴ Там же, стр. 243.

переселенцам, хотя оно иногда было вынуждено в целях сохранения мирных отношений со Швецией показывать внешне вид, будто бы не хочет обращать внимания на этот вопрос. «Московское правительство,— отмечает С. С. Гадзяцкий,— ценя мирные отношения со Швецией и надеясь на заключение союза против Польши, внешне соблюдало постановления Столбовского договора, касавшегося выходцев... Действительное же отношение к вопросу о переселенцах из-за шведского рубежа обнаружилось уже в 1620 году».¹

По мнению автора, Московское правительство, вступая в войну со Швецией, преследовало не только получение выхода к морю, но и «цели возвращения старинных русских владений, захваченных шведами в результате интервенции и войны начала XVII в.», а также «освобождения от шведской власти населения оккупированных шведами земель».²

Автор статьи на основе фактического материала показывает, что связи карельского населения с русскими во время оккупации «не только не исчезли, но даже не ослабли». Он показывает, как радостно встречали карелы русские войска, пришедшие освобождать их от гнета иноземных захватчиков, как они помогали русским в борьбе против шведских агрессоров и как при вынужденном отходе московских войск из Кексгольмского уезда предприняли массовое переселение на русскую территорию. С. С. Гадзяцкий впервые показал, что переселение карел на русские земли было вполне добровольным актом, не связанным ни с какими насилиями со стороны русского правительства или русских войск.

Таким образом, статьи С. С. Гадзяцкого являются серьезным шагом к всестороннему и правильному пониманию вопроса о переселении карел на русские земли.

Ряд других советских авторов попутно с разрешением общих проблем русско-шведских отношений, истории Карелии и этнографии касаются вопроса о переселении карел лишь в общих чертах, иногда даже не используя уже известные данные.³ В первую очередь, это можно сказать в какой-то мере о работе Р. Б. Мюллер «Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв.» (Петрозаводск, 1947).

Безусловно, Р. Б. Мюллер в своей работе, посвященной экономической истории Карелии (главным образом восточной Карелии) и охватывающей целые два столетия, не могла и не ставила целью специально изучить вопрос о переселении карел. Причины, вызвавшие переселение, в основном она трактует правильно, но далеко не полно. Мы не будем здесь останавливаться на разборе ее работы, отметим только, что более полному освещению нашего вопроса способствовало бы использование ею работ С. С. Гадзяцкого. Несомненной заслугой Р. Б. Мюллер является выявление и опубликование ею ряда ценных документов, касающихся переселения карел.⁴

¹ «Исторические записки», т. 11, 1945, стр. 246.

² Там же, стр. 247.

³ См. работы: А. М. Линеvский. Карелы. «Советская этнография», 1941, № 5; А. Вершинский и Д. Золотарев. Население Тверского края. Тверь, 1929; Д. Золотарев. Этнографический состав населения Бежецкого уезда. «Бежецкий край», в. I, Тверь, 1921; Д. Золотарев и Е. Бломквист. Западные финны. М., 1927.

⁴ См. «Карельская деревня в XVII в.». Сборник документов, составлен Р. Б. Мюллер, под ред. А. И. Андреева, Петрозаводск, 1941 (сборник переиздан в 1948 году под названием «Карелия в XVII веке»).

Много нового в вопросы о происхождении и истории карельского народа внес крупнейший советский финноугровед Д. В. Бубрих. В работах, касающихся происхождения карельского народа, он обращает внимание на причины массового переселения карел, выдвигая на первый план, при этом, связи многовековой дружбы и взаимные экономические и культурные интересы русского и карельского народов. Карелы не хотели прервать этих связей и решили перейти на русские земли. «Это был,— говорит Д. В. Бубрих,— час великого испытания союза и дружбы Карелы с Россией. Карела героически выдержала это испытание. Она начала свое знаменитое «великое переселение». Она спасла свою освященную историей связь с Россией, свою «русскую закваску», которую так ненавидели шведы...»¹ Эта мысль проводится у него во всех работах, посвященных происхождению карел.²

Итак, из всего вышеизложенного следует, что буржуазная историография мало интересовалась вопросом переселения карел на русские земли. Она лишь констатировала этот факт, не вскрывая истинных причин столь массового переселения. Русскими буржуазными историками не было отмечено значение этого события в истории Карелии.

Только советская историческая наука приступила к изучению с точки зрения марксистской методологии истории народов СССР. Начато изучение истории и карельского народа и, в частности, вопроса о переселении карел на русские земли. Советскими учеными уже не мало сделано о разработке фактического материала по вопросу переселения карел. Только она, советская историческая наука, оценила значение этого вопроса, как одного из важных вопросов истории Карелии, показывающих исторические корни нерушимой дружбы карел с великим русским народом, и поставила перед советскими учеными задачу его всестороннего изучения.

¹ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, стр. 42.

² Можно указать следующие работы Д. В. Бубриха: Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных. «Известия Карело-Финской базы АН СССР», № 3, 1948; О древней прибалтийско-финской речи. Там же, № 1, 1949 и др.

К. В. ЧИСТОВ

НЕКОТОРЫЕ МОМЕНТЫ ИСТОРИИ КАРЕЛИИ В РУССКИХ
ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Настоящая статья преследует единственную цель — помочь историкам, работающим над историей Карелии, расширить круг привлекаемых источников за счет народно-поэтического материала, к которому они обращаются, к сожалению, редко.

Нет необходимости пространно доказывать значение народной поэзии как исторического источника. Если мы действительно хотим изучать историю народа, надо обязательно знать, как народ сам оценивал те или иные исторические события. Позволю себе напомнить замечательные слова А. М. Горького, очень точно понимавшего значение этой проблемы: «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества... От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории. У него свое мнение о деятельности Людовика XI, Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами, которые не очень интересовались вопросом о том, что именно вносила в жизнь трудового народа борьба монарха с феодалами».¹

Значение фольклора как исторического источника многообразно, оно не сводимо к простому отражению отдельных событий, имен, исторических реалий. Разумеется, могут встретиться и встречаются отдельные детали, утраченные письменными документами. Однако народная поэзия — не склад деталей, которые могут понадобиться историку или этнографу. В ней важна народная оценка событий, которая и удерживается прежде всего в памяти народа. В ней ценны прежде всего идеи и порожденные ими поэтические образы, отражающие мировоззрение народа определенной эпохи.

В народном творчестве нет «исторических» и «не исторических» жанров, а есть жанры, которые легче датируются и прямее соотносятся с исторической действительностью (например, исторические песни, предания, легенды, былины) и жанры, которые труднее изучать в историческом плане (например, сказки, лирические песни и т. д.). Действительно, например, в волшебной сказке обычно не упоминаются ни известные исторические события, ни известные исторические лица, там действуют

¹ А. М. Горький. Собр. соч., т. 27, ГИХЛ, 1953, стр. 311—312.

Иваны-царевичи и Кашеи Бессмертные, события развиваются в тридевятом царстве, тридесятом государстве. Время определяется как давно прошедшее (ср. сказочное «жил-был»). Однако идеи и идеалы, выраженные в сказке, родились на определенной исторической почве и своими специфическими средствами отражают историческую действительность.

Изучение так называемых «неисторических» жанров в историческом плане только началось и потребует немало усилий для того, чтобы результаты стали вполне надежными. Значит ли это, однако, что и историки и фольклористы должны откладывать свою встречу на неопределенный срок? Думается, что правильнее было бы использовать каждую возможность хотя бы мимолетного свидания. Попытку использовать одну из таких возможностей и представляет собой эта статья.

* * *

Заметное место в истории Карелии XVII века занимает так называемое «Соловецкое сидение 1668—1676 гг.» — несомненно одно из крупнейших проявлений социальной борьбы на севере России в этом столетии. Однако история «Соловецкого сидения» изучена слабо. В дореволюционной историографии, если не считать документальных сборников, например, сборника под ред. Н. Субботина¹, ей посвящена лишь одна специальная работа — книга И. Я. Сырцова.² Книга И. Я. Сырцова написана в подчеркнуто тенденциозном тоне и цель предпринятого им труда сформулирована очень точно. «Предлагаемое сочинение, — писал И. Я. Сырцов во введении — написано по достоверным, современным событиям памятникам, немалая часть коих сохранилась и была исследована автором лично на месте происшествия — в Соловецком монастыре. Излагая по этим памятникам историю соловецкого возмущения от начала ее до конца, автор руководился искренним желанием: если не поколебать веру старообрядцев в мнимых соловецких мучеников, основанную и опирающуюся на легендарной «Истории об отцах и страдальцах Соловецких», то по крайней мере — предостеречь православных от подобного почитания бунтовщиков» (стр. 8).

Само собой разумеется, что в книге И. Я. Сырцова и не ставится вопрос об отношении народа к «соловецкому возмущению». В расколе он усматривает проявление невежества, либо интриги лиц, по каким-либо причинам предубежденных против Никона. «Соловецкое возмущение» он называет движением чисто религиозным. Таким образом, в книге И. Я. Сырцова в полной мере выразилось официально-церковное отношение к интересующему нас историческому факту.

В недавнее время к пересмотру истории Соловецкого восстания обратился советский историк Н. А. Барсуков, опубликовавший в 1954 году свое исследование.³ Н. А. Барсуковым собран значительный материал, способствующий верному пониманию социальной природы и хода вос-

¹ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые братством св. Петра митрополита под редакцией Н. Субботина, ч. III. Акты, относящиеся к истории соловецкого мятежа, М., 1878.

² И. Я. Сырцов. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII веке. Магистерская диссертация. Второе исправленное издание, Кострома, 1889.

³ Н. А. Барсуков. Соловецкое восстание (1668—1676 гг.). Петрозаводск, 1954, стр. 66.

стания. Однако выводы, к которым пришел исследователь, представляются нам в известной мере противоречивыми. Н. А. Барсуков не избежал некоторой идеализации и восстания и раскола, теснейшим образом связанных между собой. Восстание трактуется Н. А. Барсуковым как очаг крестьянской войны на Севере, даже как «последний этап этой войны» (стр. 64), в основе которого «как и в основе крестьянской войны под руководством Степана Разина, лежал стихийный протест самых различных демократических элементов крепостнической России против их бесправного положения, против чудовищного гнета и жестокой эксплуатации» (стр. 64). Вместе с тем материалы восстания не дают основания для столь далеко идущих выводов. Н. А. Барсуков не привел в своей книге ни одного факта, свидетельствующего о том, что стремление к социальной справедливости, к борьбе с эксплуатацией играло существенную роль в ходе восстания. Выводы Н. А. Барсукова основываются, главным образом, на анализе социальной принадлежности участников восстания и отвлечены от вопросов руководства и причин движения. Указывая на факт прихода в монастырь группы донских казаков после разгрома разинского движения, исследователь высказывает предположение, что они и повлияли на ход восстания и даже стали его руководителями. Однако это предположение не может быть подкреплено документальными данными. Даже внутримонастырское несогласие по вопросу о молитве за царя, на которое указывает Н. А. Барсуков, нельзя еще оценивать как проявление классовых противоречий среди восставших. Известно, что молиться за царя отказывались многие раскольники, различно мотивировавшие свой отказ. Разумеется, важнее то, что решение «черного собора» монастыря было принято под прямым давлением стрелецких сотников Исачки Воронина и Самки Васильева.

Удивительно, что Н. А. Барсуков при этом совершенно обходит книгу А. А. Савича «Соловецкая вотчина XV—XVII вв.», последняя глава которой дает наиболее обстоятельное и аргументированное изложение фактов, связанных с «сидением», и специальный анализ достоверности сведений об участии в нем разинцев.¹ Более того, Н. А. Барсуков совершенно не учитывает и блестящей критики концепции И. Шапова, развернутой в свое время Г. В. Плехановым.² Как известно, Шапов ставил знак равенства между расколом и движением, возглавленным С. Т. Разиным. Г. В. Плеханов писал: «...едва ли мы ошибаемся, предположив, что склонность народной массы к расколу была обратно пропорциональна ее вере в возможность собственными силами победить царящее зло, и что, таким образом, раскол с особенным успехом распространялся после выпадавших на долю народа крупных поражений».³

Не углубляясь далее в анализ книги Н. А. Барсукова, которая, следует полагать, подвергнется подробному анализу специалистов-историков, выскажем лишь некоторые соображения о характере Соловецкого восстания. Весь ход движения, особенно затяжной характер его развития (с 1668 до весны 1674 года не было ни одного значительного вооруженного столкновения), свидетельствует о его внутренней сложности

¹ А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 280. Не упоминается Н. А. Барсуковым и статья П. С. Казанского (Чтения в обществе истории и древностей, 1867, кн. IV, стр. 1—10).

² См. Г. В. Плеханов. «Исторические монографии и исследования», т. XII, стр. 347—348, 367 и др.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. II, М., 1918, стр. 31—58.

и противоречивости. Собственно восстанием «Соловецкое сидение» можно назвать только в последние два года (1674—1676 гг.). До весны 1674 года царские отряды блокировали Соловецкий остров, и вместо приказов об осаде получали, в основном, письменные увещания для передачи в монастырь. Внутримонастырские порядки за эти годы изменились сравнительно мало, то есть продолжали оставаться по своей природе и по своему характеру феодальными порядками, вполне устраивавшими монастырскую верхушку. Поэтому, на наш взгляд, правильное было бы говорить не об эпизоде крестьянской войны, облеченном в религиозную оболочку, а о раскольничьем, старообрядческом движении, направленном против никоновской централизации русской церкви. Разумеется, при этом нельзя забывать и того, что для первой половины и середины XVII в. особенно характерно было усиление давления феодального государства на так называемых «черносошных» крестьян — рост податей, превращение крестьян в пашенных солдат, приписка к заводам, передача земель монастырям и т. д. Поэтому затянувшийся конфликт монастырской верхушки — крупнейшего феодала на русском Севере с патриаршим престолом и царским правительством привлекал внимание демократических слоев поморского населения, готовых под давлением обстоятельств примкнуть к любой форме политического и религиозного антиправительственного протеста.

С другой стороны, для истории Карелии середины и второй половины XVII века не менее характерно обострение борьбы с монастырями, активно захватывавшими так называемые «черные» погосты и волости (ср. длительную борьбу крестьян Шунгского погоста с Тихвинским монастырем, Толвуйского погоста с Вяжицким монастырем, Кижского с Климецким и т. д.).

Соловецкий монастырь был в XVII веке крупнейшим феодальным вотчинником на русском Севере, осуществлявшим не только религиозную, но и политическую и экономическую власть на всем Беломорье. Изучение материалов по истории Соловецкого монастыря показывает, что старообрядческая проповедь в устах соловецких монахов была, естественно, не выражением социального протеста в религиозной форме, а средством, с одной стороны, сопротивления правительственной политике централизации церковной власти и подчинению его государству и, с другой стороны, своеобразным средством отвлечения крестьян Поморья от феодальных противоречий, значительно обострившихся в XVII веке и в пределах владений Соловецкого монастыря. В ходе борьбы с реформами Никона возникло иллюзорное единство соборных старцев и трудников, монахов и крестьян-поморов.

Н. А. Барсуков несомненно прав, утверждая, что многие представители монастырской верхушки — первоначальные руководители «сидения» — пошли впоследствии на компромисс с правительством и преемником Никона Иосафом; он прав, указывая, что в последние два года в монастыре большую роль стали играть демократические элементы. Однако нельзя отвлекаться и от того факта, что во главе восстания до последнего дня фактически стояли церковники (архимандрит Никанор, келарь Нафанаил, Протасий и др.), проявлявшие особенный фанатизм в непринятии реформ Никона.

Одним словом, несомненно, что вопрос далеко не столь ясен, как это кажется Н. А. Барсукову. Поэтому изучение социальной природы и хода Соловецкого восстания должно быть продолжено.

Думается, что при этом не следует оставлять в стороне исторические песни об осаде Соловецкого монастыря, известные по записям в различных областях России и опубликованные в ряде фольклорных сборников. В народных песнях не могло не сказаться отношение народа к восстанию; в памяти народа сохранились интересные для историков идеи и исторические детали. Насколько нам известно, историки при изучении материалов восстания совершенно не привлекали песни этого цикла. Прошел мимо них и Н. А. Барсуков.

Следует отметить, что и в фольклористической литературе песни об осаде Соловецкого монастыря изучены слабо. Их касался лишь В. Ф. Миллер в беглом комментарии к одному из вариантов, записанному в Сибири¹ и, отчасти, Е. Куле в обзорной статье «Русские исторические песни XVII в.»² Между тем накопленного фактического материала достаточно для того, чтобы высказать хотя бы первые суждения о смысле, характере и ценности этого цикла. В настоящее время известно 16 записей,³ сделанных в различных губерниях России, причем 9 из них, опубликованные прежде в различных сборниках и периодических изданиях, перепечатаны в известном своде русских исторических песен, составленном В. Ф. Миллером.⁴

Первый вопрос, который встает при изучении этих записей, это вопрос о составе цикла или иными словами: действительно ли существует несколько песен об осаде Соловецкого монастыря или имеющиеся записи представляют собой варианты одной песни. Очевидно в 80—90-е гг. XVII века возникла одна песня, в которой изображались события, связанные с осадой, однако в дальнейшем бытовании варианты этой песни настолько разошлись, что в них стали различно изображаться и ход событий и их развязка, стали даже называться различные действующие лица, то есть в вариантах по существу сложились разные сюжеты, выражающие разные идеи и разную оценку основного события. С другой стороны, между столь разошедшимися вариантами сохранилась тематическая и поэтическая связь (общая схема сюжета — выбор воеводы

¹ В. Ф. Миллер. Исторические песни из Сибири. «Известия Отд. Русск. Яз. и Слов. Ак. Наук», т. IV, кн. I, СПб, 1904, стр. 44—49; см. также Ф. И. Буслаев. Русский народный эпос в кн. «Ист. очерки русск. нар. слов. и искусства», СПб, 1861, стр. 431.

² Е. Куле. Русские исторические песни XVII в. «Филологические записки», 1897, вып. IV, стр. 28—32.

³ А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901, стр. 197—201, 470—472; «Живая старина», 1907, вып. III, отд. II, № 40, 90; В. Ф. Миллер. Исторические песни из Сибири. Изв. ОРЯСАН, IX, кн. I, стр. 44—49; П. Бессонов. Калики переходящие, ч. I, вып. 3, № 157, 158; П. Якушкин. Собр. соч., 1884, стр. 535—537; Н. С. Тихонов в «Летописи русской литературы», т. III, отд. III, стр. 90—91; А. М. Листопадов. Донские исторические песни, стр. 63—64. «Разгон Соловецкого монастыря Петром»; Былины М. С. Крюковой, т. II, № 114 (близко к варианту — Марков, № 40). См. также «Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и А. Богословским в сб. «Труды музыкально-этнографической комиссии», т. I, М., 1906 (текст — стр. 108, № 30, напев стр. 153, № 30). Кроме того, 3 варианта из рукописных сборников Синодального архива (№ 839, 840, 601) указаны В. Н. Перетцом (см. В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы», т. I. Из истории русской песни, СПб, 1900, ч. I, стр. 404, 409, ч. II, стр. 130, 132). Недавно В. И. Малышевым выявлен еще один рукописный вариант, но выявленный В. И. Малышевым.

⁴ В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. СПб, 1915, стр. 659—679, № 255—263.

и затем осада монастыря, общность зачина, некоторых эпизодов, строк, словосочетаний). Можно наметить 5 основных типов вариантов. Различие их вкратце сводится к следующему:

1-й тип. Царь выбирает воеводу для осады Соловецкого монастыря. Выбор падает на боярина Салтыкова, однако Салтыков не решается взять на себя разрушение монастыря, который он высоко почитает. Царь угрожает ему ужасной казнью. Салтыков соглашается, но по дороге сказывается больным. Вместо него «накупается» воевода Мещеринов. Начинается осада. Мещеринову удается взять монастырь только благодаря предательству. Следует расправа. Ночью царю являются два старца, которые упрекают его в разрушении старой веры. Царь дает запоздалое приказание снять осаду. Воевода Мещеринов, возвращаясь после осады, разболелся и умер (Марков, стр. 197—201, Миллер, № 255).

Разновидность: Салтыков не назван, фамилия Мещеринова сохранена. Мещеринов пытается взять монастырь обманом. Предательство «злоумышленного старца». Расправа. Запоздалое распоряжение царя снять осаду. («Живая старина», 1907, вып. III, отд. II, стр. 147—148).

2-й тип. Начало такое же, чудеса (отворяются царские врата в одном из московских соборов или др.) происходят вовремя, монастырь не разоряется.

3-й тип. Начало такое же, но Салтыкову приходится руководить войсками. Монахи уверены, что войско идет молиться. Они палят вверх. Монастырь не разоряется. (См. запись Языкова.)

4-й тип. Начало такое же. Салтыков утрачен и начинает осаду. Разорение монастыря («Летописи русской литературы», т. III, отд. III, стр. 90—91, Миллер, № 263).

5-й тип. Для разорения монастыря Петром (I) избирается Б. П. Шереметьев. Навстречу ему из монастыря выходит игумен, читающий «божью книгу» и плачущий. Вместо Шереметьева посылается «Петр князь Салтыков». Разорил ли он монастырь, из песни остается неизвестным.

Столь сильное расхождение вариантов уже само по себе требует истолкования. По-видимому, его следует объяснить тем, что бытование песни не было достаточно активным — варианты разошлись (т. е. возникли и новые толкования сюжета и новые детали) и в дальнейшем, в процессе вхождения в общерусский репертуар не слились в один, обобщенный и, вместе с тем, наиболее популярный тип. Собственно об этом же говорит и сравнительно небольшое количество известных вариантов, тем более что из 15 перечисленных выше текстов 9 извлечено из рукописных сборников и только 5 записано от исполнителей.

Обращает на себя внимание и характерное распределение текстов по губерниям. Только из Архангельской губернии, наиболее близкой к району, в котором происходили события, изображенные в песне, известно 5 вариантов,¹ из всех же остальных губерний (Пермской, Симбирской, Московской, Могилевской, Орловской и по Донской области) известно лишь по одному тексту, причем большинство из них заимствовано из рукописей. Все это позволяет утверждать, что песня была редкой, бытовавшей более в рукописной, чем в устной традиции.

¹ Судя по наилучшей сохранности деталей в архангельских вариантах, следует предполагать, что песня именно здесь и возникла.

Для подавляющего большинства вариантов известно, что они происходят из раскольников, старообрядческой среды.

Вместе с тем, песня о «Соловецком сидении» не является старообрядческим духовным стихом. Она была известна не только в старообрядческой среде и не содержит специфических старообрядческих идей (см. ниже сравнение ее со старообрядческой «Историей об отцах и страдальцах соловецких»). Борьба за старую веру — не идея, а тема изучаемой песни.

Следовательно, уже анализ внешних данных приводит к выводу, что в памяти народа соловецкие события запечатлелись главным образом как эпизод борьбы за старую веру, как необыкновенный случай столкновения монастыря с царем и царским правительством. Кроме того, следует еще учитывать, что бытование песни о соловецкой осаде в раскольников среде несомненно поддерживалось славой соловецких монахов как первых мучеников в борьбе с Никоном и его реформами (ср. «Историю об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова (Г. Вторушина) и др.).¹

К таким же выводам приводит и анализ идейного содержания и поэтических особенностей песни. Песня кончается различно — то разорением монастыря, то успевшей вовремя или запоздавшей отменой приказа об осаде, то смертью Мещеринова или Алексея Михайловича и т. д., однако моральная победа и, вместе с тем, сочувствие исполнителей всегда на стороне участников сидения. В различных вариантах правительству то удается, то не удается взять монастырь, но фактически оно всегда терпит поражение. В большинстве вариантов исполнители особенно тщательно разрабатывают эпизод, изображающий отмену приказа об осаде после совершившегося чуда (явление старцев Алексею Михайловичу, чудо с царскими воротами, болезнь воеводы и др.), потому что именно в этом эпизоде особенно явно обнаруживается поражение царя, вынужденного отменить собственное приказание.

Осуждение приказа царя об осаде монастыря как несправедливого и небывалого слышится и в других эпизодах песни. Так, например, в варианте, записанном другом А. С. Пушкина поэтом Языковым в Симбирской губернии, монастырь не разоряется; монахи, увидев войско, направляющееся к монастырю, сразу же поняли, что стрельцы идут не «рубиться», а молиться. В варианте, записанном П. И. Якушкиным от орловского мещанина, монахи горько ошибаются в своем предположении — стрельцы, остановившиеся под монастырем, неожиданно начинают его обстреливать. Такое завершение эпизода еще более подчеркивает невероятность и несправедливость царского приказа. На это же направлен и эпизод (служащий во многих вариантах завязкой), в котором рассказывается о первоначальном отказе Салтыкова возглавлять осаду монастыря. Кстати, характерно, что именно этот эпизод, играющий большую роль в поэтическом замысле песни, не находит себе прямого исторического подтверждения. В опубликованных документах, связанных с Соловецким восстанием, имя воеводы Салтыкова вообще не фигурирует. Осаду монастыря последовательно возглавляли стряпчий Волохов, стрелецкий голова Иевлев и стольник и воевода Мещеринов. В большинстве же известных вариантов во главе осады воевода-боярин Салтыков, который

¹ См. например, Бунт соловецких монахов и его значение для раскола и, в частности, для раскола поморского. «Памятная книжка Архангельской губернии», 1909, стр. 1—38.

называется обычно Петром Алексеевичем (иногда Иваном Петровичем). Мещеринов упоминается только в двух вариантах (Марков — «Пещерской» и «Живая старина», 1907, вып. III, стр. 147—148 — Мещеринов), Волохов и Иевлев оказались совершенно забытыми. Можно предположить, что создатели песни имели в виду боярина и воеводу Петра Михайловича Салтыкова — сподвижника Алексея Михайловича и видного администратора второй половины XVII века. По крайней мере другого Салтыкова — боярина и воеводы, близкого к Алексею Михайловичу, в XVII веке не было.¹ П. М. Салтыков мог пользоваться репутацией человека, сочувствующего старообрядцам. В 1662 году он был поставлен во главе следственной комиссии, собиравшей «вины» Никона и впоследствии официально обвинял Никона перед судом восточных патриархов.

Салтыковы были, несомненно, популярны на русском Севере. Михаил Глебович Салтыков-Кривой в 1608—1609 гг. оборонял от шведов Орешек. Его сын Иван Михайлович был в 1610 году воеводой в Новгороде, в 1611 году он ходил с войском против шведов к Ладозе. Популярность имени Салтыкова находит свое объяснение и в дальнейшем. Петр Самойлович Салтыков, близкий к Петру, неоднократно бывал по его поручениям в Карелии в начале XVIII века. Генерал-фельдмаршал Петр Семенович Салтыков, командовавший русскими войсками при Кюнерсдорфе, играл значительную роль в войне со шведами при Елизавете и т. д.²

Известные документы ничего не сообщают об отношении П. М. Салтыкова к осаде Соловецкого монастыря. Неизвестно, предлагал ли Алексей Михайлович в действительности Салтыкову ее возглавить, как это утверждается в песне, или нет. Однако не исключено, что это предложение могло быть не зафиксировано в документах и, вместе с тем, могло сохраниться в изустном предании. По крайней мере в начале 70-х гг. в отношениях Алексея Михайловича и П. М. Салтыкова наступает внезапное охлаждение. Еще недавно ведавший столь важным в середине XVII века Малороссийским приказом (кроме того, Владимирской и Галицкой четьми) и сыгравший столь значительную роль в деле Никона, в 1673 году Салтыков оказывается вдруг тобольским воеводой и возвращается в Москву только в 1682 году. Не исключено, что причиной охлаждения Алексея Михайловича к П. М. Салтыкову и был отказ последнего возглавить борьбу с Соловецким монастырем, сохранившийся в памяти народа.

Характерно, что в архангельских вариантах, по-видимому наиболее близких к первоначальному тексту песни, Салтыков не разоряет монастырь. Он либо сказывается больным и заменен Мещериновым, либо отмена царского приказа предвещает штурм монастыря. Таким образом, внимание создателей песни привлеч не Мещеринов, осаждавший монастырь, а Салтыков, отказавшийся возглавить его осаду. Это снова подтверждает, что поэтический замысел песни состоял в изображении

¹ П. Долгорукий. Российская родословная книга, ч. 2, СПб, 1855, стр. 71, 82; Русский биографич. словарь. «Сабанев-Смыслов», СПб, 1904, стр. 104.

² П. Долгорукий в «Российской родословной» пишет: «Должно заметить, что ни из одной фамилии не было столько бояр, столько фельдмаршалов и столько главных начальников Москвы, как из Салтыковых» (СПб, 1855, ч. II, стр. 83).

Кроме того известно, что один из Салтыковых — Федор Михайлович (Сергий) — игумен Бизюкова монастыря — был одним из активных деятелей старообрядчества, судился вместе с Аввакумом и Лазарем на соборе 1666 года.

столкновения царя с монастырем как небывалого случая, проявления вопиющей несправедливости со стороны царя.

В песне образ царя рисуется противоречиво. С одной стороны, царь решительно требует расправы с восставшими, с другой стороны, царь убеждается, в конце концов, в том, что он неправ. В этом противоречии следует видеть отражение действительной противоречивости народного мировоззрения XVII века. Известно, что для XVII века, с одной стороны, характерен рост антиправительственных и, следовательно, антицаристских настроений, с другой стороны, вера в хорошего царя, вера в то, что в народных бедствиях повинен не столько царь, сколько его боярско-дворянское окружение, очень сильна.¹ Собственно, и в анализируемой нами песне значительная доля вины ложится на воеводу. Особенно ярко это выражено в двух вариантах, в которых фигурирует Мещеринов. В варианте, записанном Марковым, после возвращения в Москву разболевшегося Салтыкова —

На то место-то накупался
Из бояр, бояр князь Пещерской,

который спешит расправиться с восставшими, не брезгуя никакими обманами. В варианте, записанном И. С. Абрамовым в Могилевской губернии («Живая старина», 1907, вып. III, стр. 147—148) Мещеринов называется «лютым», он пользуется предательством «злоумышленного старца» и т. д.

Частичное снятие вины с Алексея Михайловича могло опираться и на неверное понимание создателями песни некоторых фактов, связанных с историей восстания (нерешительность правительства в первые годы «сидения», дело Никона и отсутствие распоряжений против старообрядцев в пору его разбирательства и др.). Кроме того, этому могло способствовать и случайное совпадение дней жестокой расправы, учиненной Мещериновым после взятия монастыря (монастырь взят 22 января 1676 г.) со смертью Алексея Михайловича (29 января 1676 г.). Известно, что в последние дни перед смертью царь спешил отдать больше «богоугодных» распоряжений. Один из первых историков XVII века В. Берх в монографии «Царствование царя Алексея Михайловича» (СПб, 1831) сообщает: «Через несколько дней болезнь усилилась и царь приказал выпустить многих заключенных и простил казенных недоимок на 100 000 гульденов» (стр. 301). Неизвестно: было ли у умирающего царя намерение амнистировать участников Соловецкого восстания, однако совпадение во времени предсмертной амнистии и соловецкой расправы вполне могло породить в староверческой среде царистскую по своему характеру легенду о запоздавшей амнистии. Подтверждением этого может служить известная «История об отцах и страдальцах соловецких» одного из основателей Выгорецкого общежития Семена Денисова (Вторушина), в которой сообщается о том, что перед смертью Алексей Михайлович будто бы посылал к патриарху с просьбой оставить Соловецкий монастырь «по отеческим законам жить». Более того,

¹ Ср. характерное примечание, сделанное А. Крюковой при исполнении песни в передаче А. В. Маркова: «Царь Алексей Михайлович думал, что Никон — святой, чтобы окончательно убедиться в этом, он велел ему надеть башмаки, в которых было наколочено гвоздь. Никон поставил башмаки под кровать, а царю говорил, что он ходит в них невредимо. Тогда царь велел ему переменить старую веру и поставить новую — неправую». (Миллер, стр. 663.)

гонцы с царским приказом об отмене осады, по словам С. Денисова, якобы встретились в Вологде с гонцом Мещеринова, посланным с вестью о взятии монастыря. Раскольничья легенда об амнистии могла породить и фигурирующие и в песне и в «Истории» Семена Денисова чудеса (явление старцев царю, открытие царских врат и др.).

Кстати, в песне и в «Истории» Денисова совпадают и некоторые другие детали — руководители осады заболевают «худой болью» и умирают в наказание за свои злодеяния, воевода «от дерзости безумный» один из первых выстрелов направляет на алтарь Соловецкого собора и сбивает одну из главных икон,¹ после начала осады участники восстания собирают «собор», на котором решают биться до конца, гонцы встречаются в Вологде и т. д. Вместе с тем несомненно, что песня возникла раньше «Истории» Денисова.² Более того, Семен Денисов несомненно знал и использовал либо саму песню о соловецкой осаде, либо устные предания, легшие в ее основу. Во вступлении к своей «Истории» он пишет, что сообщит сведения, почерпнутые им из двух источников: «Яже от различных писателей собрахом» и «яже от уст самобывших во времена разорения обители в воинстве слышахом».³ С другой стороны, вполне вероятно, что исполнителям песни в XVIII и XIX веках могла быть известна «История» Семена Денисова. Однако говорить о ее влиянии на развитие песни нет оснований, так как песня расходится с «Историей» в самом существенном — Семен Денисов всячески стремится изобразить Соловецкое восстание как столкновение монастыря с «никонианами», а не с правительством. Вся ярость его раскольнических обличений направлена на Мещеринова, которого не помнит большинство вариантов песни. Денисов сосредоточивает основное внимание на изображении мучительств, которым подверг Мещеринов участников восстания и поименному прославлению соловецких старцев как раскольничьих святых. В песне же нет ни того ни другого — о разорении монастыря сообщается очень кратко, старцы же не фигурируют вовсе.

Итак, песня о соловецкой осаде — типичная народная историческая песня,⁴ посвященная одному из исторических фактов царской несправедливости и протеста против него. Анализ ее показывает, что в народном сознании история Соловецкого восстания оставила известный след. Однако в связи с «Соловецким сидением» не возникло популярной, отстоявшейся и вполне сложившейся песни, что можно было бы ожидать, если бы Соловецкое восстание действительно было бы эпизодом крестьянской войны на Севере, в «основе которого, — как предполагает Н. А. Барсуков, — как и в основе крестьянской войны под руководством Степана Разина, лежал стихийный протест самых различных демократи-

¹ См. в песне:

Как стрелял, стрелял воевода
В соборну ту божую церковь,
Уронил-го тут воевода
Богородицу со престола. (Миллер, стр. 265.)

² Написана, по-видимому, в 30-е годы XVIII века.

³ Цит. по изд. Супрасльской типографии 1788 г., л. 2. Еще позже возник официальный «Летописец соловецкий», очень кратко передающий историю осады: «В таком положении, без всякого раскаяния, препроводили они девять лет» (см. «Летописец соловецкий», М., 1815, стр. 42—44).

⁴ Вместе с тем следует отметить, что в некоторых рукописных вариантах чувствуется влияние поэтики старообрядческих духовных стихов.

ческих элементов, крепостнической России против их бесправного положения, против чудовищного гнета и жестокой эксплуатации» (стр. 64).

Основной конфликт, отраженный в песне, не носит открытого социального характера. В этом отношении песня о соловецкой осаде резко отличается от создавшихся примерно в те же годы богатейших по своему идейному содержанию и замечательных по поэтическим достоинствам песен разинского цикла — песен народного гнева и борьбы, песен, воспевающих классовую расправу крестьян и казаков с боярами и воеводами.

Мы располагаем лишь поздними записями песни о «Соловецком сидении». Однако противоестественно было бы предполагать, что песня могла содержать социальные мотивы, а затем их начисто утратила во всех вариантах, записанных в различных губерниях. Характерно, что «Соловецкое сидение» совершенно не отразилось в карельских исторических песнях.

В песне о соловецкой осаде сказалось, вместе с тем, характерное для XVII века противоречивое отношение к царской власти. Основная проблематика ее не связана с открытой антифеодальной борьбой. В песне не фигурирует народ, поднявшийся с оружием в руках на борьбу с угнетателями. Песня о соловецкой осаде — это песня о царской обиде приверженцам старой веры, стойким в своих убеждениях. Вместе с тем протест против реформ Никона воспринимался народом как одна из форм антиправительственного протеста — поэтому сочувствие исполнителей песен на стороне участников восстания. Следовательно, анализ народной исторической песни о соловецкой осаде не дает нам оснований предполагать, что Соловецкое восстание было в действительности эпизодом крестьянской войны, что сохранившиеся документы значительно искажают суть и природу восстания. Такие предположения неизбежно приводят к идеализации и самого восстания и старообрядческого движения XVII в. Вместе с тем несомненно и то, что восстание было сложным и противоречивым по своей природе. Однако сложность и противоречивость — еще не повод для преувеличения тех сторон восстания, которым мы особенно сочувствуем. Признание сложности и противоречивости восстания вовсе не означает снятия вопроса об основном и определяющем в ходе восстания, именно это основное и определяющее очевидно и закрепились в народной памяти и легло в основу песни.

И, наконец, для того, чтобы наш обзор отражения Соловецкого восстания в русском народном творчестве был исчерпывающим, упомянем еще о двух песнях, в которых косвенно отразилось отношение народа к монастырю. Первая из них представляет собой шутивную заздравную:

Чаша моря Соловецкого
Пить для здравья молодецкого¹ и т. д.,

перекликающуюся с сатирическими повестями XVII века типа «Калязинской челобитной». В заключение заздравной, произнесенной от имени

¹ Опубликована Ф. М. Буслаевым в статье «Русская поэзия XVII века» из сборника, принадлежавшего Истрину. См. «Исторические очерки русской народной словесности и искусства», т. I, СПб, 1861, стр. 515—516; см. также А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VII, СПб, 1902, № 207.

подгулявшего и привыкшего к стяжательству и разгульной жизни монаха, говорится:

«Подай Бог
На всякий год,
Чтобы доброе получить
И добрые дни нажити».

Вторая песня известна в фольклористической литературе как песня о «правеже». Возникновение ее по сложившейся традиции обычно относят ко времени Ивана Грозного (см. Киреевский, вып. 6, стр. 196 и др.). Однако один из ее вариантов представляет собой перетекстовку, возможно, связанную с событиями, последовавшими за взятием Соловецкого монастыря отрядом Мещеринова. Разумеется, трудно сказать, облегчена ли была эта перетекстовка тем, что в первоначальном тексте уже фигурировала какая-то монастырская казна или же монастырская казна появилась в песне именно после соловецких событий. Известно, что после взятия монастыря Мещеринов подверг монастырь и монастырские вотчины столь буйному разграблению, что против него было возбуждено специальное дело. В песне — молодец под пыткой показывает, что за казна, которая ему досталась.

Это, батюшка, казна не царская и не боярская,
А это казна монастырская
Того ли монастыря Соловецкого.¹

Таким образом, и заключительный эпизод соловецкой трагедии сохранился в памяти народа и нашел свое отражение в народной песне.

Итак, изучение песен о «Соловецком сидении» обнаруживает, что они могут служить серьезным подспорьем при решении вопроса о природе и характере самого движения. С другой стороны, изучение песен помогает верно оценить и степень достоверности «Истории об отцах соловецких» Семена Денисова (Вторушина), без которой трудно обойтись любому, кто стал бы размышлять о событиях, связанных с «Соловецким сидением».

* * *

Не меньший интерес для истории Карелии представляют и народно-поэтические произведения, возникшие в конце XVII века. В фольклористической литературе известно несколько обзоров русского народного поэтического творчества этой поры.² Поэтому я позволю себе остановиться лишь на некоторых произведениях, касающихся событий, непосредственно связанных с историей Карелии этого периода. Следует отметить, что историки Карелии привлекали к изучению значительное число преданий и легенд этого времени. Однако вне поля их зрения остался богатый цикл исторических песен так называемого «петровского времени», в том числе и песни, связанные с Северной войной конца XVII — начала XVIII века.

Прежде чем перейти к обзору этого цикла позволю себе высказать несколько общих соображений. Если попытаться окинуть общим взором эпическое наследие карел и русских, населяющих Карелию, то вырисовуется

¹ Киреевский, вып. 6, стр. 196.

² М. Я. Парижская. Исторические песни и предания начала XVIII века, в кн. «Русское народное поэтическое творчество», т. I, М.—Л., 1953, стр. 478—528 и др.

чрезвычайно своеобразная картина. В русских исторических песнях и преданиях события, непосредственно связанные с историей Карелии, отражаются не ранее первой четверти XVII века (так называемые предания о «панах», в которых отразились события времени польско-шведско-литовской интервенции, песни о Скопине-Шуйском и Якове Делагарди, Рахта Рагнозерском и др.). До этой поры известны лишь былины и исторические песни, изображающие события общерусские по своему характеру и значению и «киевские», «новгородские» или «московские» по месту эпического действия. Для карельских исторических песен известны отдельные сюжеты, отражающие события истории Карелии ранее начала XVII века (например, события времени Ивана Грозного). О песнях о «Соловецком сидении», относящихся ко второй половине XVII века, мы уже говорили. Итак, до конца XVII века известны лишь единичные песни о единичных событиях истории Карелии. Впрочем некоторое исключение составляет так называемое «смутное время», давшее несколько преданий и песен. В отличие от этого в конце XVII и начале XVIII веков в Карелии возникает несколько десятков преданий и песен, пословиц, поговорок, топонимических легенд и т. п. События же последующих двух веков истории Карелии (до конца XIX века) либо вовсе не отражены и в русских и карельских исторических преданиях и песнях, либо отражены в них мимолетно и попутно. Случайно ли такое распределение песен и преданий? Разумеется, нет.

На протяжении многих веков важнейшие события политической истории Карелии были связаны с борьбой с непрекращавшейся шведской агрессией. В начале XVII века борьба со шведской интервенцией приобрела особенно острый характер и к началу XVII века закончилась серией блестящих побед русского оружия (Полтава, Выборг, Гангут), надолго ликвидировавших этот очаг военных столкновений. Все эти события имели огромное значение для Русского государства. Не будем входить в характеристику этих событий, отметим только, что события первых десятилетий XVII века и, особенно, Северная война 1700—1721 гг., не могли не оставить глубокого следа в памяти народа. Завершение многовековой борьбы со шведской экспансией далось русскому народу ценой колоссального напряжения сил. В этой борьбе трудовые массы Карелии принимали живейшее участие. Как уже отмечалось историками, в период борьбы со шведской экспансией через Карелию проходила наиболее протяженная часть русско-шведской границы. На различных этапах войны Карелия была то прямым плацдармом, то ближайшим тылом военных действий. В начале XVII века ее естественные богатства необыкновенно интенсивно использовались правительством Петра для нужд армии и нарождавшейся русской промышленности. Известно, что Петр много раз бывал в Карелии и всегда действовал энергично и целеустремленно. Всем этим объясняются и многие специфические черты петровского цикла в истории национального и русского народного творчества Карелии. Так, например, значительная часть устнопоэтических произведений этого цикла, записанных в Карелии, явно местного происхождения (например, большинство преданий и легенд). Темы и сюжеты их разнообразны — военные действия против шведов, строительство «осударевой дороги», встречи Петра с местным населением, рытье «канавушки» и т. д. Таким образом, речь идет не о двух-трех наиболее крупных событиях, отраженных

в народном творчестве, а о многостороннем поэтическом изображении целого исторического периода.¹

Нельзя сказать, что историки вовсе не привлекали этот материал при изучении истории Карелии. В макете 1 тома «Истории Карелии» есть даже специальный раздел, посвященный народным преданиям начала XVIII века, упоминаются и некоторые карельские руны, относящиеся к этому же времени со ссылкой на статью В. Я. Евсеева.² И все же вне поля зрения остался весь цикл русских исторических песен о Северной войне, даже в той его части, которая имеет непосредственное отношение к Карелии.

В задачу настоящей статьи не входит всесторонний разбор песен цикла. Это задача несомненно значительно более широкого плана. Северная война охватила огромную территорию, длилась более двадцати лет и многие ее события, отраженные в народных песнях, не имели непосредственного отношения к истории Карелии.

Остановимся на трех группах песен, представляющих наибольший интерес для изучения истории Карелии.

Самая значительная среди них — группа песен, связанная с осадой Нотебурга (Орешка, Шлиссельбурга). Уже в сборнике Киреевского было опубликовано 9 текстов песен о взятии Нотебурга, причем это событие изображается по-разному в 4 различных по своим сюжетам песнях.³

1) «Допрос шведского майора». Сюжет этой песни имеет несколько приурочений, главным образом в солдатских песнях XVIII и начала XIX веков. Борис Петрович Шереметьев, допрашивавший шведского майора, взятого в плен под Орешком, выступает в той же роли в песнях о сражении под Красной Мызой. Вместе с тем историчность этой песни не подделжит сомнению. Б. П. Шереметьев (вместе с Н. И. Репниным) действительно возглавлял осаду Нотебурга-Орешка. Разумеется, трудно установить, действительно ли имел место допрос пленного шведского майора, но в сущности это и неважно, тем более, что речь идет о популярном сюжете солдатской песни. Важно другое — сюжет этот вполне закономерен и органически связан с самой сутью событий.

Взятие Нотебурга в 1702 году было первой крупной победой русских войск в Северной войне, ясно показавшей, что успешные действия против шведских отрядов в Лифляндии не случайность, что легенда о непобедимости шведских войск только легенда. Между тем, шведы продолжали еще чувствовать себя победителями, предпринимали демонстративные, устрашающие маневры, стараясь создать у русских впечатление, что их армия чрезвычайно многочисленна и очень сильно оснащена. Русские же войска все более и более убеждались в шаткости

¹ Об отражении Северной войны в литературе XVIII века см. интересную статью И. Н. Розанова «Великая Северная война в русской поэзии первой половины XVIII в.». «Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. П. Потемкина», 1946, т. VII, вып. I, стр. 35—40.

² В. Я. Евсеев. Историческая дружба карел и русских в отражении поздних версий карело-финских рун. «Советская этнография», 1949, № 2.

³ Мы не включаем в это число песню, которую П. А. Бессонов назвал «Убит полковник» («Что под славным городом под Шлюшеном»), воспроизведенную в сборнике Киреевского (вып. 8, стр. 147—148) по песеннику И. И. Дмитриева (1796 год) и явно отредактированную, если не целиком сочиненную составителем песенника. Текст этой песни нуждается в специальном исследовании.

положения шведов, недавние победители все более и более развенчивались. В этом процессе огромную роль сыграла победа под Нотебургом. Именно поэтому популярный сюжет допроса шведского майора и возник в связи с борьбой за Нотебург. Шведский майор в начале допроса гордо отвечает («не с упадкою»):

С генералом в поле нашим сорок тысячей,
С королем в поле сметы нет.¹

После того, как майора не кормили «целы сутки» и еще раз допросили, он «правду истинну рассказал»:

Силы семь тысячей, а боле того нету.²

2) «Военный совет под Орешком». Песня начинается с типичного для солдатских песен зачина:

Ты злодей-злодей ретиво сердце
Ретиво сердце молодецкое!
К чему ты ныло — занывало?
Ты беду молодцу предвещало.

Предвещало ты, а не сказало:
Что быть ли мне, молодцу, в рекрутах,
Что в рекрутах быть мне и в солдатах,
А в солдатах быть мне и в походе,

Что под славным городом под Орешком,
По нынешнему званию Шлиссельбургом.³

Перед началом штурма Петр обращается к генералам и просит у них совета — штурмовать ему Орешек или нет. Генералы против штурма. Петр обращается к солдатам:

Что не ярые тут пчелы зашумели
Что возговорят российские солдаты:

— Ах ты наш батюшка государь-царь!
— Нам водою к нему плыть, — не доплыти,
— Нам сухим путем идти, — не досягнути.
— А что брать или не брать ли белой грудью.

Вслед за этим изображается штурм и взятие Орешка, 90 лет бывшего в руках у шведов. Кстати, необходимо подчеркнуть, что шведская крепость Нотебург, переименованная Петром в Шлиссельбург, называется во всех песнях этой группы Орешком, то есть так, как она называлась до захвата ее шведами. Как правило, в песне добавляется:

По нынешнему званию Шлюшенбурге.⁴

Вместе с тем, это двойное название звучит обычно один раз в зачине песни. В дальнейшем Нотебург — Шлиссельбург называется только Орешком. Тем самым, как уже отмечалось исследователями,⁵ утверждается исконная принадлежность этих земель России. Известно, что и Петр в письмах называл Нотебург Орешком.

¹ Киреевский, вып. 8, стр. 139.

² Там же, стр. 140.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 138.

⁵ Русское народное поэтическое творчество, т. I, стр. 517.

Как видно из краткого пересказа, песня эта некоторыми мотивами перекликается с песней о штурме Азова, что совершенно естественно для начальной поры формирования специфического жанра солдатской песни. Вместе с тем, эта песня прекрасно отражает типичные настроения солдат петровской армии. Солдаты жалуются на тяжесть службы и сетуют на горькую судьбу, оторвавшую их от семей и вместе с тем с патриотическим воодушевлением откликаются на призыв Петра и самоотверженно штурмуют грозные редуты Орешка. Следует отметить относительную распространенность этой песни.¹

3) «Штурм Орешка». В этой песне в отличие от предыдущей рассказывается о штурме Орешка не сухопутной армией, а флотом. По всей вероятности, она заслуживает название одной из первых русских матросских песен. Флот (петровские суда по старой традиции называются «легкими стружками») концентрируется у истока Невы и затем под командой все того же Б. П. Шереметьева штурмует и берет Орешек. Таким образом, песня отметила не только сам факт взятия Орешка, его моральное и патриотическое значение, но и новизну тактических приемов Петра. Один из военных историков полковник Б. С. Тельпуховский в книге «Северная война 1700—1721 гг.», оценивая значение штурма Нотебурга-Орешка и последовавшего за ним штурма Ниниеншанца, пишет: «К этому времени у Петра I уже появляется идея комбинированных действий сухопутной армии и флота против шведов. Эта идея была широко применена Петром после Полтавской битвы на Финляндском театре войны».²

Замечательны в песне строки:

По реке они («стружочки». — К. Ч.) бежали к круту
красну бережку,
К круту-красну бережку, ко Слюссельбургскому,
Подбирали они паруса полотняные,
Что того ли полотна все олонецкого.³

Здесь точность изображения действий команды судна (подходя к берегу, «подбирают» паруса) и терминологическая точность (команда: «Подбирай паруса!») сопровождаются любопытным эпитетом паруса полотна «олонецкого», отражающем совершенно определенный факт, интересный для историка Карелии.⁴

Действительно известно, что весной 1701 года по указу Петра из Олонецкого уезда в Новгород было отправлено большое число плотников «к струговому строению», летом того же года они начали на Луге и Мсте постройку речных судов. Весной 1701 года Петр обязал олонецкого воеводу «готовые карбасы и полукарбасы, и соймы, и гребные суда троевесельные опричь малых лодок на Заонежском озере, и на Свири, и на иных реках» переписать и выслать в Новгород. Все эти суда были использованы для военных перевозок в 1701—1703 гг. и в 1702 году при боевых действиях против Нотебурга-Орешка и Ниниеншанца.

¹ Только в сб. Киреевского приводится три варианта и указывается еще несколько.

² Б. С. Тельпуховский. Северная война 1700—1721 гг. Воениздат, М., 1946, стр. 52.

³ Киреевский, вып. 8, стр. 146—147.

⁴ Ср. в песне о взятии Риги:

«Паруса они роняли белы — полотняные
Того ли полотна все голландского.»

(Киреевский, вып. 8, стр. 214.)

Кроме того, в штурме Нотебурга участвовали суда, специально для этого построенные на Сясьской верфи, заложенной в начале 1702 года. Строили суда 50 плотников, отряженные для этого из Олонца. Вспомогательные работы выполнялись также олонецкими крестьянами. Вооружение судов обеспечивалось олонецкими заводами Бутенанта. Известно, что и после взятия Нотебурга и закладки Олонецкой верфи крестьяне Карелии поставляли на нее смолу, канаты и паруса. Таким образом, народная память сохранила в песне любопытный штрих, ясно свидетельствующий об активном участии карельских крестьян в подготовке обеспечения победы под Орешком.

С процитированными строками весьма своеобразно перекликается уникальная запись казачей песни, повествующей о кораблях, построенных под Орешевом (Орешком) и ожидающих отправки в бой.

Не под городом было под Орешевом
Нагружались там три кораблика
Они фуражем-сеном эти три кораблика...

Не дождавшись «повеленьица», корабли отправились сами в путь и в конце песни оказываются в Черном море.¹ В этой песне можно видеть любопытное свидетельство того, что постройка первых судов на Сясьской и Олонецкой верфи перед битвой за Орешек была оценена современником Петра, как замечательное событие, и отразилась и в солдатских и казачьих песнях. «Паруса олонецкий», корабли, построенные под Орешком и т. д. готовы были превратиться в эпические категории и проникнуть в определенный круг народных песен.² Однако этот процесс приостановился, по всей вероятности, в самом начале. Песни об Олонецкой верфи заслонились в памяти народа песнями о Неве, Петербурге, «питерской» пристани корабельной, получившими популярность к середине XVIII века. В этом факте также нельзя не видеть верного отражения большого, но кратковременного значения, которое имели Ладожско-Свирские верфи в событиях начала XVIII века.

И, наконец, остановимся еще на одной песне, также связанной со штурмом Орешка.

4) «Петр I под Орешком» (см. Киреевский, вып. 8, стр. 156—160, № 1—3). В этой песне рассказывается о внезапном появлении Петра I под городом «Шлюшеном» (Шлиссельбургом, Орешком). Донские казаки не узнают Петра и его «легкий корабль» и собираются стрелять. Петр хвалит казаков. В этой песне несомненно отразился факт, хорошо известный из исторических источников. В летние месяцы 1702 года Петр I предпринял смелый и труднейший шаг, предпринявший исход

¹ См. сб. Б. Н. Путилова. Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948, стр. 59—60. «Русские корабли в Черном море».

² См. также песни — Соболевский, т. I, № 326.

На прибежище на Лодейном
Что на пристани корабельной
Тут построена изба новая
Изба новая караульная...

Или № 540 в III томе того же собрания:

Я поеду в Нову Ладогу гуляти
Молодой жене покупок закупати...

В песне № 6 (т. I) упоминается «Свирская Украина» и т. д.

сражения под Нотебургом. Из Белого моря в Онежское и затем Ладожское озеро были перетащены волоком два фрегата, построенных в Архангельске. В строительстве известной «осударевой дороги», по которой тащились суда, участвовали тысячи карельских крестьян. Темпы строительства дороги и продвижения судов, смелость самой мысли перетащить суда на большое расстояние (около 170 верст) внезапность появления Петра с 2 фрегатами и 4 тысячами солдат под Орешком поразили воображение современников Петра — и его военных противников — шведов, и его соратников, русских солдат. Несомненно, именно на этой почве и возникла интересующая нас песня.

Известный интерес представляет и песня, связанная с осадой **Выборга** («Ах ты, ноченька, ты ноченька осенняя», Киреевский, там же, стр. 167—168). На первый взгляд эта песня производит странное впечатление. Она начинается с обычного солдатского зачина:

Ах ты, ноченька, ты ноченька осенняя
Надоела ты мне, молодцы, наскучила,
Надоела ты мне, молодцы, наскучила,
Что под славным ли под городом под Выборгом,
Что под той ли под стеною белокаменной,
Что под высокой под башней под проежею!

Далее рассказывается о том, что шведские бастионы открывают внезапный огонь и убивают полковника. Солдаты оплакивают полковника, «Майоры с подполковниками» успокаивают их, говорят, что не следует отчаиваться, так как царь их наверняка поддержит. Вся песня звучит минорно, производит впечатление горестного раздумья над тяжелой солдатской судьбой. О взятии Выборга ничего не сообщается.

Таким образом, песня, как бы опускающая важнейшее в событиях, связанных с Выборгом, — блестящий маневр Петра, взятие крепости и значение этого факта для упрочения России на Балтийском море¹ — касается факта более или менее случайного и второстепенного. Так ли это? Если это было бы так, то песня об осаде Выборга оказалась бы редким исключением среди русских исторических песен.

Очевидно правильнее предположить, что песня об осаде Выборга не связана с заключительным, решающим этапом борьбы за Выборг. Вполне возможно, что она возникла в связи с событиями 1706 года, когда Петр сделал неудачную попытку овладеть Выборгом, либо с первой половины кампании 1710 года, то есть до подхода русского флота под командованием Петра. Собственно в известном варианте песни о Выборге имя Петра не упоминается вовсе и казалось бы, что нет оснований считать ее возникшей обязательно в начале XVIII века, тем более, что известно множество русско-шведских сражений за Выборг, с конца XIII века и до начала XVIII века. Однако нам думается, что на этот раз приурочение, предположенное П. А. Бессоновым, не следует отвергать. По всем своим поэтическим особенностям песня бесспорно принадлежит к числу ранних солдатских песен, то есть она не могла возникнуть до начала XVIII века.

Совершенно ясно, что анализируемая песня не могла возникнуть и позже, так как после 1710 года крепость никогда больше не принадле-

¹ На второй день после взятия Выборга Петр I писал Екатерине: «Матка, здравствуй. Объявляю Вам, что вчерашнего дня город Выборг сдался и сею доброю ведомостью, что уж крепкая подушка Санкт-Петербургу устроена... Вам поздравляю» (И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. XII, № 1163).

жала шведам и лишь однажды в конце XVIII века подвергалась шведской осаде. Между тем из текста песни ясно, что именно русские осаждают Выборг, находящийся в руках шведов.

Небезынтересно сопоставить эту довольно редкую русскую историческую песню об осаде Выборга с популярной карельской руной на эту же тему.¹ В карельской песне говорится о взятии Выборга, причем в борьбе за Выборг в ряде вариантов принимают участие герои старших эпических песен Илмаринен, сковавший Петру волшебное копьё, с помощью которого Петр покоряет неприступную вражескую крепость. Для карельского народа более чем 400-летняя борьба за Выборг была трагической борьбой за коренные земли карельской народности. Русские войска, возглавляемые Петром, осуществили многовековые чаяния карел; не случайно и Петр в ряде вариантов этой руны называется карельским героем, прекрасным сыном Карелии («Роика каunis Карjalainen»).

И, наконец, несколько замечаний о третьей группе песен, представляющих интерес для истории Карелии начала XVIII века. Я имею в виду песни о «Ладожской канавушке» — о строительстве Вышневолоцкой водной системы, эксплуатация которой началась в 1709 году. На строительство каналов («канав») ² были согнаны десятки тысяч крестьян из многих уездов северных губерний, в том числе и Олонецкой губернии. Работы велись в необыкновенно тяжелых условиях, тысячи строителей погибли от болезней и голода, постоянно свирепствовавших на всех участках. Неудивительно, что народная песня отразила этот тяжкий эпизод в жизни трудового народа.

Известно несколько песен о канавушке³ с различными сюжетами. В одной из них бурлаки отправляются

На канавушку на Ладожку
На работу государеву⁴,

их провожают плачущие родители, жены и дети.

В другой молодец, которого отправляют рыть канавушку,

Как ехал государь — царь из-под Риги,
Велел мне земелюшку копати —⁵

в отчаянии хочет уйти в монастырь.

В третьей поется:

У нас по морю — морю
Два кораблика плывут.
Как на этих кораблях
По пятьсот молодцов,
Государевых гребцов.
Они косят и гребут,
В стога сенцо кладут,
Браву песенку поют,
Разговоры говорят

¹ По сообщению В. Я. Евсеева эта руна в течение XIX—XX вв. была записана более 30 раз.

² Местное население до сих пор называет каналы Вышневолоцкой и Маринской системы «канавами».

³ В сб. Киреевского приводится 4 текста на три сюжета (вып. 8, стр. 261—264). См. также Соболевский, т. VI, № 569; Е. В. Барсов. Петр Великий в народн. преданиях Сев. Края, «Беседа», 1872, № 5, стр. 17; М. Багрин. Скоморошья и бабы песни. СПб, 1910, № 7 и др.

⁴ В северных диалектах «бурлак» — каждый уходящий из деревни на иные работы.

⁵ Киреевский, вып. 8, стр. 262.

Все хозяина бранят:
«Ты рассукин сын хозяин
Расканалья сукин сын
Здесь канавушки порыл».¹

и т. д.

К ним примыкает песня, опубликованная в сборнике М. Багрина «Скоморошьи и бабьи песни», в которой фигурирует «Гурьев господин», подгоняющий землекопов, занятых на «канаве».² Однако время происхождения последней песни не поддается установлению. Для всех этих песен, как бы они различны ни были, характерно одно общее качество — тяжесть работы на «канаве»,³ совершенно заслонила в памяти трудового народа прогрессивность этого предприятия Петра, огромное его значение для развития русской экономики, русского судоходства и т. д. Причины этого совершенно ясны и не требуют дальнейшего комментирования.

Мы канавушку копали
Все ю проклинали.
На канавушку на конях,
А с канавушки-то пеша.

Разобранные нами циклы песен о Соловецком восстании, о Северной войне, о боях под Выборгом и, наконец, о ладожской «канавушке» показывают, насколько разнообразно и разнохарактерно отражают народные песни историческую действительность. Нуждаясь сами в углубленном историческом изучении они в то же время могут явиться подспорьем для историка, стремящегося проникнуть в социальную природу того или иного исторического факта, понять, что нового внесли те или иные исторические события в жизнь трудового народа, изучить, наконец, историю народного мировоззрения.

СОКРАЩЕНИЯ:

Миллер — В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. СПб, 1915.

Марков — А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901.

Соболевский — А. И. Соболевский. «Великорусские народные песни» I и VII тт. СПб, 1895—1902.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 6, 8, М., 1864—1870.

¹ Киреевский, вып. 8, стр. 261.

² Трудно сказать, какой Гурьев стал героем этой песни. Известен Гурьев Д. А. (1751—1825) — министр финансов при Аракчееве, прославившийся введением многих новых налогов, имя которого было ненавистным народу. Возможно, что с его именем связывали в народе и некоторые работы по совершенствованию Марининской системы. Известен и другой Гурьев — Гурьев С. А. (1762—1813) академик-математик и гидравлик, неоднократно посещавший Марининскую систему.

³ Напомним пословицу: «До Вытегры Ванюшка в сапожках, по за Вытегрой Ваня в лапотках».

Т. В. СТАРОСТИНА

**ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ ДРЕВНИХ АКТОВ XVII—XVIII вв.,
ХРАНЯЩИХСЯ В АРХИВЕ КАРЕЛЬСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР**

Описанная часть коллекции древних актов XVII—XVIII вв., хранящейся в архиве Карельского филиала АН СССР,¹ невелика (около сотни единиц хранения). Подавляющее число документов является остатком делопроизводства Шуерецкой волости за XVII и первую половину XVIII вв. Ввиду тесной связи между волостями Карельского Поморья многие из этих документов непосредственно касаются также Кемской волости, Сумского острога, Керети. К сожалению, эти несколько десятков документов XVII—XVIII вв. не представляют из себя систематической коллекции и тем более не освещают все стороны экономической и общественной жизни того времени. Наряду с актами, касающимися Карельского Поморья, в коллекции имеются жалованные грамоты обельным крестьянам Заонежья и Прионежья (№ 21, 90), азбука, написанная в Палеостровском монастыре (№ 92) и несколько документов, касающихся истории Каргополя XVII—XVIII вв.²

Эта коллекция документов вместе с тем является очень пестрой по составу. По всей вероятности, она — результат собирательской деятельности или отдельного ученого или учреждения. К сожалению, неизвестно, кому принадлежала эта коллекция актов, прежде чем она стала собственностью архива Карельского филиала АН СССР и учреждений, предшествовавших ему в деле изучения истории Карелии.

Архивная опись коллекции страдает рядом неточностей и ошибок в датировке документов³ и в определении их содержания. А самое главное то, что при отсутствии печатной описи мало кто знаком с этой коллекцией, представляющей несомненный интерес не только для историка,

¹ Архив Карельского филиала АН СССР, оп. 2, разряд 1. Опись составлялась по материалам известного исследователя истории Карелии Петрова, погибшего в Великую Отечественную войну.

² № 80, 79, 86, 77, 87, 83, 89, 76, 78, 84, 82, 81, 85, 88, 94 (Документы и здесь и в дальнейшем перечисляются в хронологической последовательности).

³ Так, например, документ № 20, датированный XVI в., на деле относится к началу XVIII в., ибо в документе фигурируют люди, упоминаемые в № 64 (1700 г.) и № 39 (1711 г.), и в № 74 (1711 г.). Некоторые документы пропущены, например, одна из челобитных шуеречан к Петру I (см. № 55).

но и для лингвиста. Исходя из всего вышесказанного, я и взяла на себя труд обзора коллекции. Поскольку в архивной описи зачастую нарушается хронологический принцип, то описывать документы в порядке их нумерации нет никакого смысла. Описаны они в предлагаемой статье, сообразуясь с их содержанием, тематически.

Среди документов прежде всего следует выделить те, которые касаются общинного владения угодьями (рыбными ловлями, нерпинными ловищами). Они говорят о том, что соседние волости межевали свои угодья и, тщательно их описав, составляли «угловорную полюбовную запись» о невмешательстве во владение чужой волости (№ 69, XVII век). Нарушения, имевшие место, вызывали споры, борьбу, обращение к властям Соловецкого монастыря (№ 29, челобитная от шуеречан, 1687 год). Некоторые из челобитных поморских крестьян говорят о состоянии рыбных и соляных промыслов в отдельные годы (№ 68, 1662 год; № 55, 1707 год). Особого внимания заслуживает документ № 55, содержащий две челобитные. Одна из них написана от имени шуеречан, соляных промышленников, другая — от имени рыбопромышленников, называемых в челобитной по месту их промыслов «мурманскими промышленниками». Обе челобитные, адресованные царю Петру, свидетельствуют о том, что нововведения петровского правительства в области косвенных налогов (в частности, увеличение косвенного налога на поморскую соль) пагубно отразилось не только на соляном промысле, но и на мурманском рыбном промысле. От начала XVIII века сохранился документ, касающийся самой организации промыслов. Это — «роспись», данная шуеречанином Евдокимом Трофимовым земскому старосте Роману Семенову о приеме кемлян «в складначество промышленять на тарасе» (№ 19).

В коллекции имеется семь документов 90-х гг. XVII — начала XVIII века, касающихся найма плотников, иконописцев, мастеров колокольного дела, писарей.¹ Эти «порядные» (договорные) записи отличаются обстоятельностью — указаны срок найма, характер работы, выдача аванса при начале работы, оплата в случае хорошего исполнения работы, пени в случае нарушения условий договора нанимателем или наймитам и т. д. Небезынтересны и некоторые биографические сведения, содержащиеся в этих порядных записях. Так, например, один из иконописцев, работавших в Шуерецкой волости, — заонежанин, другой — новгородец; иконописец, нанятый шуеречанами в Сумском остроге, совмещал свое «доброе мастерство» с должностью таможенного подьячего в том же остроге. Для истории наемных отношений эти документы представляют несомненный интерес и заслуживают того, чтобы их напечатали.

Акт по распоряжению имуществом в описанной части коллекции имеется мало (духовная грамота крестьянки Марфы Мироновой от 29 марта 1688 г. № 2, полюбовная «раздельная запись» между крестьянами-родственниками от 1716 года № 71 и купчая на рыбный чан от 1710 года № 58). ◉ малом числе документов подобного рода приходится сожалеть, так как они содержат подробное описание деревенского земельного участка — полосок «мягкой орамой земли», говорят о завещании земель не только родственникам, но также соседям, духовенству

¹ (№ 28, 11, 64, 20, 44, 50, 72.) Документ № 20 датирован на основе документа № 64, началом XVIII в. (около 1700—1701 гг., а не XVI в., как это датировано в архивной описи).

(№ 2), тщательно описывается недвижимое и движимое имущество крестьянской семьи и самый семейный раздел (№ 71).

Над всеми вышеописанными документами в коллекции численно преобладают документы, касающиеся ямской гоньбы и иных крестьянских повинностей (строительство и ремонт дорог, «городовые поделки», «острожное дело»), а также сбора с крестьян оброчных денег Соловецкому монастырю и налогов в государственную казну. Так, например, 28 документов из описываемой коллекции касаются выполнения ямской повинности с 1660 по 1737 год. Это — «полюбовные» и «счетные» записи между волостями Шуерецкой, Кемской, Сумской, Сорокской о выполнении ямской повинности, а также расписки о приеме денег,¹ книги записи расходов по тем же волостям по несению ямской повинности (№ 12, 33), челобитные крестьян Шуерецкой волости на крестьян других поморских волостей, не желающих «считаться» в выполнении ямской повинности и т. д.,² грамоты властей Соловецкого монастыря и холмогорского архиепископа о раскладке ямской повинности между шуерецкими и кемскими крестьянами и о «счете» расходов волостей по ямской гоньбе (№ 6, 38). Несмотря на однотипность этих документов они в ряде случаев содержат новые факты по истории Карелии начала XVIII века. Явствует, что в условиях Северной войны ямская повинность в Карельском Поморье становится более тяжелой, чем прежде. Подвод требуют чаще, требуют срочно для перевозки правительственных гонцов, для перевозки денег в Кольский острог для уплаты жалованья стоящим там служивым людям. На крестьянских подводах посылались в Колу «ремесленные... Олонецкого уезда», рудознатцы, перевозилась из Керетской волости слюда и т. д.³ В связи с возрастанием движения по поморским дорогам возрастают требования со стороны правительства и монастырских властей к крестьянам по содержанию дорог и по самой организации почтовой гоньбы, требование к волостям покупать специальных почтовых лошадей, содержать лошадей и почтарей так, чтобы не было никакой заминки, «чтоб не вызвать государева гнева» (№ 63, 38, 75). Изменяются условия полюбовных записей между волостями о несении ямской повинности (№ 24). В нескольких документах, касающихся ямской гоньбы, упоминается о массовой расчистке дорог в 1702 году, когда в связи с «государевым пришествием» строилась «осударева дорога» и на строительстве ее крестьяне Шуерецкой волости работали все поголовно (№ 37).

В тесной связи с ростом движения по поморским дорогам стоит сохранившееся в коллекции подробное описание дороги от Кеми до Шуерецкой волости (№ 59).

Датировка некоторых документов, касающихся ямской гоньбы, в описи сделана неправильно. Так, документ № 12 датирован XVI веком, вместо 1667—1676 гг., № 25 отнесен к 1676 году, вместо 1678 года, № 37 датирован XVII веком, тогда как он относится к началу XVIII века — не ранее 1702 года, № 97 отнесен к XVII веку, тогда как относится опять-таки к XVIII веку. Та же ошибка сделана относительно документа № 96. Имеются в описи ошибки в легендах.

¹ № 27, 8, 9, 7, 1, 5, 52, 35, 49, 24/1, 31, 96, 97, 30, 31.

² № 9, 10, 25, 23, 65, 3, 17, 4, 37, 48, 24 (2).

³ № 37, 33, 41, 24, 46, 47.

Подобно документам по ямской повинности сравнительно многочисленны грамоты, отписки, расписки, крестьянские челобитные, касающиеся уплаты денег в казну и в монастырь,¹ выполнения строительных работ в Сумском остроге и монастыре.² Монастырь брал с волости «за монастырскую плотничную работу» деньги, на которые затем нанимал плотников из тех самых волостей или волость сама нанимала плотников и посылала их в распоряжение монастырских властей. В обоих случаях строительство оборонных и хозяйственных построек оплачивалось поморскими крестьянами. Крестьяне не раз писали об обременительности «острожного дела» и «городовых поделок». Память старцу Сумского острога свидетельствует об ослушании крестьян при сборе денег и о правееже этих денег стрельцами (№ 18). Из документа № 26 мы узнаем, что монастырские власти давали крестьянам деньги по кабалам.

Из документов начала XVIII века наиболее интересны документы, касающиеся работ на Алексеевском заводе. С ними тесно связаны всевозможные распоряжения, посланные в поморские волости комендантом Петровских заводов. Всего их насчитывается 17 единиц хранения,³ но под отдельными номерами скрываются по сути дела десятки различных документов, например, многие расписки приемщика железной руды от крестьян (№ 39), расписки о приеме крестьянами-возчиками хлеба у шуерецкого хлебного целовальника для доставки его на Алексеевский завод (№ 54).

Все эти документы — «порядные записи» шуеречан с крестьянами других погостов и волостей о найме — «за себя» на заводские работы — (№ 51, 36), «книги» приемщика железной руды от крестьян на Алексеевском заводе (№ 39), расписки «наемщиков» в получении от волостных выборных денег за работу на заводе (№ 74), расписки — «ерлыки», данные заводской администрацией в выполнении той или иной заводской работы (№ 62), «сказки» «мучных» целовальников (№ 61), «расписки» выборных в приеме расписок о сдаче хлеба на Алексеевский завод (№ 40), расписки возчиков в приеме от мучных целовальников хлеба для перевозки на Алексеевский завод (№ 57, 42, 54), расписки в приеме денег от выборных сборщиков за наем возчиков по доставке хлеба на завод и прочее (43, 34, 45, 46, 70) — являлись ценным источником по истории поморского крестьянства. Они свидетельствуют о дальнейшем росте имущественного неравенства в деревне, о возрастании числа крестьян-«наймитов», говорят о тяжести и разнообразии повинностей и сборов, возложенных на поморское крестьянство в период Северной войны. Распоряжения центральной власти, передаваемые в поморские волости в виде «указов» администрации Петровских заводов, в коллекции представлены слабо (№ 53, 56, 60). Но они дают некоторые данные о недовольстве и сопротивлении крестьян заводским повинностям (например, № 56). Даже при беглом обзоре коллекции видны связи хозяйственные, культурные внутри самого Поморья, связи Поморья с лопскими погостами, с последними были также родственные связи (№ 2), а также с Заонежьем и частично с Олонцом и даже Новгородом. Привлекает к коллекции внимание ряд типичных карельских

¹ № 13 (грамота), № 18, 26 (памяти), № 67, 15 (отписки), № 95, 32, 73 относятся к 1736 году и касаются сбора подушной подати, № 14, 66 (челобитные).

² № 95, 14, 18, 32.

³ № 40, 60, 36, 51, 61, 42, 54, 57, 56, 34, 39, 53, 62, 43, 74, 45, 70. Документы охватывают 1704—1712 гг.

фамилий (Кивроевых — № 49, 58, Куккоевых — № 5, Ригоёвых — № 24 и др.), встречаются фамилии, говорящие о саамских предках их носителей (например, Лопинцовы — № 6, 7), многие старинные русские имена языческого происхождения, частое употребление большинства библейских имен (Моисей, Исаак, Иуда, Симон и др.), затем позже вышедших из употребления как у русских, так и у карел, но память о которых до сих пор живет в ряде фамилий, встречающихся в Карелии. В уже упоминаемых ранее документах, дающих описание поморских местностей, сохранилась карельская топонимика.¹

Самый язык документов отражает многие особенности местного диалекта, в лексике имеется ряд слов, свидетельствующих о заимствованиях из карельского языка. Для лингвистов, занимающихся русскими северными диалектами и прежде всего беломорским, коллекция представляет несомненный интерес.

В коллекции имеется скорописная азбука (написана она в 1717 году иноком Палеостровского монастыря Иосафом) и почти во всех документах имеются данные о грамотности (чаще всего «руки прикладывают» грамотные крестьяне, жители Кемского городка, стрельцы Сумского острога и т. п.). «Подрядные записи» о найме (№ 22, 11, 50, 68) содержат факты по истории местного церковного зодчества и о работе иконописцев.

Наконец, следует отметить, что в коллекции документов обнаружены некоторые материалы о семье Лошкиных, выдвинувшей во 2-й половине XVIII века знаменитого Савву Лошкина. В литературе Савва Лошкин называется олончанином, причем часто местом его рождения указан Олонец.² Естественные сомнения некоторых исследователей на сей счет не подкреплялись до сих пор документами. В коллекции имеется четыре документа (№ 6, 7, 40, 61), в которых упоминаются имена нескольких поколений кемских крестьян Лошкиных — в XVII веке Никита Лошкин, его сын Карп и в первые десятилетия XVIII века — Никифор Лошкин. Лошкины пользовались уважением замляков. Так, Карп Никитич Лошкин был в 1690 году выборным счетчиком от Кемской волости (№ 6, 7). Никифор Лошкин (по всем данным, сын Карпа Никитича Лошкина) в 1706—1707 гг. — хлебный целовальник на Алексеевском заводе, человек грамотный. Хотя о самом Савве Лошкине коллекция ничего не говорит, но и то, что имеется, облегчает дальнейшие розыски. Ясно, что искать данные о нем нужно не в олонецких, а в поморских документах.

Что касается документов по Каргополю, то в большинстве случаев это царские грамоты, извещающие о победе под Азовом (№ 78), об освобождении от оброка деревень Елгомской пустыни (№ 82), требующие принять участие в розысках Василия Талицкого, бежавшего из Москвы (№ 85) и т. д. По истории города Каргополя сохранились два документа под № 79 от 1658 года, говорящие о борьбе внутри посадских за землю (ибо некоторые «загородили себе большие огороды и сеют на их хлеб, лишив остальных выгона»).

¹ № 59 «Список с Кемской описной дороги», № 69 «Полюбовная запись шуеречки промышленников «сального промысла», с кемским старостой о разделении островков для рыбной ловли.

² В. Ю. Визе. Русские полярные мореходы XVIII—XIX вв. М.—Л., 1948, стр. 38—39.

Заканчивая обзор, обращаю внимание на документ № 91, названный в описи уставной грамотой 1562 года.¹ Грамота действительно относится к 1562 году. Датировка, данная в конце ее, подтверждается при палеографическом анализе — водяной знак на бумаге (маленькая сфера, пересеченная чертой, над сферой геральдическая лилия, под сферой фигура сердцевидной формы) имеет сходство с № 3179, в альбоме Н. П. Лихачева, который датируется 1560 годом, и другими документами, относящимися к 60-м гг. XVI века.² Но грамота 1562 года только упоминает об уставной грамоте, на основе которой и судебника 1550 года должен был организоваться суд в Кемской и Шуерецкой волостях. Ввиду дефектности начала грамоты мы можем назвать ее, исходя из содержания. Эта грамота, данная новгородскими дьяками Василием Стефановым сыном Угримовым и Леонтием Ананьиным³ выборным судьям Кемской и Шуерецкой волостей. В ней изложены основные положения уставной грамоты и даны дополнительные распоряжения выборным судьям, поэтому грамота представляет значительный интерес как для исследователей истории Карелии, так и истории России XVI века вообще.

В заключение хочу сказать о том, что обзор, охвативший часть документов, составляющих коллекцию, поможет архиву в составлении новой описи, в которой желательно сохранить прежнюю нумерацию документов, поскольку отдельными актами коллекции пользовались историки, занимавшиеся историей Карелии XVII—XVIII вв.

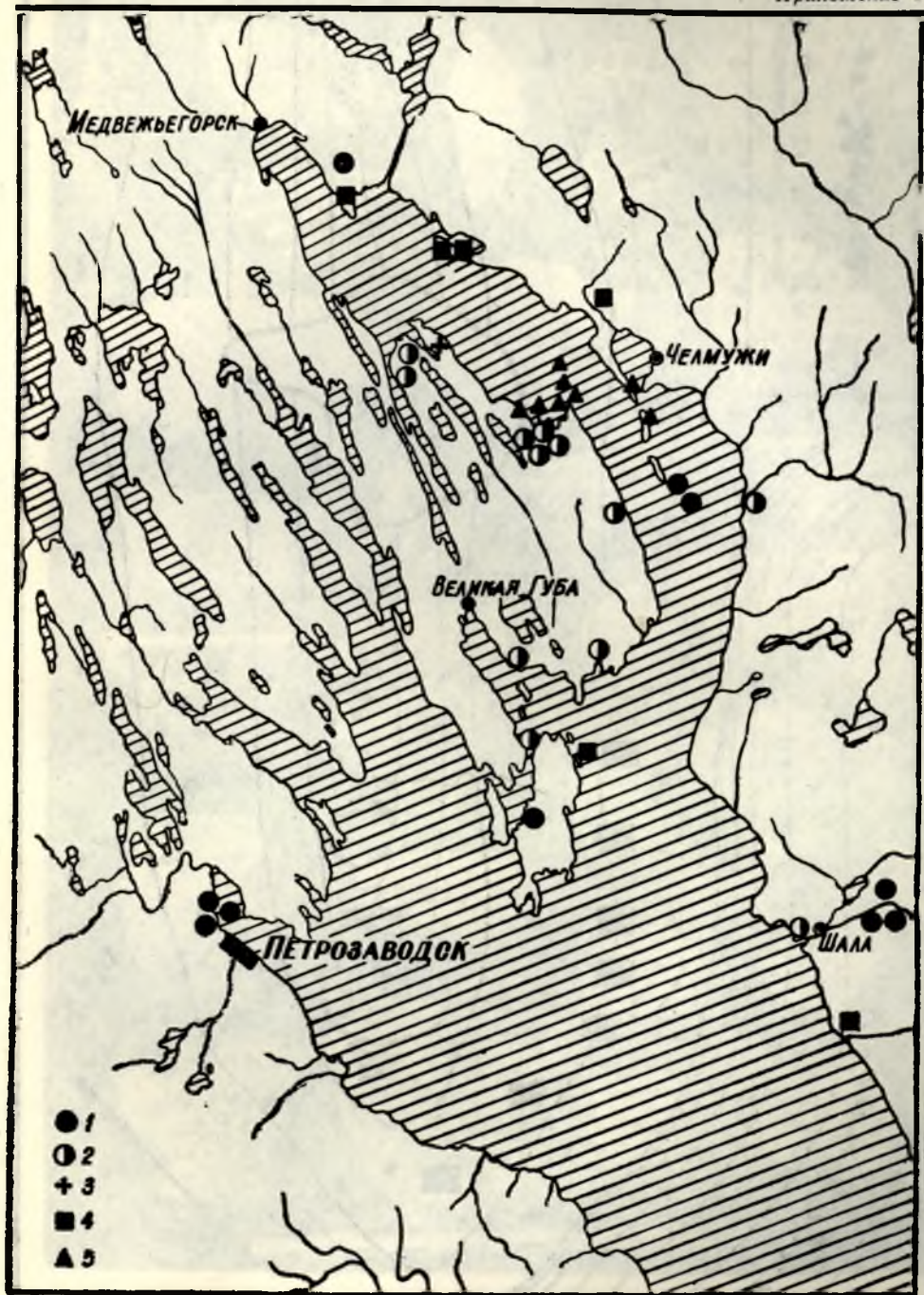
¹ Как уставная грамота он издан дважды: А. Линеvский, В. Машезерский, В. Пегов. Хрестоматия по истории Карелии. Петрозаводск, 1939, № 18, стр. 112—114; Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск 1941, № 86, стр. 190—193.

² Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I, II, III, СПб, 1899. № 2997, 2998, 3439, 3440, 1932, 1913.

³ Оба дьяка известны ученым — см. Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб, 1890, стр. 250—253. 265—266.

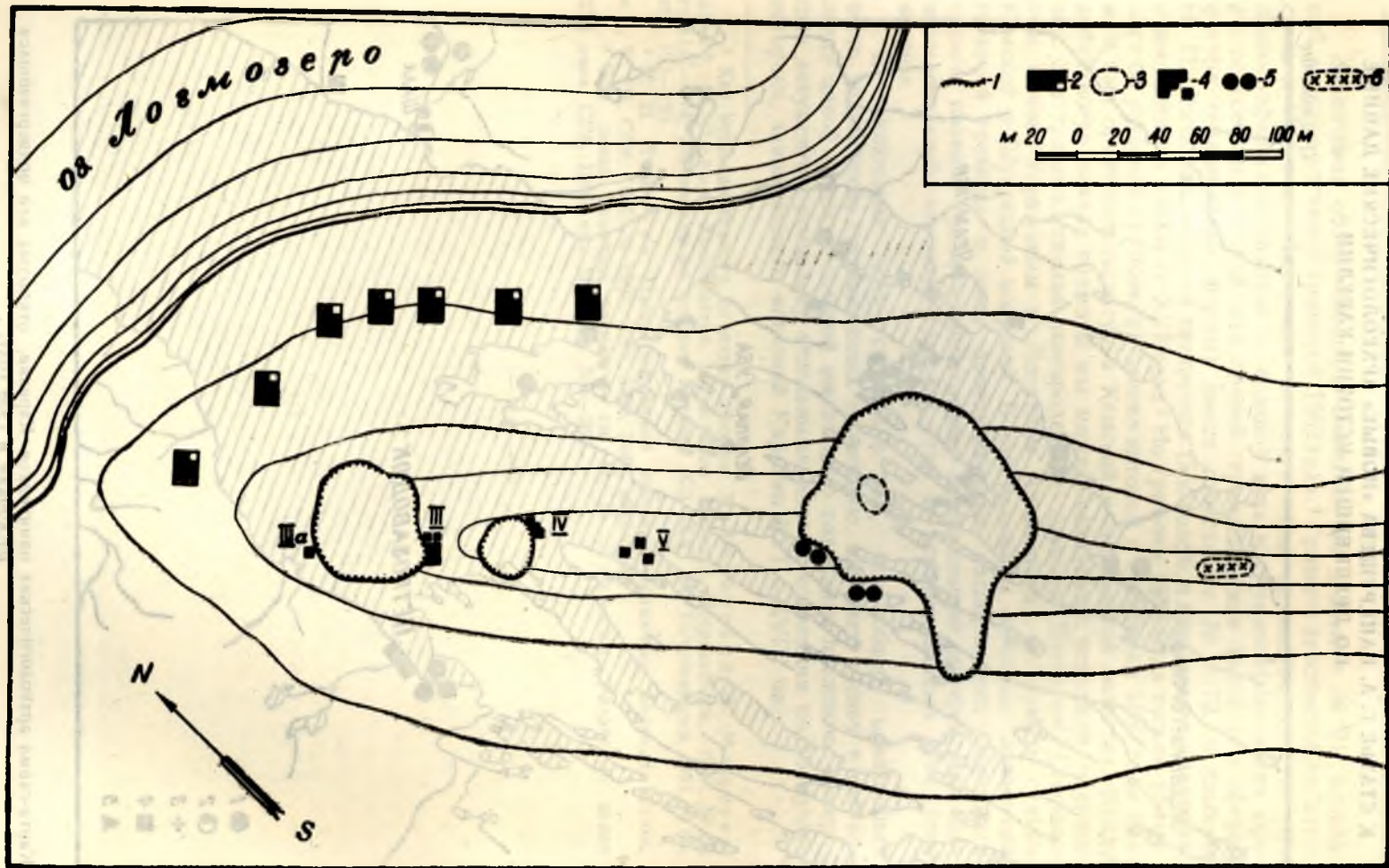
ПРИЛОЖЕНИЯ
К СТАТЬЕ Г. А. ПАНКРУШЕВА «НОВЫЕ» АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
ПО ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КАРЕЛИИ

Приложение 1

Карта-схема археологических памятников Карелии, открытые или подвергавшихся раскопкам в 1955 году:

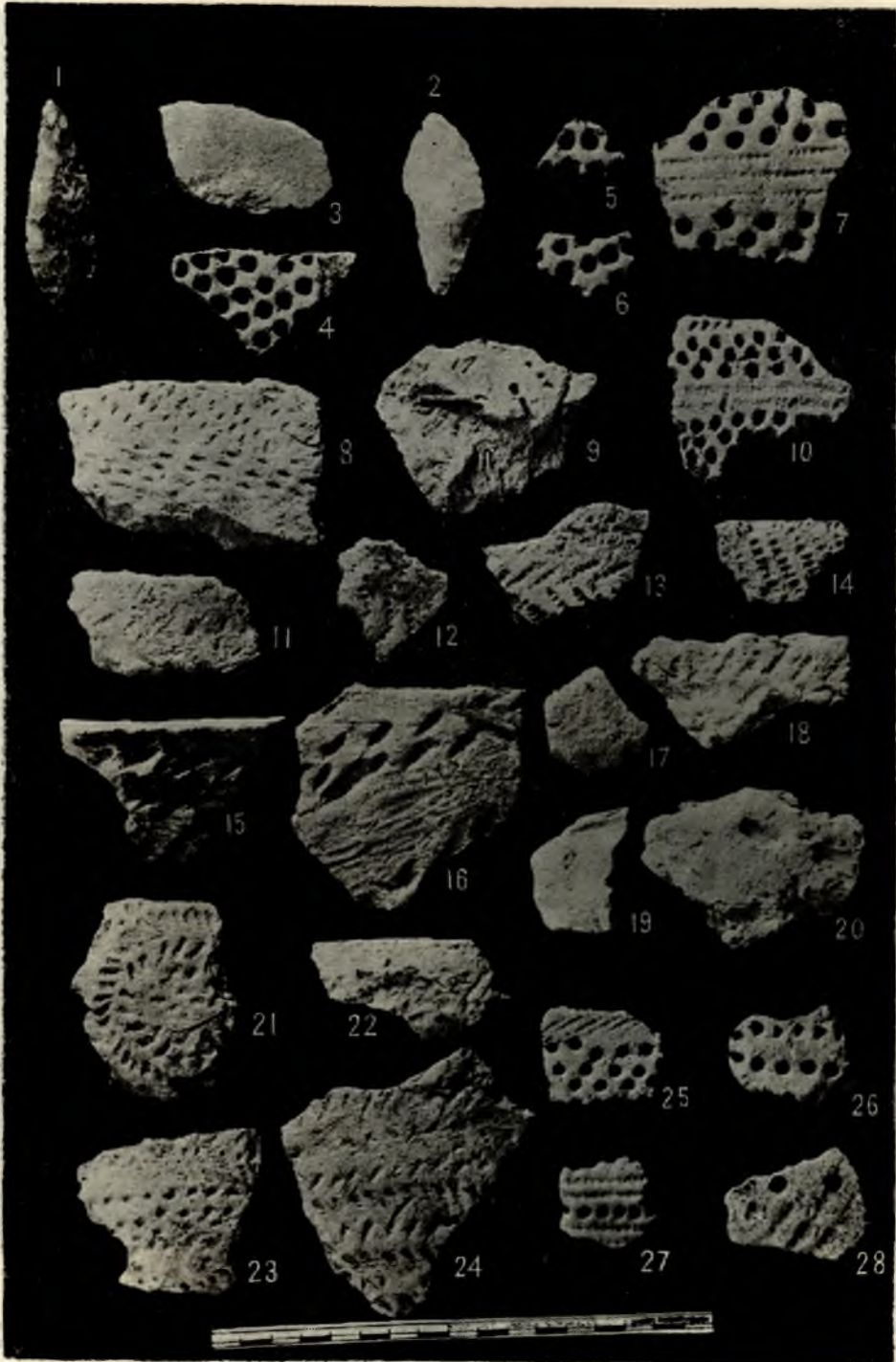
1 — стоянки периода неолита и раннего металла, открытые в 1955 году; 2 — места отдельных находок археологических вещей; 3 — неолитическая могила; 4 — признаки древних стоянок; 5 — разведочная шурфовка и раскопки ранее известных стоянок

Положение 2

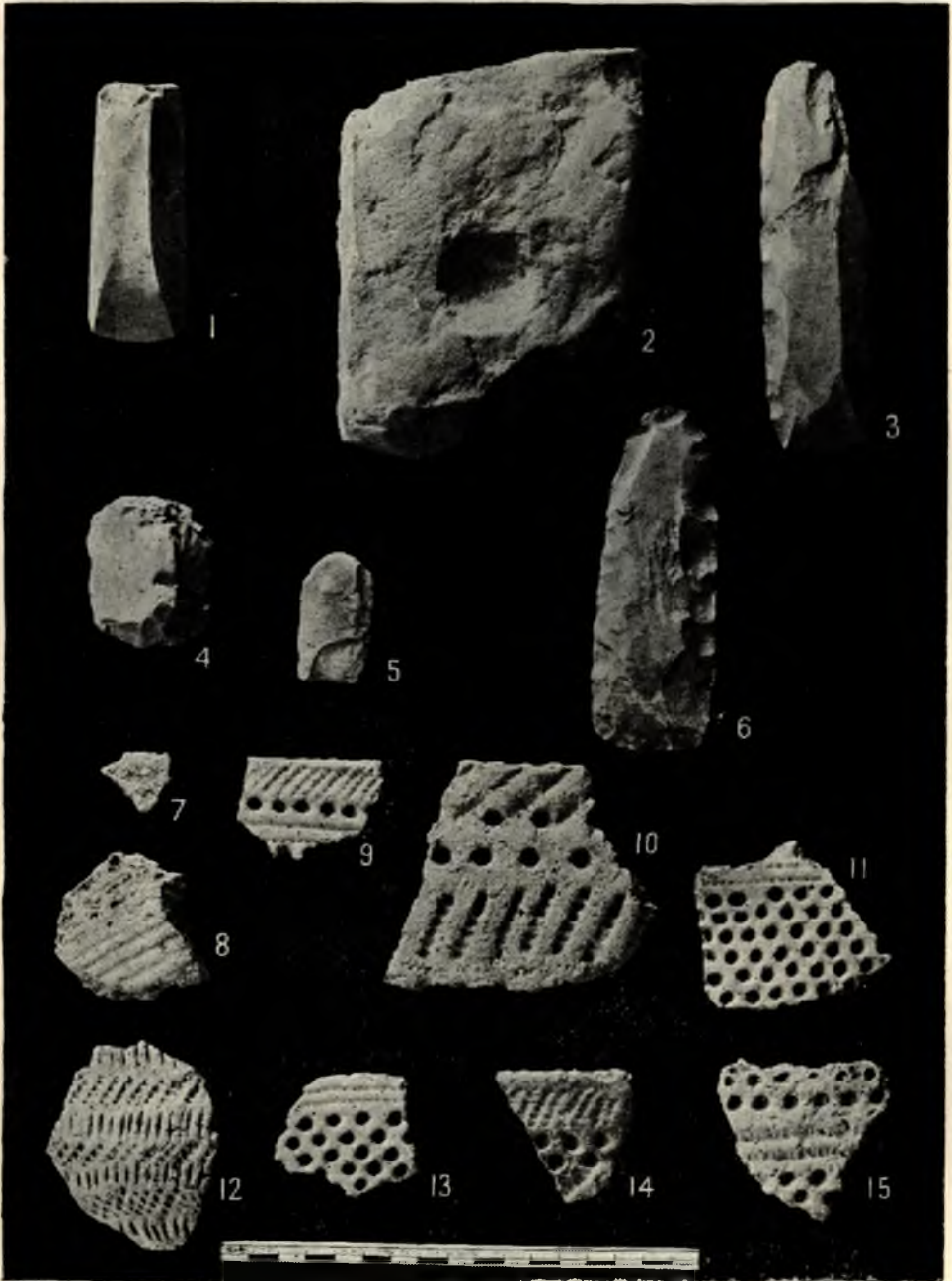
План расположения древних поселений близ поселка Соломенное:

1 — границы песчаных карьеров; 2 — жилые дома; 3 — приблизительное место расположения снятой карьером стоянки Соломенное II; 4 — раскопы и шурфы; 5 — отдельные находки (керамика и орудия); 6 — слой ярко-красного песка

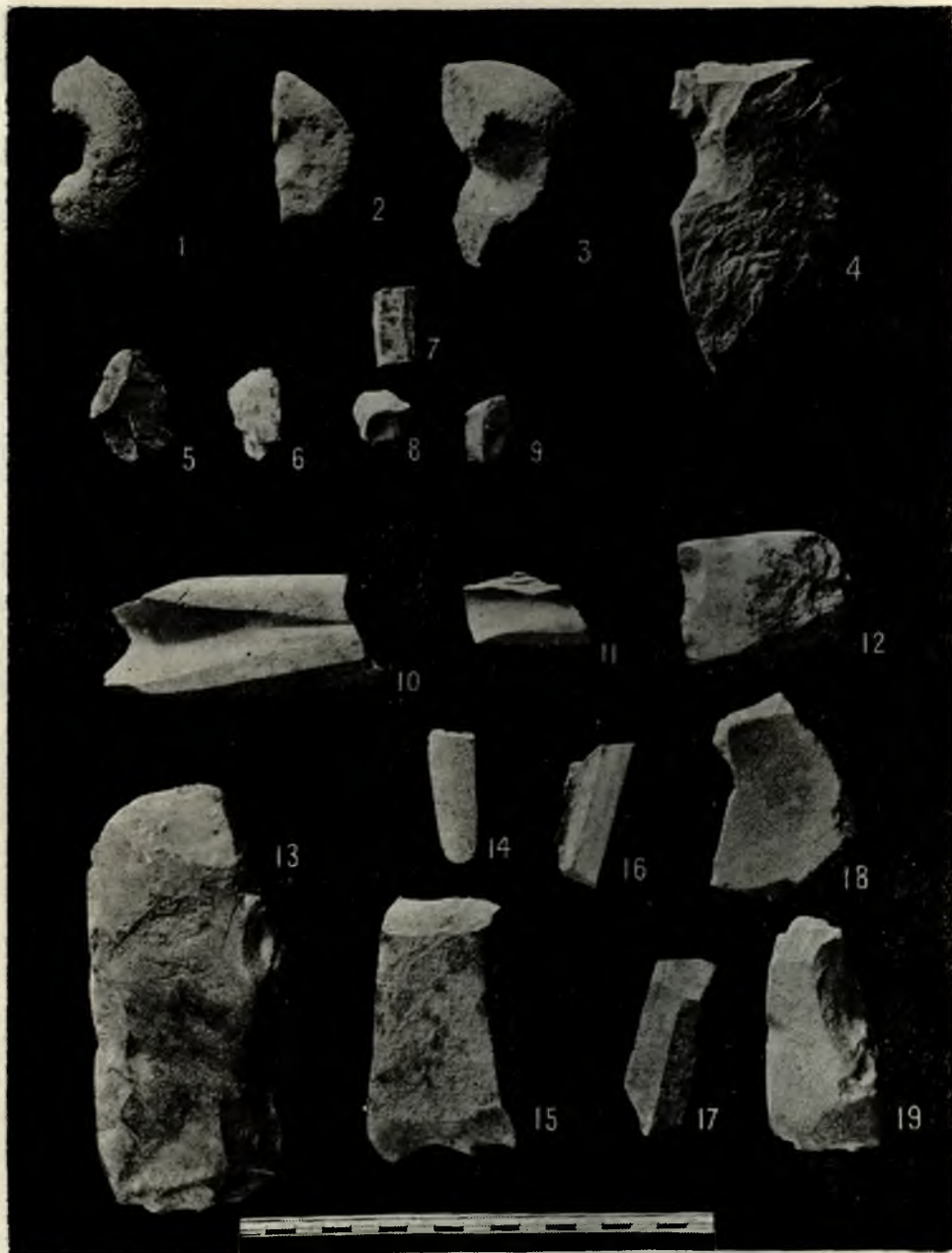
Образцы керамики и орудий со стоянок Соломенное III и Соломенное V:

1—2—кремневые наконечники стрел (Соломенное III); 3—обломок шлифовальной плиты (Соломенное III); 4—8— „ямочно-зубчатая“ керамика (Соломенное III); 9—14— „асбестовая“ керамика (Соломенное III); 15—24— „асбестовая“ керамика (Соломенное V); 25—28— „ямочно-зубчатая“ керамика (Соломенное V)

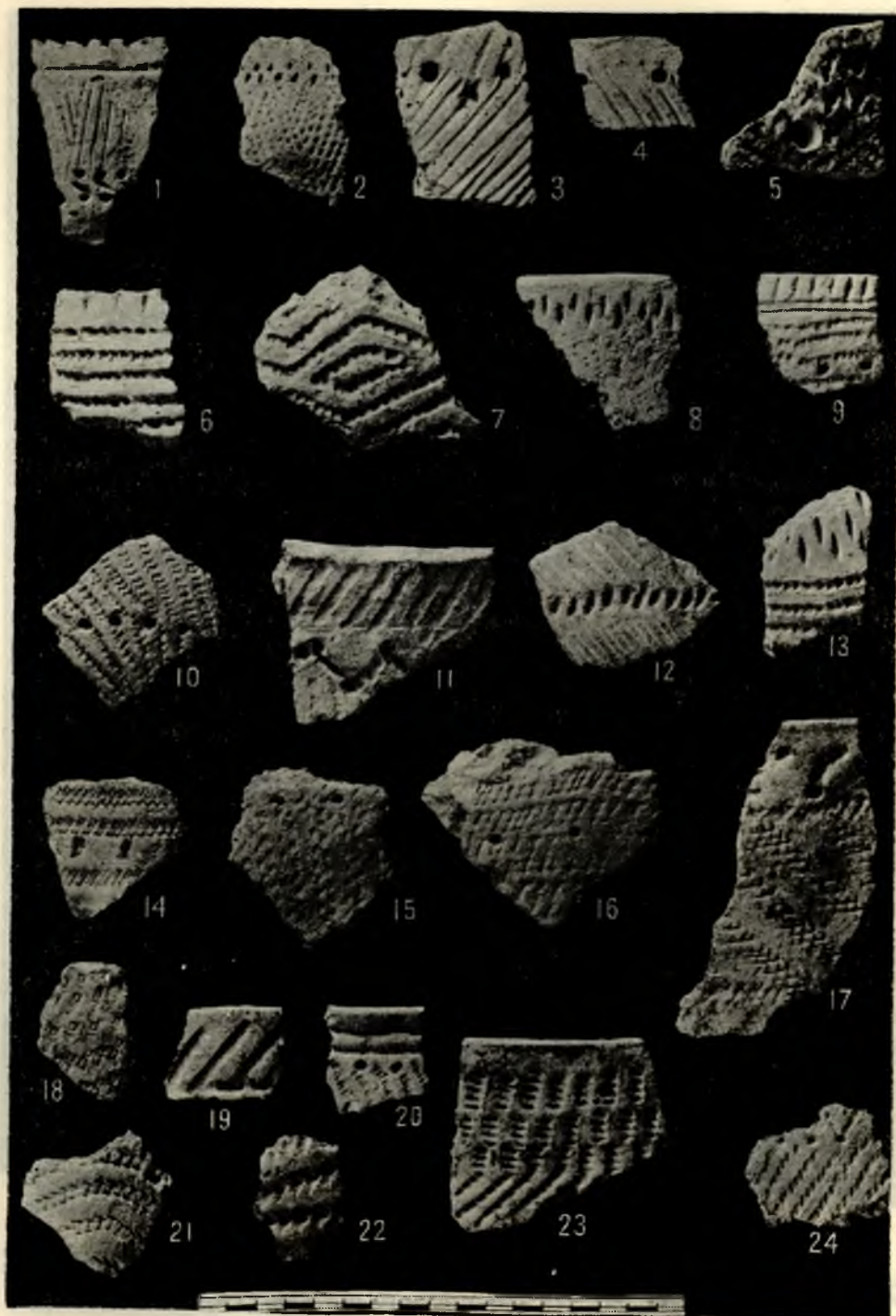
Образцы орудий и керамики со стоянки Соломенное IV:

1 — долото сланцевое; 2 — заготовка грузила с незаконченным долблением; 3 — заготовка топора; 4 — отбойник сланцевый; 5 — скребок сланцевый; 6 — заготовка топора сланцевого с начатым шлифованием; 7—8 — керамика типа „Сперрингс“; 9—15 — керамика „ямочно-зубчатая“

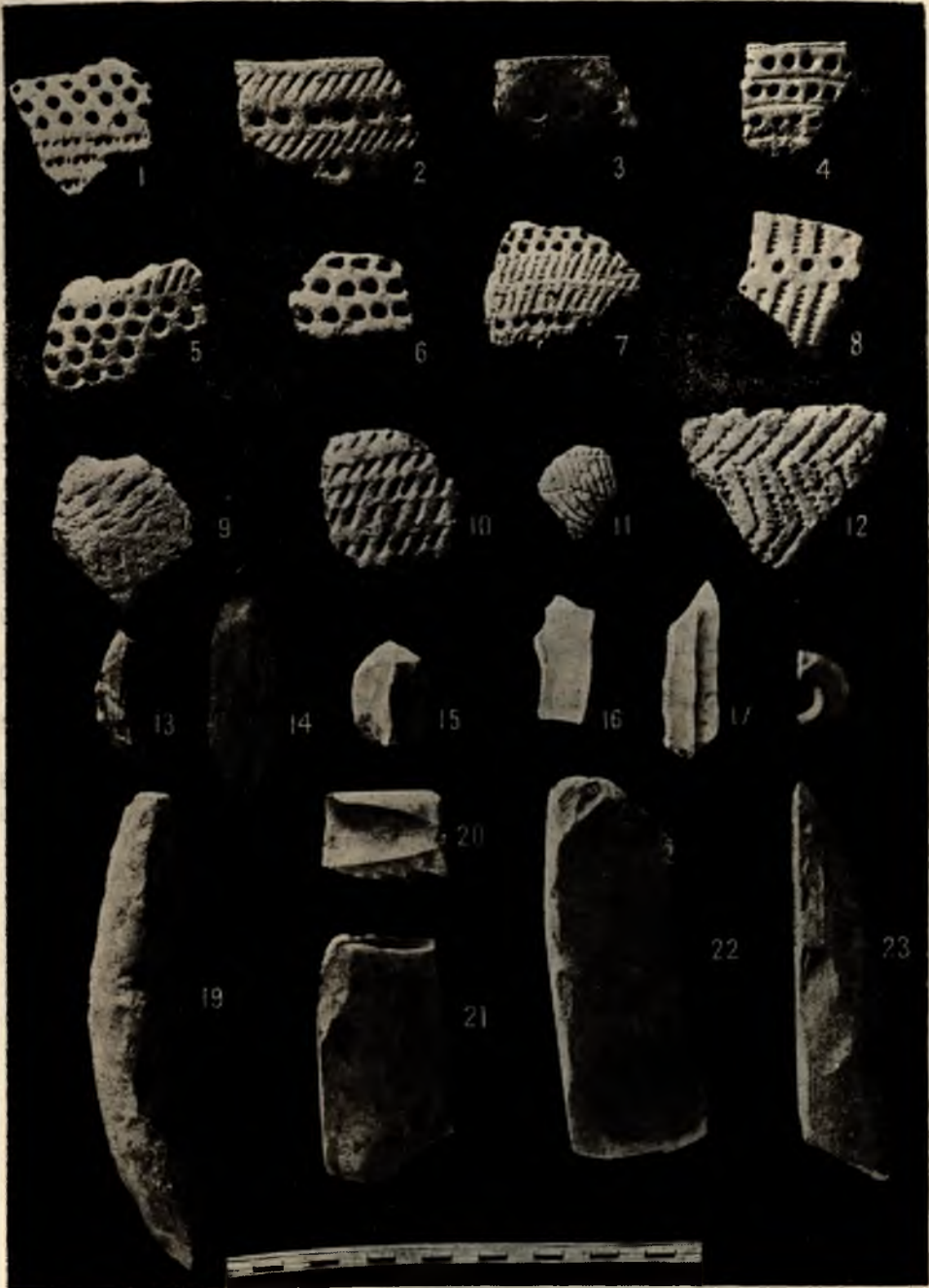

Образцы орудия Оленеостровской неолитической мастерской:

1-3— обломки груза от рыболовных сетей; 4— грузило от рыболовной сети; 5-6 и 8-9— скребки из роговика, кварца и кремня; 7— обломок ножевидной пластинки (кремь); 10-11— обломки сланцевых желобчатых долот; 12-13, 15 и 19— топоры сланцевые; 14— обломок пилы из песчаника; 16-17— камни с надпилами (сланец); 18— обломок шлифовальной плиты из песчаника

Образцы керамики со стоянки, расположенной в 9 км от села Челмужи (керамика типа „Сперрингс“)

Образцы керамики и орудий со стоянки, расположенной в 9 км от села Челмужи:

1—12— «ямочно-зубчатая» керамика; 13—14— ножи (кремневый и роговиковый); — 15— скребок кремневый; 16—17— ножевидные пластинки кремневые; 18— обломок шиферного кольца со сверленным отверстием; 19— кирка; 20— обломок желобчатого долота (сланец); 21— топор сланцевый; 22— тесло сланцевое; 23— обломок кирки (сланец)

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Г. А. ПАНКРУШЕВ. Новые археологические данные по древнейшей истории Карелии	3
Я. А. БАЛАГУРОВ. Расслоение олонецких приписных крестьян во второй половине XVIII столетия	14
Г. Н. БОГДАНОВА. К вопросу об имущественном и социальном рас- слоении крестьянства Карелии во второй половине XVIII века	35
В. И. ПЛОТНИКОВ. Первые профессиональные художники — уроженцы Карелии. (К истории изобразительного искусства Карелии)	50
А. С. ЖЕРБИН. Переселение карел на русские земли в русской историографии	60
К. В. ЧИСТОВ. Некоторые моменты истории Карелии в русских исторических песнях	67
Т. В. СТАРОСТИНА. Обзор коллекции древних актов XVII—XVIII вв., хранящихся в архиве Карельского филиала АН СССР	88
Приложения к статье Г. А. Панкрушева	93

Редактор *А. В. Баланчук*
Технический редактор *О. Б. Петрова*
Корректоры *Л. Ф. Суханова* и *О. И. Дрожак*

*

Слано в набор 11/IV 1958 г. Подписано к печати 19/VIII 1958 г. Е—05596. Бумага 70×108¹/₁₆—6,25 печ. л.
7,93 уч. изд. листа. Тираж 500 экз. Заказ № 646. Цена 5 р. 80 к.

Госиздат Карельской АССР, Петрозаводск, пл. 25 Октября, 1.

*
Сортавальская книжная типография Полиграфиздата Министерства культуры КАСР
Сортавала, Карельская, 32.